ДЖО

УОЛТОН

ПРЕМИЯ «ХЬЮГО» ПРЕМИЯ «НЕБЬЮЛА»

БРИТАНСКАЯ ПРЕМИЯ ФЭНТЕЗИ

СРЕДИ ДРУГИХ

Среди других
Джо Уолтон

Аннотация
Джо Уолтон. Среди других
Благодарности и примечания
Четверг, 1 мая 1975 года
Среда, 5 сентября 1979 года
Четверг, 6 сентября 1979 года
Пятница, 7 сентября 1979 года
Вторник, 18 сентября 1979 года
Среда, 19 сентября 1979 года
Четверг, 20 сентября 1979 года
Суббота, 22 сентября 1979 года
Воскресенье, 23 сентября 1979 года
Вторник, 25 сентября 1979 года
Среда, 26 сентября 1979 года
Суббота, 29 сентября 1979 года
Воскресенье, 30 сентября 1979 года
Вторник, 2 октября 1979 года
Четверг, 4 октября 1979 года
Пятница, 5 октября 1979 года
Суббота, 6 октября 1979 года
Воскресенье, 7 октября 1979 года
Понедельник, 8 октября 1979 года

Среда, 10 октября 1979 года
Четверг, 11 октября 1979 года
Пятница, 12 октября 1979 года
Суббота, 13 октября 1979 года
Воскресенье, 14 октября 1979 года
Понедельник, 15 октября 1979 года
Вторник, 16 октября 1979 года
Среда, 17 октября 1979 года
Четверг, 18 октября 1979 года
Пятница, 19 октября 1979 года
Суббота, 20 октября 1979 года
Воскресенье, 21 октября 1979 года
Понедельник, 22 октября 1979 года
Вторник, 23 октября 1979 года
Четверг, 25 октября 1979 года
Пятница, 26 октября 1979 года
Суббота, 27 октября 1979 года
Воскресенье, 28 октября 1979 года
Понедельник 29 октября 1979
Вторник, 30 октября 1979 года
Среда, 31 октября 1979 года
Четверг, 1 ноября 1979 года
Пятница, 2 ноября 1979 года
Суббота, 3 ноября 1979 года
Понедельник, 5 ноября 1979 года
Вторник, 6 ноября 1979 года

Четверг, 8 ноября 1979 года
Пятница, 9 ноября 1979 года
Суббота, 10 ноября 1979 года
Воскресенье, 11 ноября 1979 года
Понедельник, 12 ноября 1979 года
Вторник, 13 ноября 1979 года
Среда, 14 ноября 1979 года
Четверг, 15 ноября 1979 года
Пятница, 16 ноября 1979 года
Суббота, 17 ноября 1979 года
Воскресенье, 18 ноября 1979 года
Вторник, 20 ноября 1979 года
Среда, 21 ноября 1979 года
Четверг, 22 ноября 1979 года
Пятница, 23 ноября 1979 года
Суббота, 24 ноября 1979 года
Воскресенье, 25 ноября 1979 года
Понедельник, 26 ноября 1979 года
Вторник, 27 ноября 1979 года
Среда, 28 ноября 1979 года
Четверг, 29 ноября 1979 года
Пятница, 30 ноября 1979 года
Суббота, 1 декабря 1979 года
Воскресенье, 2 декабря 1979 года
Понедельник, 3 декабря 1979 года
Вторник, 4 декабря 1979 года

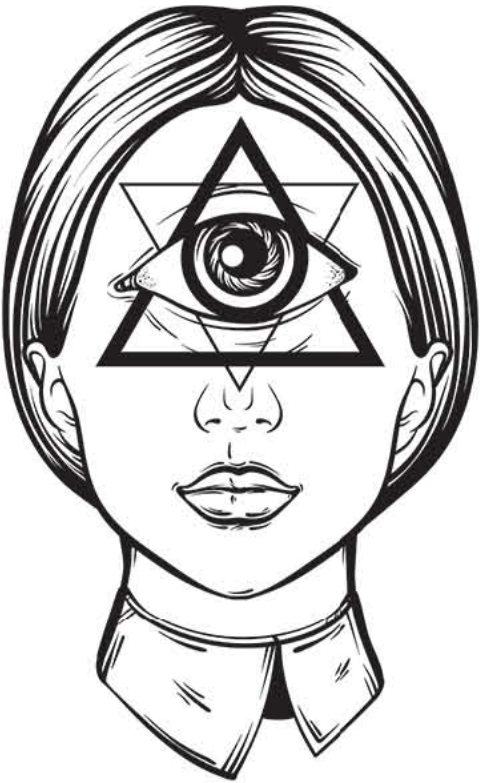
Среда, 5 декабря 1979 года
Четверг, 6 декабря 1979 года
Пятница, 7 декабря 1979 года
Суббота, 8 декабря 1979 года
Воскресенье, 9 декабря 1979 года
Понедельник, 10 декабря 1979 года
Вторник, 11 декабря 1979 года
Среда, 12 декабря 1979 года
Пятница, 14 декабря 1979 года
Суббота, 15 декабря 1979 года
Воскресенье, 16 декабря 1979 года
Понедельник, 17 декабря 1979 года
Вторник, 18 декабря 1979 года
Среда, 19 декабря 1979 года
Четверг, 20 декабря 1979 года
Пятница, 21 декабря 1979 года
Суббота, 22 декабря 1979 года
Воскресенье, 23 декабря 1979 года
Понедельник, 24 декабря 1979 года, сочельник
Вторник, 25 декабря 1979 года, Рождество
Среда, 26 декабря 1979 года
Четверг, 27 декабря 1979 года
Пятница, 28 декабря 1979 года
Суббота, 29 декабря 1979 года
Воскресенье, 30 декабря 1979 года
Вторник, 1 января 1980 года

Среда, 2 января 1980 года
Четверг, 3 января 1980 года
Пятница, 4 января 1980 года
Суббота, 5 января 1980 года
Воскресенье, 6 января 1980 года
Понедельник, 7 января 1980 года
Вторник, 8 января 1980 года
Среда, 9 января 1980 года
Четверг, 10 января 1980 года
Пятница, 11 января 1980 года
Суббота, 12 января 1980 года
Воскресенье, 13 января 1980 года
Понедельник, 14 января 1980 года
Вторник, 15 января 1980 года
Среда, 16 января 1980 года
Четверг, 17 января 1980 года
Пятница, 18 января 1980 года
Суббота, 19 января 1980 года
Воскресенье, 20 января 1980 года
Понедельник, 21 января 1980 года
Вторник, 22 января 1980 года
Среда, 23 января 1980 года
Четверг, 24 января 1980 года
Пятница, 25 января 1980 года
Суббота, 26 января 1980 года
Воскресенье, 27 января 1980 года

Понедельник, 28 января 1980 года
Вторник, 29 января 1980 года
Среда, 30 января 1980 года
Четверг, 31 января 1980 года
Пятница, 1 февраля 1980 года
Суббота, 2 февраля 1980 года
Вторник, 5 февраля 1980 года
Среда, 6 февраля 1980 года
Четверг, 7 февраля 1980 года
Пятница, 8 февраля 1980 года
Суббота, 9 февраля 1980 года
Воскресенье, 10 февраля 1980 года
Понедельник, 11 февраля 1980 года
Вторник, 12 февраля 1980 года
Среда, 13 февраля 1980 года
Четверг, 14 февраля 1980 года
Пятница, 15 февраля 1980 года
Суббота, 16 февраля 1980 года
Воскресенье, 17 февраля 1980 года
Понедельник, 18 февраля 1980 года
Вторник, 19 февраля 1980 года
Среда, 20 февраля 1980 года

Аннотация

Волшебство рядом. Стоит лишь приглядеться. Магия реальна. И Морвенна Фелпс знает об этом не понаслышке. Она победила в неравной битве свою безумную мать-колдунью, но потеряла родную сестру-близнеца. Сбежав к отцу, которого прежде Морвенна никогда не видела, она отправляется в школу-интернат, где от одиночества искушает судьбу и с помощью волшебства решает завести настоящих друзей. Своими действиями она привлекает внимание фейри, странных и чудесных созданий, но Морвенна еще не знает, что семья просто так ее не оставит, а волшебный мир может быть очень страшен.



Джо Уолтон
Среди других

Перевод с английского:
Jo Walton
AMONG OTHERS
Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов Donald Maass Literary Agency (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).
Copyright © 2010 by Jo Walton
All rights reserved.
© Галина Соловьева, перевод, 2017
© Татьяна Веряйская, иллюстрация, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

***

«Среди других» — это забавная, глубокая, пронзительная и увлекательная история, но когда дело касается магии, она превосходит сама себя.
Урсула К. Ле Гуин

Прекрасный роман, ничего похожего я никогда не читал: уютная, трогательная и по-настоящему магическая история.
Патрик Ротфусс

Если вы любите фантастику и фэнтези, если чтение для вас важно, если вы помните ту радость, с которой открывали в первый раз свои

любимые книги, прочтите этот роман.
Робин Хобб

***

Посвящается всем на свете библиотекам и библиотекарям, которые изо дня в день сидят там, одалживая людям книги.

Благодарности и примечания

Я хотела бы поблагодарить тетю Джейн, которая принимала как аксиому, что я буду взрослеть и писать, и ее дочь Сью, теперь Эшвелл, которая дала мне и «Хоббита», и трилогию «Земноморья» Ле Гуин. И еще я благодарна миссис Моррис, моей учительнице валлийского, которая тридцать лет волновалась за меня.

Мэри Лэйв и Патрик Нильсен ободряли меня, пока я писала эту книгу. Мои корреспонденты в Живом Журнале отлично снабжали меня нужными сведениями из самых разных областей, особенно Майк Скотт, без которого я бы не справилась. Не каждый научный консультант на полную ставку так расторопен и информирован. Еще раз спасибо, Майк.

Эммет О'Брайн, Саша Уолтон и, очень часто, Александра Уайтбин терпели меня, пока я писала. Элтер Рейсс купил мне лэптоп DOS, чтобы я могла сохранять написанное, а Джанетт М. Кегг раздобыла к нему аккумулятор. Мой сосед Рене Уоллинг нашел заглавие для этой книги. У меня лучшие из друзей. Серьезно.

Луиза Меллори, Кэролайн-Изабель Кэрон, Дэвид Дайер-Беннет, Фара Мендельсон, Эдуард Джеймс, Майк Скотт, Джанетт Кегг, Дэвид Голдфабр, Ривка Вальд, Шервуд Смит, Сильвия Рэйчел Хантер и Бет Микам прочитали законченную книгу и представили полезные комментарии. Лиз Горински и усердные сотрудники издательства «Тор» проделали большую работу, привлекая внимание к этому роману, и помогли ему встретиться с читателями.

Обычно советуют писать о том, что знаешь, но я нахожу, что писать о том, что знаешь, гораздо труднее, чем придумывать. Изучить историческую эпоху проще, чем собственную жизнь, и проще иметь дело с вещами, которые не давят на тебя эмоционально, на которые смотришь со стороны. Вот почему вы обнаружите, что валлийских долин не существует, под ними не залегает уголь и красные автобусы не бегают по ним вверх-вниз; что никогда не было года под номером 1979, не существует такого возраста, как пятнадцать лет, и такой планеты, как Земля. А вот фейри настоящие.

Четверг, 1 мая 1975 года

Эр' перрихис.

Урсула Ле Гуин. Резец небесный

Какой совет вы бы дали себе молодому и в каком возрасте? В любом от десяти до двадцати пяти. Будет лучше. Честно. На свете действительно есть люди, которые понравятся вам и которым понравитесь вы.

Фара Мендельсон, Живой Журнал, 23 мая 2008 года

Паллетный завод в Аберкумбое убил деревья на две мили вокруг. Мы это вымеряли до миллиметра. Он будто вырос из глубин ада: черное мрачное здание, пыхающее пламенем из труб, отражалось в темных прудах, смертоносных для любого зверя или птицы, рискнувших напиться из них. Запах не поддавался описанию. Проезжая его, мы всегда крепко-накрепко закрывали окна машины и старались не дышать, хотя дедушка говорил, что так долго не дышать никому не под силу, и был прав. Пахло там серой, самым адским

из известных элементов, и кое-чем похуже, например безымянным раскаленным металлом и тухлыми яйцами.

Мы с сестрой называли его Мордором и без взрослых еще никогда туда не заходили. И хотя нам было уже по десять лет, едва сойдя с автобуса и взглянув на него, мы схватились за руки.

Смеркалось, и чем ближе мы подходили к заводу, тем чернее и грознее он выглядел. Шесть труб пылали, четыре рыгали ядовитым дымом.

— Это, конечно, творение Врага, — пробормотала я.

Мор не поддержала игру.

— Ты правда думаешь, что получится?

— Фейри не сомневались, — как можно увереннее сказала я.

— Понятно, но точно ли они разбираются в реальном мире?

— Их мир реальный, — возмутилась я, — просто по-другому. Под другим углом.

— Да.

— Да… — Она не сводила глаз с завода, зловеще выраставшего с каждым нашим шагом. — Только я не уверена, хорошо ли они понимают мир под обычным углом. А здесь точно обычный мир. Деревья засохли. Здесь на много миль ни одного

фейри.

— Потому-то мы сюда и пришли, — напомнила я.

Мы уткнулись в проволочную изгородь: три ряда проволоки, верхний — колючей. С предупреждением: «Без пропуска не входить. Охраняется собаками».

— Здесь собаки? — спросила Мор. Она боялась собак, и они это чуяли. Самые милые собаки, охотно игравшие со мной, на нее дыбили шерсть. Моя мать говорила, что по этому признаку нас можно различить. И не ошибалась, только способ, как всегда у нее, был ужасно жестоким и не слишком практичным.

— Нет, — сказала я.

— Откуда ты знаешь?

— Мы так далеко забрались, потратили столько сил, если сейчас вернемся назад, все погибло. Кроме того, мы идем на подвиг, а от подвига нельзя отступиться, потому что боишься собак. Не представляю, что бы сказали на это фейри. Вспомни, с чем только не сталкивались настоящие герои. — Я понимала, что это не поможет. И говоря, щурилась из-за сгущавшихся сумерек. Мор крепче вцепилась мне в руку. — И еще, собаки — это животные. Даже обученная сторожевая

собака попробовала бы здешнюю воду и умерла бы. Будь здесь собаки, мы бы нашли у лужи хоть несколько собачьих трупов, а я их не видела. Блеф это все.

Мы проползли под проволокой, по очереди приподнимая ее друг для друга. Тихий пруд был как старый нечищеный мельхиор, а пламя из труб отражалось в нем неверными колеблющимися полосами. Ниже виднелись огоньки: вечерняя смена еще работала.

Растений там не было, даже засохших деревьев. Под ногами хрустела зола, я боялась подвернуть ногу на шлаковой крошке. И ничего живого, кроме нас. Звездочки окон на холме напротив казались до смешного недосягаемыми. Там жила одна девочка из нашей школы, мы у нее как-то гостили, так запах чувствовался даже в доме. Ее отец работал на заводе. Я задумалась, не там ли он сейчас.

На краю пруда мы остановились. Он был совсем неподвижным, хотя нормальная вода всегда хоть немного дрожит. Я нащупала в кармане волшебный цветок.

— Твой при тебе?

— Немножко помялся, — сказала сестра, выудив его. Я посмотрела. Мой тоже немножко помялся.

Никогда наша затея не казалась мне такой ребяческой и глупой, как посреди пустыни у мертвого пруда, с помятыми лютиками, которые, по словам эльфов, должны были прикончить завод.

Я не знала, что сказать.

— Ну: ан, дай, трай! — сказала я, и на счет «три» мы кинули цветы в свинцовый пруд. Они канули в воду, не оставив даже ряби. И ничего не случилось. Потом вдалеке залаяла собака, Мор развернулась и кинулась бежать, и я, повернувшись, поспешила за ней.

— Ничего не вышло, — сказала она, когда мы вернулись на дорогу — вчетверо быстрее, чем добирались с дороги к пруду.

— А ты чего ждала? — спросила я.

— Что завод рухнет и превратится в святилище, — сказала она самым будничным тоном. — Ну, или хуорнов.

Я до хуорнов не додумалась и ужасно об этом пожалела.

— А я думала, цветы растают, от них пойдет рябь, и потом все станет рушиться, а руины прямо на глазах покроются деревьями и плющом, и пруд обернется живой водой, и из него с песнями вылетят птицы, и тогда появятся эльфы, поблагодарят нас и уведут во дворец.

— Но ничего не вышло, — вздохнула сестра. — Завтра придется им сказать, что не сбылось. Ну что, домой пешком пойдем или подождем автобуса?

Но все сбылось. На следующий день абердэрский «Лидер» вышел с передовицей: «Паллетный завод закрывается: тысячи человек лишились работы».

Я начала с этого места, потому что тут все кратко, точно и внятно, а с остальным не так просто.

Считайте это мемуарами. Считайте, что это мемуары из тех, которым в будущем грозят ужасающие разоблачения, когда обнаружится, что автор лгал и все были не того цвета, пола, класса и вероисповедания, как он утверждал. У меня проблема противоположного свойства. Я всеми силами сопротивляюсь самому обыденному тону изложения. С вымыслом все в порядке. Вымысел позволяет отбирать и упрощать материал. Этот рассказ не легкий и не простой. Но в нем говорится о фейри, так что вы вольны считать его сказкой. Все равно вы вряд ли мне поверите.

Очень личное.
Это НЕ книга для внеклассного чтения!

Среда, 5 сентября 1979 года

Et haec, olim, meminisse iuvabit![1]

Вергилий. Энеида

— А как тебе будет хорошо в деревне! — твердили они. — После, как бы сказать, такого индустриального района. Школа там прямо в поле, и еще коровы, трава и здоровый воздух.

Они хотели от меня отделаться. Отправить в интернат, чтобы и дальше делать вид, будто меня не существует. Они никогда не смотрели прямо на меня. Либо глядели мимо, либо вроде как щурились. Я была не из тех родственников, с кем бы они стали водиться, будь у них выбор. *Он*, может, и смотрел иногда — не знаю. Я не могла взглянуть прямо на него. Делала это украдкой, вбирая его: бороду, цвет волос. Походил ли он на меня? Не берусь сказать.

Старших сестер у него было три штуки. Я видела фотографию, где они намного моложе, но лица точь-в-точь такие же, а одеты все подружками невесты, и моя тетушка Тэг рядом с ними выгля-

---

[1] Примечания: 1

И это когда-нибудь будет приятно вспомнить! (*Лат.*)

дела смуглой как ягода. Моя мать тоже была на снимке в ужасном розовом свадебном платье — розовом потому, что это было в декабре, а в июне уже родились мы, и она хоть немного стыдилась — но *его* там не было. Его она оторвала. Его она вырвала, вырезала или выжгла со всех свадебных фотографий, после того как он сбежал. Я никогда не видела его снимков, ни единого. В книжке Люси Монтгомери «Джейн с маяка» девочка, у которой родители развелись, сама того не ведая, узнает отца по фото в газете. Прочитав эту книгу, мы пересмотрели немало фотографий, но ни одна на нас не подействовала. Честно говоря, мы нечасто *о нем* задумывались.

Даже оказавшись в его доме, я не слишком поверила, что он настоящий — он и три его властные сводные сестры, велевшие мне называть их тетями. «Никаких „тетушек“, — сказали они. — Тетушка — это просторечие». И я стала звать их тетями. Звали их Антея, Доротея и Фредерика, я это знала, как знала многое, хоть и не все было правдой. Рассказам матери нельзя доверять без проверки. Но не все можно проверить по книгам. И все равно имена были мне без толку, потому что я их не различала, так что называла каждую просто «тетя». А они обращались ко мне «Морвен-

на» — очень официально.

— Арлингхерст — одна из лучших в стране школ для девочек, — сказала одна из них.

— Мы все в нее ходили, — подхватила другая.

— Самые веселые времена, — закончила третья. Они, как видно, привыкли размазывать любую фразу на всех.

Я стояла перед холодным камином, выглядывая из-под челки и опираясь на трость. Трости они тоже предпочитали не замечать. Я заметила на их лицах жалость, когда впервые вышла из машины. Такого я терпеть не могла. Мне хотелось бы сесть, но говорить об этом я не собиралась. Я теперь намного лучше держалась на ногах. И собиралась поправиться, что бы ни считали врачи. Мне иногда так хотелось пробежаться, что ныло все тело — сильнее, чем больная нога.

Чтобы отвлечься, я отвернулась и стала разглядывать камин. Он был мраморный, очень вычурный, с медными накладками в виде березовых веток. Все там было очень чисто, но не слишком уютно.

— Так что мы сегодня же купим тебе в Шрусбери форму и завтра отвезем туда, — сказали они. Завтра… Им и впрямь не терпелось от меня отделаться — вместе с моим отвратительным

валлийским акцентом, и хромотой и, что хуже всего, с моим нежелательным существованием. Мне тоже не хотелось у них оставаться, беда в том, что больше деваться мне было некуда. До шестнадцати лет не разрешается жить одной. Это я выяснила в Приюте. А *он* — мой отец, хоть я его раньше никогда и не видела. В том же смысле, в каком эти женщины — мои тетки. От этого мне было одиноко и бездомно, как никогда. Я скучала по настоящим родным, которые меня подвели.

Остаток дня заняли покупки с тремя тетями, но без *него*. Не знаю, радовалась я этому или жалела. Форма для Арлингхерста продавалась в особых магазинах, как и форма для моей начальной школы. Как мы гордились, сдав экзамен на переход в среднюю! Нас называли «сливками долины». Теперь всему этому конец, а меня запихивают в какой-то интернат для снобов с ненормальными правилами. У одной тети был список, мы все по нему покупали. Денег они определенно не жалели. Никогда еще на меня так много не тратили. Жаль, что все покупки были такие жуткие. В том числе особая форма для спортивных игр. Я не сказала, что она мне вряд ли пригодится. Этой мысли я избегала. Все детство мы пробегали. Мы выигрывали кроссы. На школьных кроссах мы

большей частью соревновались друг с другом, оставив остальных далеко позади. Дедушка даже говорил про Олимпийские игры — просто так мечтал, но вслух. Он сказал, что ни разу еще на Олимпиадах не выступали близнецы.

С обувью вышла проблема. Я позволила им купить хоккейные ботинки, беговые туфли и чешки для гимнастики, потому что их я либо смогу надеть, либо уж нет. Но когда дошло до форменной обуви на каждый день, пришлось теток остановить.

— Я ношу специальную обувь, — сказала я, не глядя на них. — С особой стелькой. Ее надо делать у ортопедов. Просто купить нельзя.

Продавщица подтвердила, что в школьном отделе таких не купить. Она показала нам школьные туфли. Уродливые, почти такие же неуклюжие, как носила я.

— А в этих ты ходить не сможешь? — спросила одна тетя.

Я взяла школьные туфли и осмотрела.

— Нет. — Я перевернула туфлю. — Смотрите, у них каблуки.

Спорить не приходилось, хотя школа, вероятно, выбрала самый малый каблук, на который согласилась бы уважающая себя девочка-подросток.

Они не нарочно унижали меня, цокая языками над моими туфлями, надо мной и моей сделанной по особому заказу стелькой. Пришлось им напомнить, что торчу рядом как столб, с кривоватой от боли полуулыбкой на лице. Им хотелось спросить, что у меня с ногой, но я их переглядела, и они не решились. Сдались и сказали, что насчет туфель в школе наверняка поймут.

— Мои туфли ведь не какие-нибудь красные и гламурные, — заметила я.

И напрасно, потому что все они уставились на мои туфли. Туфли для калек. У женщин-калек имелся выбор между коричневыми и черными, и эти были черные. И деревянная трость. Она принадлежала дедушке, еще живому, который лежал в больнице и пытался поправиться. Если он выздоровеет, я смогу вернуться домой. Маловероятно, если подумать, но больше мне надеяться было не на что. Деревянный брелок для ключей болтался на молнии моего джемпера. Обрезок дерева с корой из Пемброкшира. Он остался у меня с прежних времен. Я его потрогала, чтобы ощутить под пальцами дерево, и поймала на себе их взгляды. И увидела то, что видели они: забавная, чуточку ершистая увечная девчонка с невзрачным обрезком деревяшки. А следовало

бы увидеть двоих светящихся верой в себя детей. Я знала, что происходит, а они нет и ни за что бы не поняли.

— Вы такие англичанки, — сказала я.

Они улыбнулись. Там, где я выросла, «сакс» — бранное слово, ужасное оскорбление и повод для драки — хуже обозвать невозможно. Означает оно «англичанин». Но теперь я находилась в Англии.

Мы обедали за столом, который был бы маловат для шестнадцати человек, но пятую часть неловко выделили мне. Все подобрано под сервиз: скатерть, салфетки. Совсем не как дома. Еда, как я и ожидала, оказалась жуткая: жесткое как подошва мясо с водянистой картошкой и какая-то зелень с острыми листьями и вкусом травы. Мне всю жизнь рассказывали, как ужасно едят в Англии, и я с каким-то даже облегчением убедилась, что не соврали. Разговор шел об интернатах, в которых они учились. Я сама все знала. Недаром же читала про школу «серых братьев», про «Мэллори-тауэрс» и полное собрание сочинений Анджелы Брейзил.

После обеда он пригласил меня в свой кабинет. Тетушки смотрели недовольно, но промолчали. Кабинет меня ошеломил — он был полон книг.

Судя по всему дому, я ожидала увидеть старые издания Диккенса, Троллопа и Гарди (бабушка любила Гарди) в кожаных переплетах, а полки оказались забиты книжечками в бумажных обложках, причем большей частью фантастикой. Впервые в этом доме я по-настоящему расслабилась — и впервые при нем, потому что, раз такие книги, может, все не так плохо.

В комнате были и другие вещи: кресла, камин, поднос для выпивки, проигрыватель — но я на них смотреть не стала, а заспешила, насколько могла со своей ногой, к полкам с научной фантастикой.

Там было полно нечитаного Пола Андерсона. Поверх него лежали «Странствия дракона» Энн Маккефри — вроде бы продолжение к «Поиску Вейра», который я читала в антологии. Полкой ниже был нечитаный Джон Браннер. Лучше того — два нечитаных Браннера, нет, три нечитаных Браннера! У меня голова пошла кругом.

Лето я провела практически без чтения, кроме того что захватила с собой, сбежав от матери. Трехтомничек «Властелина колец», само собой, второй том «Двенадцати румбов ветра» Урсулы Ле Гуин, который ни на что не согласилась променять, считая, что это лучший авторский сборник

рассказов всех времен и народов, и «Последний звездолет с Земли» Джона Бойда, который к этому времени дочитала до середины, хотя по второму разу он шел не так хорошо, как я надеялась. Я читала, хоть и не взяла с собой, «Гитлер украл розового кролика» Джудит Керр и всякий раз, глядя на этого Бойда, невольно сравнивала себя с Анной, которая, покидая Третий рейх, взяла с собой новую игрушку вместо любимого розового кролика.

— Можно мне?.. — начала я.

— Можешь брать любые книги, только обращайся аккуратно и возвращай на место, — сказал он.

Я выхватила Андерсона, Маккефри и Браннера.

— Что взяла? — спросил он.

Я повернулась и показала ему книжки. Смотрели мы оба на книги, а не друг на друга.

— А первую ты читала? — спросил он, постучав пальцем по Маккефри.

— Брала в библиотеке, — сказала я. Я перечитала всю научную фантастику и фэнтези в абердэрской библиотеке, от андерсоновского «Мичмана Фландри» до «Созданий света, созданий тьмы» Роджера Желязны — странная книга попалась напоследок, я все еще не была уверена

насчет нее.

— А Дилэни читала? — спросил он. Налил себе виски и сделал глоток. Запах был жуткий.

Я покачала головой. Он подал мне перевертыш издания «Эйс» с «Имперской звездой» Сэмюэла Дилэни. Я перевернула бы посмотреть, что с другой стороны, но он поцокал языком, и тогда я первый раз бросила на него короткий взгляд.

— Вторая — полная чушь, — пренебрежительно кинул он, с излишней резкостью потушив сигарету. — Как насчет Воннегута?

Я перечитала все, что к тому времени написал Курт Воннегут. Кое-что пришлось читать, стоя у полки в кардиффском книжном магазине «Лирс». «Дай вам Бог здоровья, мистер Розуотер» показался мне очень странным, зато лучше «Колыбели для кошки» я вряд ли что читала.

— О да! — сказала я.

— Что из Воннегута?

— Все, — уверенно заявила я.

— «Колыбель для кошки»?

— И «Завтрак для чемпионов», и «Добро пожаловать в обезьянник»... — я сыпала названиями. Он улыбался. Он был доволен. Для меня чтение было убежищем и страстью, но никто еще не радовался, что я читаю.

— А «Сирены Титана»? — спросил он, когда я иссякла.

Я покачала головой:

— Впервые слышу.

Он оставил рюмку, наклонился и достал книгу, почти не глядя на полку. Положил ее поверх моей пачки.

— А как насчет Зенны Хендерсон?

— «Паломничество»! — выдохнула я. Эту книгу как будто написали специально для меня. Я ее полюбила. И еще не встречала человека, который бы тоже ее читал. Ее я брала не в библиотеке. У матери было американское издание с пробитой в обложке дыркой. Издавалась ли она в Британии, я не знала. В библиотечном каталоге она отсутствовала. До меня только теперь дошло, что, если он — мой отец, а в каком-то смысле так и было, значит, он давным-давно знал мою мать. Он на ней женился. У него было продолжение «Паломничества» и два сборника. Я их взяла, не слишком веря ему. Стопка разъезжалась у меня в руках. Я уложила книги в сумку, которая висела у меня на плече, как всегда.

— Думаю, я бы теперь легла в постель, почитала, — сказала я.

Он улыбнулся. У него была хорошая улыбка,

совсем не как наши улыбки. Мне всю жизнь твердили, что мы похожи на него, но этого я не заметила. Если он был Лазарус Лонг, а мы — его Лаз и Лор, я ждала хоть какого-то чувства узнавания. Мы не походили ни на кого из нашей семьи, но и с ним, кроме глаз и цвета волос, я не находила сходства. Все равно! У меня были книги, новые книги, и пока их хватит, я все что угодно вынесу.

Четверг, 6 сентября 1979 года

Отец отвез меня в школу. На заднем сиденье лежал аккуратный чемоданчик — я его впервые видела, — а в нем, как заверила одна из теть, аккуратно сложенная форма. Был еще кожаный саквояж — по ее словам, со школьными принадлежностями. На обоих ни царапинки, так что я решила, что они совсем новые. Дорогие, должно быть, до неба. В моей сумке лежало то, с чем я сбежала, плюс одолженные книги. Я крепко прижимала сумку к себе и не позволила им ее отобрать и поставить к остальному багажу. Я им покивала — язык прилип к нёбу. Даже забавно, насколько при них невозможно было плакать и вообще выказывать сильные чувства. Они мне были не свои. И не похожи на своих. Это прозвучало как первые строчки стихотворения, так что у меня руки чесались записать их в блокнот. Я неловко залезла в машину. Было больно. Хорошо хоть, внутри хватило места выпрямить ногу. Передние сиденья лучше задних, я это и раньше замечала.

Я умудрилась попрощаться и поблагодарить.

Каждая тетя чмокнула меня в щеку.

Отец, пока вел машину, на меня не смотрел, поэтому я могла его разглядывать — искоса. Он дымил, прикуривая новую сигарету от прежней — совсем как она. Я опустила окно, чтобы не задохнуться. Он по-прежнему казался мне совсем не похожим на нас. И не только из-за бороды. Я задумалась, что бы сказала о нем Мор, и с силой отбросила эту мысль. Немного спустя он заговорил:

— Я тебя записал как Маркову.

Так его зовут. Даниэль Марков. Я это всегда знала. Так записано в моем свидетельстве о рождении. Он был женат на моей матери. Ее так звали. Но я никогда этим именем не называлась. Моя фамилия — Фелпс, я с ней и в школу пошла. Фелпсы — это кое-что значит, по крайней мере в Абердэре, — это мои бабушка с дедушкой, моя семья. А миссис Маркова — это та безумная, моя мать. Все равно в Арлингхерсте это ничего не будет значить.

— Морвенна Маркова — язык сломаешь, — отозвалась я после слишком долгой паузы.

Он засмеялся.

— Я так и сказал, когда вы родились. Морвенна и Морганна.

— Она говорила, имена выбирал ты, — сказала я не слишком громко, разглядывая в открытое окно заплаты ровных полей со всяческими посадками. Одни были сжаты, другие перепаханы.

— Пожалуй, я, — признал он. — Она составила список и заставила меня выбирать. Все имена были очень длинные и очень валлийские. Я говорил, что язык сломаешь, но она обещала, что люди их сократят. Сократили?

— Да, — ответила я, пялясь в окно. — Мо или Мор. Или Мори.

Когда прославлюсь как поэтесса, возьму имя Мори Фелпс. Сейчас я так книги подписываю. «Экслибрис Мори Фелпс». А какое отношение Мори Фелпс имеет к Морвенне Марковой и что с ней будет в новой школе?

Когда-нибудь я над этим буду смеяться — обещала я себе. Буду смеяться над этим вместе с людьми такими умудренными и умными, что пока мне их даже не вообразить.

— А твою сестру звали Мог? — спросил он.

До сих пор он меня о ней не спрашивал. Я покачала головой, потом сообразила, что он рулит и не смотрит на меня.

— Нет, — сказала я. — Мо или Мор — мы обе.

— А как же вас различали?

Он не смотрел на меня, прикуривал новую сигарету.

— Не различали. — Я улыбнулась про себя.

— Ты не против в школе быть Марковой?

— Мне все равно. И, как бы то ни было, платишь за это ты, — сказала я.

Он повернул голову, коротко взглянул на меня и снова стал смотреть на дорогу.

— Платят мои сестры, — сказал он. — У меня нет денег кроме тех, что они мне выделяют. Ты представляешь нашу семейную ситуацию?

Что там было представлять? Я ничего о нем не знала, кроме того, что он был англичанин — из-за этого я без конца дралась на детской площадке — и что женился на моей матери в девятнадцать лет, а через два года сбежал, когда она легла в больницу рожать еще одного младенца — младенца, который умер от потрясения.

— Нет, — ответила я.

— Моя мать была замужем за неким Чарльзом Бартлби, довольно богатым. У них было три дочери. Потом началась война. Он воевал во Франции с сорокового, попал в плен, в лагерь военнопленных. Моя мать оставила трех моих маленьких сестер с бабушкой Бартлби в Олдхолле — это тот дом, из которого мы сейчас едем. Она нанялась на

работу в столовую BBC, чтобы хоть чем-то помочь солдатам. Там она повстречала польского летчика Сэмюэла Маркова и влюбилась в него. Он был еврей. Я родился в марте сорок четвертого. В сентябре сорок четвертого Бартлби освободили из лагеря, и он вернулся в Англию, где они с моей матерью развелись. Она вышла замуж за моего отца, который тогда как раз узнал, что все его родные в Польше погибли.

— У Маркова тоже были жена и дети?

Я в этом не сомневалась. Польский еврей! Во мне есть польская кровь. Или еврейская? А я знала про иудаизм только из «Страстей по Лейбовицу» и «Умирающему изнутри». И, пожалуй, по Библии.

— У матери были свои деньги — не слишком много. Отец после войны ушел из авиации и работал на фабрике в Айронбридже. Бартлби оставил дом и деньги моим сестрам. Когда мне было тринадцать, мать погибла. Сестры тогда были уже взрослыми, они приехали на похороны. Антея предложила оплатить мне школу, и отец согласился. С тех пор они меня поддерживали. Женился я, как ты знаешь, студентом.

— А что сталось с Бартлби? — спросила я. Тот, наверное, был немногим старше дедушки.

— Застрелился, когда девочкам исполнился двадцать один год, — ответил он голосом, пресекавшим дальнейшие расспросы.

— А ты что… делал? — спросила я.

— Они держали веревочку от кошелька, но распоряжался имуществом я, — сказал он. И уронил окурок в переполненную пепельницу. — Они платили мне жалованье, и я жил в их доме. Право, очень по-викториански.

— Ты там и жил с тех пор, как сбежал? — спросила я.

— Да.

— А они говорили, что не знают, где ты. Дедушка к ним ездил поговорить, в такую даль! — возмутилась я.

— Они солгали. — Он вовсе не смотрел на меня. — Тебя так беспокоит мой побег?

— Я от нее тоже сбежала, — я ответила не на вопрос, но достаточно вразумительно.

— Я знал, что бабушка с дедушкой о вас позаботятся, — сказал он.

— Они и заботились, — подтвердила я. — Об этом мог не беспокоиться.

— Да, — сказал он.

Тут я виновато подумала, что самое мое присутствие в машине — для него страшный упрек.

Прежде всего, я была там одна, а бросил он близняшек. И еще я была калекой. И, наконец, вообще была: потому что сбежала. Мне пришлось просить у него помощи — и, хуже того, мне пришлось просить помощи через социальную службу. Ясно, что не так уж хорошо он нас устроил. В самом деле, я самим своим существованием доказывала сейчас, что он никуда не годный отец. И, сказать по правде, он таким и был. Какая бы ни была мать, бросать маленьких детей не годится — вообще, а бросать младенцев на нее было особенно безответственно. Но я тоже от нее сбежала.

— Я бы не захотела другого детства, — сказала я. Дедушка с бабушкой. Долина. Дом. — Правда. В нем было что любить — много всего. Лучшего детства и быть не могло.

— Я скоро познакомлю тебя с моим отцом; возможно, на первых же каникулах, — пообещал он. Просигналил поворотником, и мы свернули между двумя полузасохшими вязами на захрустевшую под колесами гравийную дорожку. Арлингхерст. Приехали.

Первым происшествием в новой школе стала битва за химию. Здание было большое и роскошное, с собственным участком — внушительное и викторианское. Но пахло в нем школой: ме-

лом, вареной капустой, дезинфекцией и потом. Директриса оказалась благовоспитанной и недосягаемой. Она не разрешила отцу курить, сразу выбив его из колеи. Стулья у нее были слишком низкие. Мне с трудом удалось встать. Но это бы все ничего, если бы не расписание, которое она мне вручила. Прежде всего, ежедневно три часа спортивных игр. Дальше: искусство и религия в обязательном порядке. Кроме того, пришлось выбирать между химией и французским и еще между латынью и биологией. В остальном выбор давался легко: например, физика либо экономика или история, либо музыка.

Роберт Хайнлайн в «Имею скафандр — готов путешествовать» говорит, что изучать имеет смысл только языки, историю и естественные науки. Он еще называет математику, но мне математических мозгов не перепало, они все достались Мор. Правда, для нас это было все равно: мы либо понимали мгновенно, либо хоть кол на голове теши.

— Как ты умудряешься разбираться в булевой алгебре, когда тебе даже деление в столбик не дается? — в отчаянии дивился наш учитель математики. Но диаграмма Венна — это просто, а деление так и осталось для меня серьезным вы-

зовом. Труднее всего давались задачи, в которых люди без всякой причины совершали непостижимые поступки. Я забывала о сложении, гадая, кому интересно время встречи поездов (шпионам), почему люди так нервно делят сидячие места (недавно развелись) и — по сей день это для меня загадка — принимают ванну без затычки.

С историей, языками и естественными науками у меня проблем не было. Если в естественных науках нужна математика, то всегда по делу, и к тому же там разрешают пользоваться калькуляторами.

— Мне нужны сразу латынь, и биология, и французский вместе с химией, — сказала я, подняв взгляд от расписания. — Зато мне ни к чему искусство и религиозное воспитание, так что это легко будет устроить.

Директриса взвилась до небес, вроде как расписание — это святое или как-то так. Я не слишком вслушивалась.

— В школе учатся больше пятисот девочек, ты предлагаешь мне стеснить их всех, чтобы подстроиться под тебя?

Отец, который наверняка тоже читал Хайнлайна, вступился за меня. Для меня Хайнлайн в любое время важнее директрисы. Сошлись

на том, что я поступлюсь биологией, если мне разрешат посещать остальные три курса, а это можно устроить, если немножко побродить из класса в класс. Химию мне пришлось учить с другим классом, но мне это было все равно. Пока я удовлетворилась и такой победой и согласилась, чтобы мне показали спальню, классную руководительницу и «новых подруг»

Отец, прощаясь, поцеловал меня в щеку. Я проводила его взглядом и заметила, что он закурил, едва вышел за дверь.

Пятница, 7 сентября 1979 года

Насчет сельской местности: это оказалось шуткой.

Ну, в каком-то смысле правдой. Арлингхерст с его спортивными площадками стоит в окружении ферм. На двадцать миль кругом нет ни дюйма не занятой кем-нибудь земли. На ней пасутся коровы, тупые уродливые создания в черно-белых пятнах, как игрушечные коровки, а не настоящие буренки, которых мы видели на каникулах. (Как так, бурые коровы? Никто о таких и не слыхивал.) Они бродили по полям, пока не наступало время дойки, а тогда одна за другой втягивались в ворота скотного двора. Я в первый же день, как только меня выпустили погулять по участку, смекнула, что эти коровы тупые. Как коровы! Никогда раньше не понимала этого выражения буквально.

Я-то родом с Уэльских долин. Они не зря называются долинами. Это пропиленные ледником ущелья с крутыми берегами и узкой полоской ровной земли на дне. Такие долины есть по всему Уэльсу. Почти в каждой стоит церковь и несколь-

ко ферм и живет человек с тысячу. Больше не прокормить. Наша долина — долина Сайнон, — как и соседние, имела население больше сотни тысяч человек — все они жили в викторианских домах-террасах, гроздьями облепивших склоны и теснящих друг друга так плотно, что не всегда найдешь место, чтобы развесить белье после стирки. Домам и людям было тесно, как в большом городе, даже хуже, хотя это вовсе не город. Зато подальше от домов-террас сразу начиналась дикая природа. Да и среди домов всегда можно было поднять взгляд.

Можно было поднять взгляд к горам, откуда приходит помощь моя — этот псалом я всегда понимала хорошо. Горы были прекрасны: зелень, деревья и овцы, и они всегда оставались на месте. Дикие — в том смысле, что каждый мог в любое время подняться туда. Они никому не принадлежали, не то что разгороженные пастбища вокруг школы. Холмы были общими. И даже на дне долины находились реки, леса, и руины, и заброшенные плавильни, и забытые фабрики. Руины зарастали, возвращались дикой природе, и их занимали фейри. То, на что мы надеялись с паллетным заводом, случалось на самом деле. Только не так скоро, как нам представлялось.

Маленькими мы все время играли в развалинах, иногда одни, иногда с другими детьми или с фейри. Мы далеко не сразу узнали, что это за развалины. Рядом с домом тетушки Флорри стояла старая плавильня, мы в ней проводили все время. Там бывали и другие дети, и мы с ними чудесно играли в прятки и в пятнашки. Я не знала, что такое плавильня. Конечно, если бы меня приперли, разобралась бы, что там плавили железо, но никто от меня ничего не требовал. Это было место само по себе. Осенью оно все краснело от шиповника. Мы редко знали, где мы.

Бóльшая часть развалин, на которых мы играли в лесу, вовсе никак не назывались. Там могло быть что угодно. Мы именовали их избушкой ведьмы, замком великана, дворцом эльфов или играли, будто они — последний оплот Гитлера или стены Ангбанда, хотя на самом деле это были рассыпающиеся корпуса фабрик. Фейри ничего не могли создавать — ничего настоящего. Они ничего не могли. Потому-то они и нуждались в нас. Мы этого не знали. Мы многого не знали, недодумывались спросить. До прихода людей фейри, я думаю, жили на деревьях, а не в домах. Возможно, фермеры ставили им молоко. Да их тогда и было не так много.

Люди или, вернее их предки, пришли в долины с началом промышленной революции. Под холмами залегали железо и уголь, и города в свое время росли как грибы и наполнялись людьми. Если вы когда-нибудь задумывались, почему валлийцы не эмигрировали в Новый Свет в таком масштабе, как ирландцы или шотландцы, так это не потому, что людям не приходилось так же бросать свои дома. Это потому, что у них была своя земля, куда можно уйти. По крайней мере, они считали ее своей. Пришли туда и англичане. Валлийский язык забывался. У моей бабушки валлийский был первым языком, у матери вторым, а я его знаю через пень-колоду. Семья бабушки перебралась из Западного Уэльса, из Кармантена. У нас и сейчас есть там родня, Деревенская Мэри и ее семья.

Мои предки пришли вместе со всеми, когда открыли железо и уголь. Прямо на месте строили плавильни, прокладывали рельсы, чтобы вывозить вагонетками, ставили дома для рабочих, и еще плавильни, и копи, и еще дома, пока не застраивали долину сверху донизу. Потом железо кончалось или оказывалось, что его дешевле добывать в другом месте, и, хотя уголь все еще продолжали копать, это уже были жалкие

остатки бума столетней давности. Литейное производство забросили. Шахты закрыли. Кое-кто уехал, но многие остались, прижившись к тому времени. К нашему рождению хроническая безработица стала обыденностью, и фейри прокрались в долины, заняв никому не нужные руины.

Мы росли, вольно играя среди развалин, не представляя своей истории. Для детей это были чудесные места. Заброшенные, заросшие, забытые, и стоило выбраться из дома, как ты попадал в дикий лес. Всегда можно было подняться в горы — в настоящую глушь со скалами, деревьями и овцами, серыми и неприглядными от угольной пыли. (Не могу понять, что романтичного в них находят. Мы им орали «мятный соус», отгоняя подальше. Тетушка Тэг, слыша такое, всегда морщилась и запрещала нам так кричать, но мы не слушались. Они спускались в долину, переворачивали мусорные бачки и портили садики. Из-за них приходилось держать ворота закрытыми.) Но даже долина была прошита развалинами и перелесками — повсюду, куда ни ткнись, параллельно городу. Мы знали и другие ландшафты. На выходные мы выезжали в Пемброкшир, и в настоящие горы, Брекон-Биконс, и в Кардифф, а

это большой город с городскими магазинами. Но долины были нашим домом, такую местность мы считали нормой и не сомневались в этом.

Фейри никогда не уверяли, будто развалины построены ими. Вряд ли мы спрашивали, но, если и спрашивали, они только смеялись, как почти на все наши вопросы. Они необъяснимо появлялись и необъяснимо пропадали. Иногда они заговаривали с нами, а иногда от нас разбегались. Как и другие наши знакомые дети, мы умели играть и с ними, и без них. Нам были нужны только мы сами и воображение.

Места моего детства связывали волшебные дорожки, по которым почти не хаживали взрослые. У них были дороги, а дорожки для нас. Для пешеходов — другие, лишние, шире троп, но узковатые для машин, иногда они шли параллельно настоящим дорогам, а иногда срезали путь из ниоткуда в никуда, от эльфийских руин к лабиринту Миноса. Мы давали им имена, но точно знали, что по-настоящему они называются «драмы». Я никогда не вертела этого слова на языке, чтобы опознать в нем подлинное «трам». В валлийском согласные, стоящие в начале слова, мутируют. В других языках тоже, но обычно это занимает сотни лет, а в валлийском они меняются прямо

на языке. «Трам» само собой превращается в «драм». Когда-то вагонетки-трамвайчики бегали по рельсам, перевозя железную руду или уголь. Эти засыпанные листвой дорожки, никому не нужные, кроме детей и фейри, когда-то были маленькими железными дорогами.

Не то чтобы мы не знали своей истории. Даже если брать в расчет только реальный мир, мы знали историю получше многих. На уроках нам рассказывали про пещерных людей, норманнов и Тюдоров. Мы знали про греков и римлян. Мы знали массу жизненных историй времен Второй мировой. Мы даже немало знали из истории семьи. Просто все это не привязывалось к местности. А местность формировала нас, растила нас, влияла на все. Мы считали, что живем в фэнтези, а на самом деле жили в научной фантастике. Мы воображали, что играем среди наследия, что оставили нам эльфы и великаны, присваивали владения волшебного народа. Я давала дорожкам-драмам названия из «Властелина колец», а на деле они были из «Куколок».

Поражаюсь, какие громадные вещи удается иногда упустить из виду.

Вторник, 18 сентября 1979 года

Школа — жуть, как и следовало ожидать. Прежде всего, как известно по всем книгам о школах, там чуть ли не самое главное — спортивные игры. Я не в форме для спорта. Еще — все девочки одинакового происхождения. Почти все англичанки, из недальних мест, продукты таких же ландшафтов, как вокруг школы. Они немножко различаются по форме и размеру, но говор у всех одинаковый. Мой выговор, в Долине считавшийся шикарным и сразу выдававший мое классовое превосходство, здесь — клеймо варварки. И если быть калекой из варваров мало, добавим тот факт, что я поступила в класс, где все уже два года знакомы, союзы и вражда разграничены по линиям, в которых я совсем не разбираюсь.

К счастью, я все это быстро выяснила. Я не дура. Я никогда еще не ходила в школу, где бы каждый не знал меня и моих родных, зато я всего три месяца как из детского приюта, а хуже него не бывает. По говору я распознала других варварок — одну ирландку (Дейдра, называют Дыра) и одну еврейку (Шарон, называют Шара). С ними, как

могу, пытаюсь подружиться.

Других отпугиваю взглядом, когда они пытаются дразниться, покровительствовать или подкалывать, и рада заметить, что мой взгляд действует как обычно. Прозвищ получила множество: Тэффи[2], Воровка, и Комми, и еще чуть более оправданные Хромуша и Ковыляшка. Комми — это потому, что по фамилии меня приняли за русскую. Я ошибалась, когда думала, что для них это имя ничего не значит. Меня щиплют и наступают на ноги, когда рассчитывают, что это сойдет с рук, но настоящих драк не было. Это чепуха, полная чепуха после приюта. При мне палка и взгляд, и я скоро стала рассказывать жуткие истории после отбоя. Пусть меня боятся, лишь бы оставили в покое. Пусть ненавидят, лишь бы боялись. Для школы-интерната это отличная стратегия, хоть она и подвела Тиберия. Я об этом сказала Шарон, а она уставилась на меня как на инопланетянку. Что? Что? Никогда я не привыкну здесь жить.

В классе я быстро вышла на первые места по всем предметам, кроме математики. Очень скоро. Скорей, чем ожидала. Может, здесь девочки не

---

[2] Примечания: 2

Этим словечком англичане называют валлийцев, жителей Уэльса.

так умны, как в нашей начальной школе? Там с одной-двумя можно было потягаться, а здесь ничего подобного. Я парю на недосягаемой высоте. Смешно сказать, популярность мне оценки и поддерживают, и портят. До уроков никому здесь дела нет, за то, что я их колочу, меня ненавидят, зато Дому дают очки за отличные оценки, а этими очками здесь очень дорожат. Грустно, что интернат так похож на описанный у Энид Блайтон, а если и отличается, то в худшую сторону.

Уроки химии с другим классом намного лучше. Химию ведет преподаватель естественных наук, единственный учитель-мужчина, и девочки там, кажется, гораздо больше увлечены предметом. Лучшие уроки в программе, не зря я за них сражалась. Что пропускаю искусство, я не жалею — хотя тетушка Тэг расстроится. Я ей не писала. Подумывала, но не решилась. Она не расскажет матери, где я, — только не она — но рисковать нельзя.

А вчера я обнаружила библиотеку. Мне разрешили в ней бывать, когда полагалось бы бегать на игровом поле. Увечье вдруг обернулось мне на пользу. Библиотека не то чтобы потрясающая, но много лучше, чем ничего, так что я не жалуюсь. Все, что дал отец, я дочитала. (Он был прав насчет

второй повести в «Имперской звезде», зато сама «Звезда» — одна из лучших книг, что мне попадались.) Здесь на полках есть «Бык из моря», и еще «Колесничий», тоже Мэри Рено, я о нем даже не слышала, и три взрослые научно-фантастические повести Льюиса. Отделка деревянными панелями, на стульях старая потрескавшаяся кожа. Пока похоже на то, что там никого не бывает, кроме меня и библиотекаря мисс Кэрролл, с которой я неизменно вежлива.

Теперь я могу снова вести дневник. Хуже всего здесь то, что невозможно остаться одной и тебя то и дело спрашивают, чем занимаешься. Ответить «Пишу стихи» или «Веду дневник» — будет вроде поцелуя смерти. Я с первых же дней и пробовать не стала, хоть и очень хотелось. Меня и так уже считают чудачкой. Сплю в дортуаре с одиннадцатью другими девочками. Даже в туалете не остаться одной: кабинки и душевые без дверей, а сортирные шутки здесь, разумеется, вершина остроумия.

Из окна библиотеки мне видны ветви сохнущего вяза. Вязы повсюду засыхают, это голландская болезнь. Я не виновата, я тут ничем не могу помочь. Но я все думаю, что могла бы, если бы фейри подсказали мне, что делать. Это из тех вещей, ко-

торые стоило бы исправить. Умирающие деревья — это очень грустно. Я спросила библиотекаря, и она дала мне «Юного натуралиста», в котором я прочитала подробнее. Болезнь завезли из Америки с грузом бревен, это грибковое заболевание. Почему-то от этого еще сильнее думается, что ее можно вылечить. Все вязы — один вяз, они клоны, вот почему все они гибнут. В популяции нет естественной сопротивляемости, потому что нет изменчивости. Близнецы тоже клоны. Глядя на вяз, никогда не подумаешь, что он — часть всех остальных. Увидишь отдельное дерево. Так же и на меня теперь смотрят: видят отдельного человека, а не половину близнецовой пары.

Среда, 19 сентября 1979 года

Между самоподготовкой и ужином у нас свободные полчаса. Вчера дождя не было, и я вышла погулять в сумерках. Прошлась до края школьного участка. На поле паслись черно-белые коровы. На меня они смотрели равнодушно. Еще там есть канава и несколько деревьев. Если здесь есть фейри, для них самое место. Было промозгло и сыро. Небо выцвело, а заката вроде бы и не случилось.

Фейри довольно трудно найти нарочно, даже если знаешь, где искать. Я всегда считала, что они как грибы: натыкаешься, когда думать о них не думаешь, а станешь искать — и нет их. Брелока для ключей я не захватила, и все на мне было новое, без прошлого, и не могло помочь. Зато трость, старая и деревянная, могла бы сработать. Я попробовала задуматься о вязе и о том, нельзя ли ему помочь. И старалась успокоить мысли.

Я закрыла глаза и оперлась на трость. Боли старалась не замечать и черной дыры на месте Мор тоже. Боль трудно забыть, но я знала, что она их отпугивает сильнее всего. Помнила, как они разбегались испуганными овцами, когда я в

тот раз рассадила руку на Камелоте. Обычно боль в ноге состоит из двух частей: резко тянущая и медленно грызущая. Если стоять неподвижно и держать равновесие, грызущая переходит в ноющую, а тянущая возникает, только если перенести вес на эту ногу, вот я и постаралась ее унять. Я стала вспоминать, как мы их вызывали. Открыла разум. Ничего не изменилось.

«Добрый вечер?» — осторожно подумала я по-валлийски. Хотя, может быть, английские фейри говорят по-английски? Или здесь нет волшебного народца. Места для них тут маловато. Я снова открыла глаза. Коровы убрели прочь. Должно быть, на дойку. Рядом стоял куст, и маленькая корявая горная осина, и еще орешник на школьной стороне канавы. Я тронула ладонью гладкую кору орешника, ни на что уже не надеясь.

В ветвях надо мной был фейри. Очень робкий. Я всегда замечала, что фейри больше всего похожи на растения. С людьми и животными все по стандарту: две руки, две ноги, одна голова — человек. Или четыре ноги и шерсть — овца. А вот у растений и фейри есть родовые признаки, но у дерева может быть сколько угодно веток, и расти они могут как угодно. Свои особенности тоже есть, но один вяз не слишком похож на соседний, а может

и очень отличаться, если они росли по-разному. Фейри разделяются на прекрасных и совершенно жутких. У всех у них есть глаза, и у многих что-то вроде головы. У некоторых и конечности более или менее человеческие, а у других звериные, а третьи вовсе ни на что не похожи. Этот был как раз из третьих. Длинный, тощий и с кожей как грубая кора. Если не видеть глаз, которые вроде как снизу, примешь его за растение-паразит, заплетенное паутиной. Как у дубов есть желуди и листья-ладошки, а у орешника орехи и мелкие круглые листья, так у большинства фейри кожа узловатая и серая, или зеленая, или коричневая, и обычно они где-нибудь да волосатые. Этот был серый, и очень узловатый, и ближе к ужасному краю спектра.

Имена для фейри мало значат. Мы дома давали имена своим знакомым, и те либо отзывались, либо нет. Кажется, имена их смешили. И местам они не дают названий. Они и самих себя не называют фейри, это мы. Если подумать, они не сильны в существительных, а как они говорят… Так или иначе, этот фейри был мне совсем чужой, а я ему, и у меня не было для него ни имени, ни пароля. Он просто смотрел на меня, как будто готов был в любой момент отскочить или растаять

в дереве. Пол фейри — тоже скользкий вопрос, кроме случаев, когда у них длинные развевающиеся волосы, унизанные цветами, или пенис величиной в его же рост, или еще что-то в таком роде. У этого никаких признаков не имелось, и я решила, что он будет оно.

— Друг, — сказала я, ничем не рискуя.

И тут его полное молчание взорвалось движением и речью:

— Иди. Опасно! Найди!

Фейри не говорят, как все люди. Как бы ни хотелось вам увидеть в них Галадриэль, таких речей от них не дождешься. Этот вот высказался и пропал, весь разом, не успела я рассказать ему о себе, расспросить про вязы и нельзя ли что-нибудь сделать. Так всегда бывает, когда они исчезают — между двумя ударами сердца, как не бывало.

Опасно? Найди? Я понятия не имела, что это значит. И не видела ничего опасного, но повернула обратно к школе, где звонили к ужину. Я оказалась в конце очереди, но этот ужин и горячий недорого стоил. Опасность меня не нашла, и я не нашла опасности, по крайней мере в ту ночь. Я выпила водянистый какао и понадеялась, что с фейри все в порядке. Я была рада, что оно здесь есть, пусть и не слишком общительное. Это мне

как кусочек дома.

Четверг, 20 сентября 1979 года

Сегодня утром я обнаружила, что подразумевало фейри под «Найди» и «Опасно». Пришло письмо от моей матери.

Не знаю, каким образом встреча с фейри дала ей знать, где я. Мир живет не по удобной логике. Фейри бы ей не сказало, а кое-кто из людей мог, но те и прежде могли бы. Я думаю, она меня искала. В незнакомой местности, среди всего нового, меня нелегко было ухватить — я не взяла ничего, кроме трости и горстки своих вещей, а те мои вещи, что остались у нее, должны были уже вылинять. Но, открыв разум, чтобы вызывать фейри, я привлекла внимание. Может, из-за этого кто-нибудь дал ей мой адрес или она напрямую его узнала. Не важно. Почти всегда можно подобрать цепочку совпадений, если хочешь опровергнуть волшебство. Потому что оно происходит не так, как в книгах. Оно создает такие вот цепочки случайностей. Как если бы вы, щелкнув пальцами, получили розу, но только потому, что кто-то уронил розу с самолета так, что она упала аккурат вам в руки. Роза настоящая и самолет

настоящий, но это не отменяет чуда, что роза оказалась у вас в руках.

Вот в чем я всегда ошибалась. Я хотела волшебства. Как в книгах. Но если волшебство действует как в книгах, то скорее как в «Резце небесном». Мы думали, что паллетный развалится у нас на глазах, а на самом деле в Лондоне уже несколько недель как решили его закрыть, только этого бы не случилось, если бы не наши цветы. Волшебство было бы легче ухватить, действуй оно как в книгах. А так, если у вас скептический склад ума, от него легко отмахнуться, потому что всегда найдется разумное объяснение. Оно всегда действует через реальный мир, и поэтому его всегда можно отрицать.

Вот и с письмом матери так. В нем шипы, но эти шипы не проявятся, если его кому-нибудь показать. Она предлагает прислать мне фотокарточки Мор, когда я отвечу. Она говорит, что скучает, но что теперь очередь отца немножко обо мне позаботиться — за такое рассуждение мне хочется ее придушить. А на конверте ее неподражаемым почерком аккуратно выведено: «Морвенне Марковой», и, значит, ей известно, под каким именем я живу.

Мне страшно. Но карточки я хочу и почти уве-

рена, что здесь ей меня не достать.

Суббота, 22 сентября 1979 года

Сегодня дождь.

Я ходила в Освестри, ближний городок — едва ли он заслуживает такого названия, купить Шарон шампунь. Ей, как иудейке, нельзя пользоваться деньгами по субботам. Нашла библиотеку, но она закрывается в полдень. Зачем нужна библиотека, которая по субботам закрывается в полдень? Как это по-английски, честное слово! Книжных магазинов нет, но в «Смитсе» торгуют книгами — только бестселлерами, но это лучше, чем ничего.

Вернулась и остаток свободного времени провела в библиотеке, краснела над «Колесничим». Раньше до меня не доходило, что те герои греческих саг Рено, что влюбляются друг в друга, гомосексуалы, но теперь я поняла, что, конечно, так и есть. Я читала с опаской, как будто кто-то готов был отобрать у меня книгу, словно они знали, о чем она. Поражаюсь, что такая попала в школьную библиотеку. Может, я первая ее прочитала с 1959 года, когда ее закупили?

Воскресенье, 23 сентября 1979 года

По воскресеньям вечером выделено время для писем домой. Я написала отцу, Даниэлю, довольно длинное письмо обо всех книгах и еще добавила, что надеюсь, он и все тети здоровы. Он ответил в том же духе и прислал мне бандероль с единственной книгой, в которой я не нуждалась: трехтомником «Властелина колец» в твердой обложке. У меня есть в бумажной, подарила тетушка Тэг. Еще он прислал «Полет дракона» — продолжение «Поиска Вейра», «Город Иллюзий» Ле Гуин и «Бег иноходца» Ларри Нивена. Ничего, но хуже, чем «Мир-кольцо» и «Дар с Земли». Сегодня я сочиняла письмо матери. Написала, что здорова и уроки мне нравятся. Послала свои оценки и на каком я месте в классе. Написала, что моя группа играет в хоккей и лакросс. Образцовое письмо, да я и писала по образцу письма моей ирландской подружки Дейдры, которой письма родителям нелегко даются. Я взамен позволила Дейдре, которую никогда не называю Дырой, списать работу по латыни. Она на самом деле

очень милая — не слишком умная и вечно путает слова, зато очень добрая. Она бы, думаю, и просто так дала мне списать свое письмо.

Вторник, 25 сентября 1979 года

Мое письмо подействовало: чуть ли не со следующей почтой она прислала фотографии, как обещала. На одной мы вдвоем на пляже, строим песчаный замок. Мор сидит спиной к объективу, прихлопывает песок. Я смотрю на фотоаппарат или на дедушку, который снимал, но от меня остался только силуэт, потому что я старательно выжжена.

Среда, 26 сентября 1979 года

В школе как обычно. Первая в классе по всему, кроме математики, как всегда. Сходила к канаве повидать фейри — запирай конюшню, когда лошадь свели, — но никого не видела. Вязы так и сохнут. Читаю «За пределы безмолвной планеты», это не из Нарнии. Опять жуткое письмо. Живот прихватило.

Суббота, 29 сентября 1979 года

С волшебством никогда не знаешь. Никогда не уверен, действительно что-то делаешь или просто играешь. В любом случае, мне такими вещами лучше не заниматься, потому что это бы привлекло внимание, а мне его и так более чем достаточно.

Мы с Мор уходили из дома летом, когда не было дождя, и играли. Играли, будто мы рыцари — отчаявшиеся, но верные защитники Камелота. Играли в подвиги. Мы подолгу беседовали с фейри, зная, что говорим за себя и за них. Проще простого было бы вычистить фейри из этих мемуаров — а вот Мор, конечно, нет, так что я все равно не могу о них рассказывать, я вообще не могу рассказывать о детстве, потому что невозможно говорить «я», подразумевая «мы», а если говорить «мы», придется говорить об умершей сестре, а не о том, о чем хочется рассказать. Я поняла это тем летом. Так что говорить об этом не буду.

Мы шли по драму, болтали, пели и играли, а подойдя ближе к развалинам, подбирались украдкой, словно так их было легче застать. Ино-

гда тот, которого мы называли Глорфиндейлом, выглядывал из-за руин, заставал нас, и мы отлично играли в догоняшки. Бывало, они от нас чего-то хотели. Они многое знают, но мало что могут в реальном мире.

Во «Властелине колец» говорится, что эльфы стали малочисленны и таятся от людей. Не знаю, знал ли Толкин про фейри. Когда-то я думала, что да. Когда-то я думала, он был с ними знаком, и слышал, и записывал их рассказы, а тогда получалось, что все это правда. Фейри не умеют по-настоящему лгать. Но, ложь или правду, говорят они не по-эльфийски. Они говорят на валлийском. И они обычно не так похожи на людей, как эльфы. И они никогда нам ничего не рассказывали — в смысле настоящих историй. Они держались так, будто мы сами все знаем, будто мы — часть всего, как и они.

До самого конца знакомство с ними ничего кроме добра нам не приносило. А в конце — не думаю, чтобы они поняли. Нет, поняли. Они объяснили яснее ясного. Это мы не поняли их.

Хотелось бы мне, чтобы волшебство было более зрелищным.

Воскресенье, 30 сентября 1979 года

На створке ворот конюшни-без-лошади: я сегодня написала тетушке Тэг.

Семья у меня большая, сложная и во всех отношениях совершенно нормальная. Просто… нет. Стоит подумать, как объяснить кому-то доброжелательному, но ничего о нас не знающему, я заранее пугаюсь.

У бабушки не было братьев и сестер, и ее растила ее тетушка Сил, потому что ее мать умерла. На самом деле даже еще сложнее. Чтобы разобраться, придется начать поколением раньше. Кэдуолдер и Марион (мама) Терисы перебрались в Абердэр из Западного Уэльса, где оставили много родни. Он стал работать на руднике, а она открыла школу для девочек, и у них было пятеро детей: Сильвия, Сюзанна, Сара, Суламифь и Сидни. Мне жаль бедняжку Суламифь, но что им было делать, если уж так начали подбирать имена, а рождались все девочки?

Сильвия так и не вышла замуж и растила детей остальных. Сюзанна вышла за мужчину, который

оказался Тяжким Жребием. Он был шахтер. Он ее бил, и она от него убежала, забрав обеих дочерей. Но в те времена позором считался побег, а не побои, поэтому она оставила дочек, Гвендолен и Олвен, у тетушки Сил и уехала в Лондон, наня-лась там в услужение. Тетушка Гвенни выросла жуть какой женщиной, вышла за дядю Теда, и у них было две дочки и пять внуков, таких идеаль-ных, если ее послушать, что невозможно было их не возненавидеть. Тетушка Олвен стала сидел-кой и начиная с тридцатых годов жила с другой сиделкой, тетушкой Этель. Они были совсем как супружеская пара, и все к ним так и относились.

Сара вышла за священника по имени Августус Томас. Для нее это был шаг вверх по социальной лестнице. Они познакомились, когда он служил кюре при церкви Св. Фэганса, это наша местная церковь, но поженились, когда он поселился на Говере рядом со Сванси. Он увез туда Сару, и она родила сына, которому тоже дали имя Августус, но называли Гусом и которого отец привез на воспитание к тетушке Сил, когда умерла бедная Сара. Дядя Гус был герой войны и женился на медсестре по имени Эстер, которой мы все не нравились. Моя бабушка из всех кузенов любила его больше всего, просто насмотреться не могла.

Суламифь вышла за Мэтью Иванса, шахтера. Она была матерью моей бабушки, а до свадьбы работала учительницей, как раньше ее мать. Закон запрещал замужним работать учительницами, но содержать школу для девочек можно было, потому что дети приходили к вам на дом. Она родила ребенка, который умер, потом мою бабушку, Ребекку, а потом сама умерла.

Сидни открыл магазин тканей в поселке, а позже стал мэром. Он женился на Флоренс, а она умерла, родив тетушку Флосси. У самой тетушки Флосси было трое детей, а потом ее муж умер от Черной Смерти, которую подхватил от крысы. Тогда тетушка Флосси снова стала учительницей, а детей сдала тетушке Сил — воспитывать новое поколение, так что моя кузина Пип, шестью годами старше меня, родилась в 1958-м и стала последней из малышей Сильвии, когда первой из них, тетушке Гвенни, было уже шестьдесят, она родилась в 1898-м.

Вы подумаете, что уж очень многие умирали, и будете правы, но это происходило в Викторианскую эпоху, у них не было антибиотиков и плохо обстояло с гигиеной, а существовала только микробная теория инфекций. Хотя в общем я думаю, они все были болезненные, потому что как гля-

нешь на семью Фелпсов, разница налицо. О тех я напишу в другой раз. Тетушка Флорри, дедушкина сестра, во всем винила их образованность. Не вижу, каким образом образованность могла их убивать — и ведь тетушка Сил была образованной не меньше других, а прожила восемьдесят с лишним лет. Я ее помню.

В записи это выглядит сложнее, чем есть. Может, надо было нарисовать схему. Но не стоит. Вам не обязательно помнить их всех. Я только хотела сказать, что когда принадлежишь к такой большой семье, где все всех знают и помнят о каждом даже то, что случилось до твоего рождения, и о тебе тоже знают и многое могут порассказать, то ты всегда не просто Мор, а «Мор Люка и Бекки» или «внучка Люка Фелпса». И еще, когда тебе кто-то нужен, кто-нибудь да найдется. Не обязательно родители или даже дедушка или бабушка, но, если случится беда, найдется, кому тебя вырастить, вроде тетушки Сил. Но она умерла раньше моей бабушки, а когда мне понадобился кто-то, эта семейная сеть, на которую я рассчитывала и на которой можно было скакать, как на батуте, уже распалась, вот я и грохнулась о землю. Они не хотели признавать, что с моей матерью что-то не так и что мне нужно как-то помочь. А раз я

обратилась в социальную службу, чтобы от нее уйти, они уже ничего не могли сделать, потому что для соцслужбы тетушки, которых вы знаете с рождения, никто в сравнении с отцом, которого вы никогда не видели.

У него тоже была семья.

Вторник, 2 октября 1979 года

Честное слово, Джеймс Типтри мл., «Теплые миры и другие рассказы», потягается со вторым томом «Двенадцати румбов ветра» за те же деньги. Я бы сказала, что Ле Гуин все равно впереди, но не так далеко, как я думала. Остальные две книжки в отцовской посылке — Желязны. За них еще не бралась. «Создания света, создания тьмы» ужасно странные.

Четверг, 4 октября 1979 года

«Девять принцев Амбера» и «Ружья Авалона» — полный блеск. Два дня ничего не делала, только читала. Тени — это здорово придумано, и Козыри тоже, но самое лучшее — это голос Корвина. Надо почитать еще Желязны.

Сегодня пришло письмо от тетушки Тэг, похоже, она очень рада узнать, что я в порядке. Вложила в конверт фунтовую бумажку. Много семейных новостей. Кузен Арвель поступил на новую работу: Британские железные дороги, в Ноттингеме. Тетушка Олвен ждет очереди на операцию катаракты. У кузины Сильви опять ребенок — и Гэйл на втором не остановится! Дядя Родри женился. О моей матери ничего не пишет. Я и не ждала. Я тоже не писала. И не призналась, что променяла искусства на химию. Она преподает искусства; ей не понять. У меня три любимых предмета: химия, физика и латынь, хотя самые высокие оценки по занудному старому английскому — как всегда. Мы читаем «Наш общий друг» — я его про себя называю «Наш общий дух». Переписать бы его под этим названием, а общим

знакомым сделать «некого Райдерхуда».

Пятница, 5 октября 1979 года

Отец моего дедушки, француз, приехал в Британию из Ренна, а мать его — из Индии. Все говорят, что он был очень смуглый, как мой дед и его сестры: темноволосые, темноглазые, и кожа смуглее, чем обычно у европейцев. И мать у меня такая. Дедушка нашу кожу презирал, мол, обгорает на солнце. Александр Ренн сменил имя на Фелпс, когда женился на моей прабабушке Анабель Фелпс, потому что она поставила такое условие. Он работал на руднике. Одна из восьми детей, сама она родила семерых, из которых пятеро выжили, и всегда была тираншей. Она умерла в девяносто три, за год до моего рождения, но я росла на рассказах о ней.

Поскольку Александр был француз, дома у них говорили по-английски, не то что в семье бабушки, где при наличии выбора переходили на валлийский. Пятеро выживших детей все переженились и тоже обзавелись потомством.

Старший мальчик, Александр, женился перед Великой войной[3] и отправился в окопы, оставив

---

[3] Примечания: 3
Первая мировая. (*Прим. ред.*)

беременную жену. Назад он не вернулся, телеграмма сообщила, что пропал без вести в бою. Его молодая жена, моя тетушка Бесси, перебралась к тестю и теще, родила ребенка — моего дядю Джона и в общем и целом, как и тетушка Флорри, считалась у бабушки за бесплатную прислугу. А много лет спустя, в 1941-м, на автобусе в Абердэр прибыла молодая женщина с двумя серьезными мальчиками, моими дядями: Малькольмом и Дунканом. Она пришла к бабушке и объявила себя вдовой ее сына Александра. Тот вовсе не погиб, а остался в армии, и отправился в Индию, и там женился, не потрудившись развестись с тетушкой Бесси.

Его вторая жена Лиллиан была англичанка, выросла в Индии и своих денег почти не имела. Она привыкла к жаркому климату и слугам. Бабушка с дедушкой оставили ее у себя, и кое-кто считал это очень добрым поступком, но ей самой жить с ними оказалось очень нелегко. Позже она сговорилась с тетушкой Бесси, у которой была небольшая вдовья пенсия, и они смогли позволить себе собственный маленький домик. К моему рождению этот скандал устарел — я знала, что они вдовы одного и того же мужчины, ну и что из этого? Все равно он умер. Две вдовы

отлично поладили. В войну они вязали носки для солдат, а после открыли магазин — продавали шерсть и изделия домашней вязки прямо у себя в гостиной. В ней стоял странноватый звериный запах, который они пытались заглушить сушеной лавандой из садика тетушки Флорри — там я впервые увидела лавандовые подушечки.

У дедушки было три сестры, все замужние и с детьми. Одна, тетушка Моди, опозорила себя, выйдя за католика и уехав в Англию, где родила одиннадцать детей, кончая Монголом, и еще четверых усыновила, в том числе двух африканцев. Я не вижу в этом скандала, раз она могла о них о всех позаботиться — а она могла. Она всегда была дедушкиной любимицей, но теперь они ссорились при каждой встрече. Она пошла в свою мать. Не вижу позора в католицизме, если сравнить с двоеженством, которое покойному Александру все простили, или в лесбиянстве тетушки Олвен, о котором не говорили, а молча смирялись.

У тетушки Бронвен было три сына и дочь, а муж работал в шахте. Тетушка Флорри жила совсем рядом с нами, и мы очень часто ее видели: бабушка просила ее присмотреть за детьми. Ее муж, рудничный рабочий, погиб на войне. Два мальчика — мой дядя Клем, попавший в тюрьму

за фальшивки, и дядя Сэм, которого, кажется, никогда не бывало дома. Она однажды увидела дьявола, загнала его молитвенником на самый верх жилья и заперла в кладовке. Потом она попросила дедушку заложить эту дверь кирпичом, чтобы дьявол не вырвался. Много лет спустя, после ее смерти, он разобрал кирпич, и мы, сгорая от любопытства, вошли. Там стоял печатный станок. Дедушка его выбросил, но мы успели прихватить множество пустых бланков и порядочно свинцовых буковок.

Мой дедушка Люк был младшим в семье и женился на моей бабушке Бекки, и у них было двое детей, Элизабет и Тэган. Моя мать Лиз вышла замуж за моего отца и родила нас. Тетушка Тэг замуж не выходила, потому что была занята — помогала нас растить. Во многом она больше походила на старшую сестру, чем на тетю.

Я по ней очень скучаю и по дедушке тоже.

Суббота, 6 октября 1979 года

Прекрасный день, лучший с тех пор, как я сюда попала.

Я успела в город до закрытия библиотеки и хотела записаться. Мне не позволили. Я проявила изумительную выдержку, не кричала, не повышала голос, ничего такого. Они сказали, что нужна подпись родителей и документ о месте жительства. Я объяснила, что из Арлингхерста, как будто они сами не видели по школьной форме. На выход мы должны надевать синие сарафаны в складочку, такой же джемпер и школьный плащ-дождевик (когда идет дождь, но дождь идет всегда, кроме сегодня, сегодня солнце) и форменную шляпку. Зимняя шляпка — берет, летняя соломенная. Шляпы для меня истинное наказание: норовят свалиться с головы на каждом шагу.

Библиотекарь, мужчина, совсем молодой, сказал, что в Арлингхерсте я могу пользоваться школьной библиотекой. Я сказала, что я и пользуюсь, но там нет того, что мне надо. Он тогда посмотрел на меня, поправил очки на носу, и я

уже думала, что победила, но нет.

— Тебе понадобится подпись одного из родителей на этом бланке и письмо от школьного библиотекаря, подтверждающее, что тебе нужно пользоваться этой библиотекой, — сказал он. За его спиной уходили вдаль полки с книгами. Он даже побродить вдоль них не позволил.

Зато я нашла книжный магазин и маленькую толкучку. Торговый квартал в Освестри — это две улочки с рынком на перекрестке. Библиотека — типично викторианское здание — почти рядом. В прошлый раз я дальше нее не пошла — автобусная остановка под холмом, а библиотека у самой вершины. Но от нее дорога поворачивает влево, и я решила, что она выведет к остановке кружным путем. Не вывела, а завела в жилые кварталы, и я уже думала возвращаться, но за следующим поворотом открылся пруд с утками и белыми лебедями в окружении деревьев, а на другой стороне шеренга магазинов и среди них книжный.

Я купила «Тритон» Сэмюэла Дилэни. Может быть, у отца он уже есть, мне все равно. Стоил 85 пенсов. Продавщица очень милая. Фантастику она не читает, но старается обеспечить хороший выбор. По сравнению с кардиффским «Лирсом» выбор бедный, а так очень неплох. Я собираюсь

попросить у отца карманные деньги на покупку книг. И чтобы он подписал библиотечный бланк. Он почти наверняка не откажется. Насчет письма от мисс Кэрролл я не так уверена.

Рядом с книжным был магазин подержанных товаров, и в нем три полки книг, все старые и потрепанные. Я купила за 10 пенсов «Я захватываю замок» Доди Смит. Мне нравится ее далматинский цикл, например «Звездный лай», который Мор всегда называла «Звенящими одеждами». Я и не знала, что она пишет исторические романы. Отложу книжку, пока не придет настроение штурмовать замок.

У меня еще осталось пять пенсов. За пять пенсов там ничего не нашлось. Третья лавочка в ряду оказалась булочной и кофейней. Я зашла, потому что Шарон меня просила купить булочек. Вот как это делается: ты сам покупаешь булочки, или кто-то покупает их для тебя. Потом передаешь пакет на кухню с запиской, и их добавляют к воскресному ланчу указанным получателям. По правилам купить надо не меньше двух, только для себя покупать нельзя. Популярные девочки каждую неделю получают целые горы разных плюшек. Я обычно ни одной. У Дейдры мало денег, а Шарон еврейка. Но на этой неделе Шарон

решила купить, потому что она хорошая. Я к тому, что со стороны Шарон это особенно мило, потому что сама она их есть не может. Иудеям полагается особая пища. Особая пища Шарон выглядит куда соблазнительнее нашей школьной. Ее приносят на подносе. Интересно, мне бы тоже дали, скажи я им, что иудейка? Но вдруг я недостаточно иудейка и от нее умру или заболею? Прежде чем пробовать, надо поговорить с Шарон. Так или иначе, Шарон просила меня купить булочки для себя, Дейдры и Карен, еще одной ее подруги. Так что я купила булочки — они продавались по десять пенсов за штуку или четыре за 35 пенсов, так что я добавила своих пять и купила четыре. Они были медовые, еще теплые, и я прогулялась к пруду и съела одну. Объедение.

У пруда стояли скамейки, вокруг росла трава, и ивы макали ветки прямо в воду. Листья на склоненных ветвях уже желтеют. Мне всегда казалось, что «плакучая ива» им очень подходит, но и «вавилонская» тоже. Ивы любят воду, а вязы не выносят. Дорога через лощину Кроггин называется «Хеол-и-Гверн», «Вязовая дорога», потому что вдоль нее посадили вязы, чтобы было надежно и сухо. Считается, что еще в неолите. Наверняка до римлян. История нашей долины — потрясающее

чтение. Не знаю, смогу ли принимать ее как само собой разумеющееся, вернувшись обратно.

Я сидела на лавочке под ивой, жевала медовую булочку и читала «Тритон». Правда, в мире есть всякие ужасы, но есть и великие книги. Хотела бы я, когда вырасту, написать такую книгу, чтобы ее можно было читать на лавочке в не слишком-то жаркий день и забывать, где находишься и сколько времени, потому что ты не столько в своей голове, сколько в книжке. Я бы хотела писать как Дилэни, Хайнлайн или Ле Гуин.

Я едва успела на автобус до школы. Увидела его под холмом и хотела побежать, чтобы успеть, мне вспомнилось, как это — бежать во всю прыть, и я хотела было податься вперед и далеко выбрасывать ноги. Я даже один такой шаг сделала, но как оперлась не на ту ногу, ее словно железом проткнули. Шофер меня заметил, узнал форму и подождал. В автобусе было много девочек из школы, в основном из других классов. Почти все они знали или думали, что знают, что я хожу с палкой потому, что моя мать втыкает булавки в куклу вуду. Я села одна, но потом Джилл Скофилд из моего класса по химии перебралась ко мне.

— Что это ты опоздала? — спросила она.

— Зачиталась, — ответила я. — Забыла о вре-

мени.

— А не с мальчиком встречалась?

— Нет!

— Могла бы не возмущаться, половина девочек в этом автобусе были на свидании. Больше половины. Ты на них посмотри.

Я посмотрела. У многих полы сарафанов были подобраны, а губы подозрительно красные.

— Безвкусица! — буркнула я.

Джилл засмеялась.

— Я хочу заниматься наукой, — призналась она.

— Наукой?

— Да, настоящей. Я вчера читала про Лавуазье. Знаешь такого?

— Он открыл кислород, — кивнула я. — Вместе с Пристли.

— Да, и был французом. Аристократ, маркиз. Его гильонировали при французской революции, и он сказал, что, когда ему отрубят голову, он будет моргать, пока в сознании. Он моргнул семнадцать раз. Вот это ученый! — закончила Джилл.

Странная она. Но мне нравится.

Воскресенье, 7 октября 1979 года

Дочитала «Тритон». Потрясающе. Но чем больше думаю, тем меньше понимаю, зачем Брон солгал Одри.

Сегодня в «час для писем» сочинила открытку с добрыми пожеланиями кузине Арвелл Пэрри и поздравление дяде Родри.

Почему же Брон лгал Одри?

Понедельник, 8 октября 1979 года

С одной стороны, бабушка с дедушкой о сексе вообще не упоминали. Должно быть, они им занимались, не то бы не было тетушки Тэг и моей матери, но, думаю, не больше двух раз. И как говорят о сексе в школе и в церкви. И никакого секса, и любви почти нет в Среднеземье, почему я всегда и думала, что мир без нее был бы намного лучше. Арвен — просто дань приличиям. Или сосуд для будущего полуэльфа — короля Гондора и Арнора. Приз. Лучше бы он взял в жены Йовин — она хотя бы сама по себе героиня, — и пусть бы нуменорцы вымирали. (Все равно, вы посмотрите на нас нынешних!) Стало быть, секс — необходимое зло для производства детей. Это нормально.

А как посмотришь на этих девиц в автобусе, и на мою мать с ее приятелями, и на девочек, которые ночью пробираются в постель к подружкам, так… ах и фи![4]

С другой стороны, у меня самой бывают сексуальные чувства. А «Тритон», Хайнлайн и «Колесничий» наводят на мысль, что секс сам

---

[4] Примечания: 4
Валлийское восклицание, выражающее отвращение.

по себе не плох и не хорош, что его общество демонизирует, делает тошнотворным. А все эти варианты секса из «Тритона» — это, наверное, вроде спектра сексуальных отношений, на котором большинство мужчин и женщин где-то посередине, а некоторые ближе к краю — я на одном краю, а Ральф с Лори на другом. Что мне всегда нравилось в научной фантастике, это что она заставляет тебя задумываться и смотреть на вещи под таким углом, под каким раньше бы в голову не пришло.

Отныне я намерена положительно относиться к сексу.

Среда, 10 октября 1979 года

Если бы школа нарочно ставила целью отрезать нас от волшебства, лучше бы и устроить нельзя. Может быть, изначально и была такая цель. Наверняка никто здесь ничего об этом не знает, но ведь Арлингхерст существует больше сотни лет.

Мы ничего не готовим, мы полностью отрезаны от того, что едим, а еда невероятно мерзкая. Вчера, к примеру, на обед были наггетсы с безвкусным картофельным пюре и переваренной капустой. Вместо пудинга выдали на шестерых по тарелке густого заварного крема с половинкой грецкого ореха посередине. Называлось это «Гавайская радость». По меньшей мере раз в неделю нам полагается «Гавайский сюрприз», тоже кремовый и с засахаренной вишенкой. Я не люблю ни засахаренных вишен, ни орехов, и кое-кто ставит мне в заслугу, что я не участвую в сварах за этакое лакомство. Заварного крема я тоже не люблю, но иногда с голоду и его готова съесть. Даже нарочно невозможно придумать худшей еды и более далекой от природы тоже.

Когда ешь яблоко, оно связывает тебя с яблоней. А заварной крем с засахаренной вишенкой ни с чем не связывает.

Кстати, о еде: у нас нет своих тарелок, и своих ножей, и вилок или чашек. Все общее и раздается кому попало. Нет надежды к чему-нибудь привязаться, одушевить привязанностью. Здесь все бесчувственное: и стулья, и чашки. Никто ничего не любит.

Дома я жила в окружении вещей, которые хотя бы смутно сознавали, чьи они. Дедушкино кресло так же, как он сам, не одобряло, когда в него садился кто-то другой.

Бабушкины блузки и свитера подстраивались так, чтобы скрыть ее отсутствующую грудь. Туфли матери так и вибрировали сознанием. Наши игрушки присматривали за нами. В кухне имелась картофелечистка, которая не давалась бабушке. Обычный ножик с коричневой ручкой, но она раз порезалась, и с тех пор эта штука жаждала еще ее крови. Я, когда рылась в кухонном ящике, так и чувствовала, как она ждет. После бабушкиной смерти это сошло на нет. Еще были кофейные ложечки, свадебный подарок. Серебряные, они считали себя выше других, особенными.

Здесь вещи вообще ничего не делают. Кофей-

ные ложечки не мешают кофе сами собой. И не ведут со щипцами для сахара споров, кто дороже хозяевам. (Мы всегда чувствовали, что вот-вот заведут.) Наверное, это было в основном психологическое действие. Они утверждали прошлое, связывали все, как нити в ткани ковра. Здесь ткани нет, каждый бренчит сам по себе.

Еще одно письмо. Я не вскрывала. Но очень даже отметила из-за всего этого. Оно исполнено смысла: зловещего, но все же смысла. Все вокруг него звучит приглушенно.

Четверг, 11 октября 1979 года

Мисс Кэрролл без заминки согласилась написать письмо в библиотеку.

— Я заметила, что ты дошла до чтения Артура Рэнсома, — сказала она.

На самом деле Рэнсом мне нравится. Я бы не сказала, что «дошла». Конечно, я его давным-давно всего перечитала, но с удовольствием. Есть что-то симпатичное в откровенно детских книжках без всякого секса и со счастливыми концами — в Рэнсоме, Стритфильд и тому подобном. Они не «на вырост», и заранее знаешь, что получишь, но получишь ты милую здоровую историю о ребятишках, которые возятся с лодкой, учатся танцам и тому подобное, и у них будут маленькие победы и маленькие катастрофы, и в конце концов все обернется к лучшему. Это бодрит, особенно после читанного вчера Чехова. Хорошо, что я не русская.

Но раз это на шаг приблизило меня к читательскому билету, я только улыбнулась. Если только *он* пришлет подписанный бланк, получу билет уже на этих выходных. Не надо мне было так

называть его: «он». Но трудно выбрать, как его называть? Как бы вы стали называть отца, с которым только что познакомились? «Папа» — просто смешно. Но, хоть его и зовут Даниэль, называть так было бы странновато.

Пятница, 12 октября 1979 года

Письмо от отца пришло с первой почтой, в нем десять фунтов (!) и подписанный бланк. Он пишет, что деньги на покупку книг, но я куплю и немножко булочек.

Я поговорила с Шарон насчет иудейской пищи. Она сказала: им Бог велит, что есть, что не есть, и еда эта особенная, но другим не вредит. Говорит, что хлеб вкусный, но всегда немножко черствеет, пока доходит из Манчестера. Похоже, быть иудейкой — хлопотливое дело, и мне бы совсем не понравилось ничего не покупать по субботам, тем более что нас только тогда и отпускают из школы. Но, может быть, дело того стоит.

Разговорить ее на эту тему было непросто. Ее часто дразнили, и она привыкла, что люди такого побаиваются, и вполне благоразумно старается поменьше рассказывать. Пришлось рассказать про еврейского отца моего отца. Она сказала, что это вовсе не делает меня еврейкой, что нельзя быть еврейкой отчасти, а передается это от матери. Она сказала, если я хочу стать иудейкой, мне потребуется обращение.

Я припомнила, как миссионер приходил в церковь с рассказами про обращение язычников. Он говорил, что некоторые притворяются обращенными за дармовую еду, а потом при любом затруднении возвращаются к прежним языческим богам. Таких он называл «рисовые христиане». Я, пожалуй, могла бы стать «рисовой иудейкой».

С другой стороны, это точно доведет дедушку до припадка. Моя мать наверняка ему расскажет в надежде, что у него случится новый удар.

Суббота, 13 октября 1979 года

Погода на неделе резко переменилась. В прошлую субботу было довольно тепло и солнечно, осень нехотя оглядывалась на лето. Сегодня сырой шквалистый ветер, осень так и прет в зиму. Земля скользкая от палых листьев. Освестри выглядит еще хуже обычного. Теперь, когда Джилл мне показала, я замечаю, что девочки в автобусе пускают по кругу запретную губную помаду и хихикают. Мне они напомнили Сьюзен из «Последней битвы». Я замечталась, будто знакомлюсь с Клайвом Льюисом, хоть и знаю, что он умер. Даже неловко признаваться.

Я вошла в библиотеку, вооружившись письмом и подписанным бланком, и увидела приветливую библиотекаршу, которая наверняка и без них меня бы записала. Она на них почти не смотрела. Теперь у меня билет с кармашком для восьми карточек, которые позволяют взять восемь книг в любое время — а фактически в субботу утром, когда я могу выбраться в город до полудня. Еще она мне сказала, что, если мне понадобится что-то, чего у них нет, для читателей до шестнадцати

межбиблиотечная рассылка бесплатно. Так что я могу заказать, что хочу, и они для меня выпишут. Мне только нужно знать автора и название. Я составлю список из книг, перечисленных на титульном листе других книг, и возьму их на следующей неделе. Она сказала, они могут получить любую книгу, изданную в Британии, и даже не важно, если тираж уже распродан. Она предложила присылать мне уведомление, но я сказала, что не надо, пусть сэкономят деньги от рассылки на покупку книг, а я просто буду приезжать раз в неделю и забирать, что они получили.

Межбиблиотечная рассылка — чудо света и слава цивилизации.

Библиотеки — это чудо. Они даже лучше книжных магазинов. В смысле книжные магазины ведь зарабатывают на продаже книг, а библиотекари просто сидят и одалживают вам книги по доброте душевной.

Потом я провела счастливый час среди полок, которые похожи на школьную библиотеку тем, что на них тоже попадаются жемчужины, но довольно редко. И научная фантастика стоит вперемешку с остальным, так что искать приходится дольше. Восемь книг оттягивали мне руки, а дождь хлестал в лицо, и я подумывала, не

вернуться ли в школу читать их в уюте своей библиотеки. Но хотелось еще заглянуть в книжный, и хотя восемь книг — это звучит (и весит) солидно, но не настолько, чтобы хватило на неделю. Я теперь обычно читаю рано утром, если проснусь до звонка, и три часа обязательных спортивных игр, и на скучных уроках, и на самоподготовке, когда доделаю задание, и в свободные полчаса после, и полчаса, которые нам позволяют в постели, пока не погасят свет. Так что в обычный день я дочитываю две книги.

Поэтому я потихоньку пошла вниз к книжному. Ветер хлестал ветвями ив по воде. Желтые листья почти все облетели и плавали в озерке. Лебедей я не увидела. Но заметила, что за озерком тоже растут деревья.

Я сделала пару покупок. Хотелось бы знать, на сколько надо растягивать эти десять фунтов. Большинство книг стоят по 75 пенсов, толстые дороже. Сбежав, я бросила много книг. Можно было бы возместить потерю, но и новое читать хочется. Я купила новый сборник Типтри. В нем предисловие Ле Гуин, значит, ей его рассказы тоже нравились! Чудесно, когда любимые писатели нравятся друг другу. Может, они дружили, как Толкин с Льюисом. В магазине лежала но-

вая книжка Хамфри Карпентера — биографии всех Инклингов, в твердом переплете. Закажу в библиотеке.

После книжного магазина я проверила полки с подержанными и там тоже кое-что купила. Теперь у меня было столько книг, что я еле шла, и нога, конечно, жутко разболелась. В дождь всегда так. Я не просила, чтобы мне подменили здоровую ногу на скрипучую ржавую флюгарку, но и никто, надо думать, не просит. Я бы согласилась на куда бóльшие жертвы. Я готова была умереть, а Мор и умерла. Надо считать это боевым ранением, шрамом старого солдата. Фродо лишился пальца и надежды на счастье. Толкин знал, что бывает, когда книжка кончилась. Потому что это уже после конца — все очищение Шира и попытка прижиться во временах, которые не должны были наступать после славной последней битвы. Я спасала мир, по крайней мере верила в это, и мир уцелел вместе с закатами и межбиблиотечной рассылкой. А до меня ему дела нет, как Ширу не было дела до Фродо. Но это не важно. Моя мать — не темная королева, прекрасная и грозная. Она сама запуталась в своей злости, как паук в паутине. Я от нее спаслась. И Мор она уже ничего не может сделать.

Я зашла в булочную, села за столик у окна, съела корнуэльский пирожок и медовую булочку, задумчиво поворачивая туда-сюда чайник. Я не люблю чай, а кофе того меньше; пахнет он приятно, но на вкус гадость. Вообще-то я пью только воду, в крайнем случае могу выпить лимонада. Но вода лучше. Зато чайник можно вертеть, и никому не видно, допила ли ты, особенно если вообще не пила, и есть предлог посидеть подольше, почитать и отдохнуть.

Я так и сделала, а потом купила четыре медовые булочки с собой, на сей раз за свои деньги. Одну для Дейдры, одну для Шарон, хотя она, конечно, не сможет ее съесть, так что эта тоже достанется мне, еще одну для себя и одну для Джилл. На прошлой неделе я получила булочку от Шарон, а на этой она получит от меня. Это скорее символ, чем настоящая булочка, хотя, видит бог, и настоящая хороша. Для Карен я покупать не стала, потому что Карен обзывает меня Ковыляшкой, а по мне это противнее остальных кличек.

Комми звучит почти ласково, а от Тэффи никуда не денешься, но Хромуша и Ковыляшка — это уже по злобе.

Потом я спросила у продавщицы про пруд:

— Там парк?

— Парк, милая? Нет, там край поместья.

— Но у пруда стоят скамейки. Как в парке.

— Их муниципалитет поставил, чтобы люди могли посидеть. У дороги, она-то муниципальная, так что это можно бы назвать и парком, но цветы там не сажают. А то, что видно за прудом, деревья и все такое, это принадлежит поместью, и там сразу наткнешься на таблички: «Прохода нет», потому что там водятся фазаны. В августе у них брачный период, нам все слышно.

Стало быть, поместье с загородным домом, лесничим и прочим, но ради фазанов его оставляют полудиким. Наверняка там повсюду фейри.

Воскресенье, 14 октября 1979 года

После обеда выслушала нотацию и получила «отметку о поведении» — первую здесь. Очевидно, не положено передавать булочки девочкам не из твоего класса или Дома, если вы не в отношениях. А Джилл, хоть мы и занимаемся химией в одном классе, не из моего класса и Дома, так что мне с ней дружить не положено, и моя булочка вызвала серьезные подозрения насчет лесбийских отношений. Ну и пусть. Мне дела нет. Я ничего такого, но определенно согласна на этот счет с Хайнлайном и Дилэни.

Даже Дейдра с Шарон сказали, что не стоило мне передавать Джилл булочку. Дейдра пыталась меня оправдать, мол, я не разобралась, потому что новенькая и, может быть, у меня от химии мозги спеклись.

Никогда я не разберусь в здешних порядках.

Понедельник, 15 октября 1979 года

Я не ответила на письмо. Но она продолжает мне писать и слать такие вот фотографии. Я каждую неделю получаю одно-два письма. Так хочется увидеть Мор, что я вскрываю конверты, но письма сразу никогда не прочитываю. Оставляю на библиотеку, потому что не вынесу, если кто увидит, как я читаю. А сегодня Лоррейн Паджетер подхватила сильную простуду, зашла в библиотеку и застала меня с одной из тех порезанных фотографий. Лоррейн — блондинка с широкой костью, капитан классной хоккейной команды и центровая в регби первой группы. Она, конечно, меня обзывает и щиплет, но другим не позволяет ставить мне подножки в душевой, так что я против нее ничего не имею. Сегодня у нее совсем красный нос и по-настоящему жалкий вид, и ее не пустили на любимую игру. Я подслушала, как она упрашивает учительницу, нельзя ли ей завернуться потеплее и пойти посмотреть.

— Это что, Морвенна? — спросила она.

Я не хотела показывать, что меня это волнует,

а она бы поняла, если бы я спрятала, поэтому я бросила фотокарточку на стол перед ней. Она взяла и посмотрела. На фотографии нам обеим вручали награды за выступление в школе, только я была, как обычно, выжжена.

— Моя мать ведьма, — небрежно бросила я.

Лоррейн ахнула и выронила снимок.

— Это вуду? — прошептала она.

Я сама хотела бы знать. Я ведь не знаю, как это действует, ну и если так посмотреть, какой смысл выжигать кого-то на фотографии? Что от этого будет? К чему приведет? Я потянулась за своим деревянным оберегом, но его, конечно, не было. Его нельзя носить с формой. У меня в кармане лежал камешек, я прикоснулась к нему. Не знаю, помогает ли это, но точно успокаивает. И я потрогала деревянный библиотечный стол, выглаженный временем и сотнями рук.

— Вроде как, — спокойно сказала я. — Она меня выжигает, а я вроде как в порядке.

— Но ведь это ты, — возразила Лоррейн так громко, что мисс Кэрролл на нас оглянулась.

Про Мор Лоррейн, разумеется, не знает. Я о ней не упоминала, во-первых, потому что это личное, во-вторых, терпеть не могу жалости, и, в-третьих, если станут дразнить этим, то совсем плохо. Если

меня дразнить насчет Мор, я могу и сорваться.

— Да ну? — проговорила я и потянулась за снимком. — Эту я еще не рассмотрела. Обычно она меня выжигает. Но я-то под защитой. Если она займется моими подругами, ужас что будет.

Лоррейн ахнула и отошла подальше, села на другом конце комнаты, притворилась, будто читает «Унесенных ветром». И больше сегодня не приставала. «Пусть боятся, лишь бы повиновались» сработало даже лучше обычного, но вот Дейдра с Шарон тоже меня сторонятся, а от этого ужас как одиноко.

Вторник, 16 октября 1979 года

Знаете, классовая принадлежность вроде волшебства. Не во что ткнуть пальцем, и стоит начать анализировать — все испаряется, но она существует и влияет на поведение людей.

У Шарон денег, наверное, больше всех в нашем классе. Мы в нижнем пятом, что в нормальном контексте так бессмысленно, что я злюсь, стоит об этом вспомнить. Отсчет начинается с «верхнего третьего». Теоретически существует еще «начальная школа», которая начинается с первого, с семилеток. На самом деле ее не существует, и сказывается она только в этой забавной нумерации. Добравшись до шестого, нижнего и верхнего, они стыкуются с системой остального мира, в котором учатся с первого по четвертый в младшей школе и с первого по шестой в средней. Арлингхерст, обратите внимание, учит среднюю школу с первого по шестой, просто считает по-дурацки.

Мы, собственно, нижний пятый С. Еще есть А и В, только, упаси боже, нас не делят на потоки, ничего такого. Хотя на самом деле делят, потому что Джилл и вся химическая группа из А и они

явно умнее. Я по отметкам должна быть в А, но из группы в группу переводят только в конце полугодия. Библиотекарь мисс Кэрролл сказала, что меня бы перевели в А на Рождество, только тогда придется перекраивать все расписание, а значит, я останусь с тупицами до следующего сентября. Она об этом говорила так, будто это мне урок, чтобы знала свое место, но я рада, что отстояла химию. Жаль, что уступила насчет биологии.

Система Домов идет отдельно от классной. На классы делят по горизонтали, а на Дома по вертикали. В каждом из четырех Домов есть девочки из всех трех классов. Дома соревнуются между собой за кубки — самые настоящие серебряные кубки, их держат в Зале. Дома называются по викторианским поэтам. Я в Доме Скотта. Еще есть Китс, Теннисон и Вордсворт. Ни Шелли, ни Байрона, надо полагать потому, что эти двое числятся не вполне приличными. Бабушка любила их всех, кроме, как ни смешно, Скотта. Классная система определяет уроки, а Дома — все остальное, в частности игры, но еще и очки, которые зарабатывают и теряют за поведение. Нам положено горячо болеть за свой Дом и его место в соревновании и заботиться о своих, в каком бы классе те ни учились. Нечего и говорить, что мне

на это плевать. Это в чистом виде «гранфаллон», и я очень благодарна Воннегуту, подарившему мне это слово.

Так или иначе, я хотела поговорить про социальные классы. В нижнем пятом С — единственном, где мне знакомы все ученицы, семья Шарон самая богатая. Она чаще других девочек ездит на каникулах за границу, ее отец врач, у них большой дом и большая машина. Но в классовом отношении она котируется довольно низко из-за тех неуловимых влияний, что действуют на манер волшебства. У нее нет своего пони, хотя они могли бы себе позволить. У них есть плавательный бассейн, но пони нет, потому что ее родители не считают это важным. Она на Рождество катается на горных лыжах, но в Норвегии, потому что ее родители не хотят ни в Германию, ни в Швейцарию.

У родителей Джули денег совсем не много. Форма ей перешла от сестры. У них старая машина. Но ее сестра — Староста, а ее мать была идеалом и выиграла для Вордсворта теннисный кубок — она тоже принадлежала к этому Дому. В зале для игр висит черно-белая фотография матери Джули с кубком. И под фотографией подпись: «дост. Моника Вентворт», потому что отец матери

Джули — виконт. Джули не достопочтенная, но числится классом выше всех по своей матери. И не только из-за нее, а из-за достопочтенности, кубка и школьных традиций. Джули не слишком-то умна, но хорошая спортсменка, а это намного важнее.

В верхнем четвертом есть толстая смешливая девчонка — леди Сара. Ее отец — граф. Думаю, Джули стала бы прислушиваться к ее мнению, но не уверена. Класс — это не чистый снобизм, тут много всякого. И все из-за него с ума сходят. Чуть ли не первый вопрос, который мне задали: какая у моего отца машина. Ответ «черная» не устроил. Они не поверили, что я не знаю. А я не сказала, что видела ее всего пару раз и не интересуюсь машинами. Оказалось — «Бентли» (я спросила в письме), вполне приемлемая марка. Но какое им дело? Они хотят всех точно расставить по местам. Конечно, они быстро разобрались, что я никто и ниоткуда: ни пони, ни титула, да еще из Уэльса. Я заработала очки на доме, где живет отец, — они считают по отцам. У некоторых родители в разводе — например, у бедняжки Дейдры, — но даже если девочка живет с матерью, в счет идет отец.

Классовые отношения совершенно неосязаемы, их влияние не поддается научному анализу

и как бы не существует, но действует мощно и неотступно. Вот видите — как волшебство.

Среда, 17 октября 1979 года

Когда вырасту и прославлюсь, ни за что не признаюсь, что училась в Арлингхерсте. Сделаю вид, что и не слыхала о таком. А если спросят, где я училась, уйду от ответа.

Здесь не я одна такая. Здесь есть карассы. Точно есть, могут быть.

Четверг, 18 октября 1979 года

Школа из любого может сделать коммуниста.

Я сегодня прочитала «Коммунистический манифест» — он совсем короткий. Это было бы как жить на Анарресе. Я бы в любую минуту поменялась.

Пятница, 19 октября 1979 года

Я любила Мор, но не ценила, как следовало бы. Я никогда по-настоящему не понимала, насколько чудесно, когда всегда есть с кем поговорить, и этот человек знает, о чем тебе хочется говорить, и можно поиграть с человеком, который понимает, что тебе нравится.

Осталась всего неделя до каникул.

Суббота, 20 октября 1979 года

Слава межбиблиотечной рассылке. Они нашли мне «Залог любви» и «Последние капли вина»!

На прошлой неделе вернула восемь книг. И взяла пять других знакомых авторов и еще «Мага». Про такого автора (Фаулз) впервые слышу, но что там, книга-то про волшебника!

Заказала двадцать восемь книг из списков на титульных листах. Библиотекарь — мужчина — малость опешил, но шуметь не стал.

Лило как из ведра, и листья с деревьев все опали. Я снова заходила в кафе-пекарню, потому что другие девочки туда не ходят, а в настоящих городских кафе их полно. Потом сходила посмотреть на пруд, и меня обшипел лебедь. На берегу туфли вязли в грязи, но я зашла под деревья поискать фейри. Один или двое там были, но разглядеть не удалось, и разговаривать не пожелали, что очень жаль, потому что, не считая письма от отца, я неделю без разговоров.

Воскресенье, 21 октября 1979 года

Джеймс Типтри мл. — женщина! Ничего себе!

Вот никогда бы не догадалась. Боже мой, Роберт Силверберг, наверное, сейчас таким идиотом себя чувствует! Хотя, ручаюсь, ему все равно. (Напиши я «Умирающего изнутри», я бы тоже в жизни не волновалась, что меня одурачили. Может, это самая тяжелая на свете книга, в смысле, не уступает Гарди и Эсхилу, но просто блестящая.) И рассказы у Типтри хороши, хотя до «Девочки, которую подключили» ни один не дотягивает. Пожалуй, ее можно понять, ради признания, но Ле Гуин добилась признания и без этого. Она заслужила «Хьюго». Кажется мне, Типтри в некотором смысле пошла по простому пути. Но, если вспомнить, как ее персонажи любят маскироваться и сбивать с толку, — может, она тоже? Наверное, все авторы прячутся за персонажами, как за масками, и она прикрылась мужским именем, как еще одной маской. Если на то пошло, напиши я «Любовь — это план, а план — это смерть», тоже постаралась бы скрыть, где я живу.

Сегодня я одна осталась без булочки, ну и пусть.

Даже Дейдра одну получила от Карен. Дейдра бросает на меня странные озадаченные взгляды, это на самом деле хуже всего. Теперь я лучше понимаю, почему Тиберий так держался за Сеяна. И еще понимаю, откуда его странности. Остаться одной — а я осталась одна — не так приятно, как мне казалось. Не от этого ли люди обращаются ко злу? Мне не хочется.

Я написала тетушке Тэг, как могла бодро. И еще написала отцу в надежде, что уговорю его свозить меня ее навестить и еще дедушку в больнице. Теперь у меня только они и остались. Он точно не захочет их видеть, но мне бы можно, а он бы мог подождать в машине. Было бы по-настоящему приятно повидать людей, которые меня любят. Еще пять дней до конца четверти и возможности на неделю отсюда убраться.

Понедельник, 22 октября 1979 года

Сегодня на химии Джилл взяла и села со мной. С ее стороны это очень смело, учитывая, как держатся остальные.

— Ты не считаешь меня прокаженной вуду-исткой? — напрямик спросила я, когда урок кончился.

— Я за науку, — ответила она, — я ни во что такое не верю. И знаю, что ты нажила неприятности, послав мне булочку.

Был обеденный перерыв, и мы вместе пошли в столовую. Мне все равно, кто что подумает. Она сказала, что художественную литературу читает довольно мало, но даст мне почитать научные статьи Азимова — называется «Левая рука электрона». У нее три брата, все старше нее. Старший в Оксфорде. Они все тоже ученые. Мне с ней нравится. Спокойно.

«Маг» оказался очень странным. Не уверена, что мне нравится, но не терпится к нему вернуться, и я все время о нем думаю. Это на самом деле не о волшебстве, хотя атмосфера как раз такая.

Странное чтение — он все идет по пахнущему тимьяном острову, как мы когда-то ходили. Мы запросто могли пройти несколько миль по драму до Луидкоэда или Кумдара. В Пендерин мы обычно ездили автобусом, но раз дошли пешком через холмы — не один час шагали. Мне понравились виды там наверху. Мы ложились в траву, и высматривали в небе жаворонков, и подбирали оставленные овцами клочки шерсти, расчесывали и дарили фейри.

Вторник, 23 октября 1979 года

С ногой сегодня очень плохо. Бывают дни, когда я кое-как хожу, а бывают и другие. Наверное, можно сказать: бывают дни, когда лестницы — беда, а бывают — когда пытка. Сегодня определенно второе. Получила еще одно письмо, чтоб ему пропасть. Надо бы их сжигать или еще что. В них столько злобы, что насквозь просвечивает. Мне это видно, когда смотрю краем глаза, хотя, может быть, это просто от боли. В пятницу кончается четверть. Отец заберет меня в шесть. Он не написал, куда мы поедем, но лишь бы отсюда. Взять с собой письма я не смогу, хотя и оставить их нельзя.

Сомневаюсь насчет концовки «Мага». Она даже двусмысленнее, чем в «Тритоне». Кому надо писать две последние строчки на латыни, которую почти никто не прочитает? Книга библиотечная, но я все-таки легонько подписала карандашом перевод:

Завтра будет любовь для лишенных любви и для любящих будет любовь.

Значит, Алисон его полюбит, надо понимать.

Как будто прежнего было мало! Он захотел-то ее, только когда решил, что она умерла.

Последняя часть книги, опять в Лондоне, когда Николас хочет вернуть тайну, какой бы она ни была, — это как раз то, чего мне не хочется. Напрасно я пыталась завести разговор с фейри. Пусть кто-то другой лечит вязы от голландской болезни. Это не мое дело. Хватит с меня спасать мир, и никакой благодарности я все равно не жду. Меня сверлит эта дурацкая, нудная монотонная боль, и тут я слишком хорошо понимаю Николаса, потому что кто бы этого не пожелал? Но в то же время мне не хочется быть такой жалкой, как он.

Четверг, 25 октября 1979 года

Дождя не было в кои-то веки, и ноге моей чуточку легче, поэтому в полчаса после самоподготовки я вышла погулять. Прошла по краю игровой площадки до канавы, где раньше видела фейри, и сожгла все письма на костре. Было почти темно, и вспыхнули они с одной спички очень ярко, может потому, что часть она уже выжгла и бумага тосковала по огню. «Ненависть часто оборачивается против себя», сказал бы Гэндальф. Часто, но не всегда. Полагаться на это нельзя, но довольно часто случается.

Мне полегчало, как только они загорелись. Несколько фейри вышли и стали плясать у костра, как у них водится. Мы звали таких саламандрами и огневками. Они удивительной расцветки, голубые переливы сменяются оранжевыми. Почти все делали вид, что меня не замечают, но одна искоса поглядывала. Она обернулась желтым пятном на коре вяза, как только заметила мой взгляд, так что я поняла, что она знает, о чем я раньше спрашивала.

— Что мне делать? — спросила я жалобно, хоть

сама вчера осуждала жалкого Николаса.

Стоило мне заговорить, все они скрылись, но она чуть погодя вернулась. Здешние не совсем такие, как фейри у нас дома. Может, это потому, что они живут не в руинах. Кажется, фейри всегда предпочитают места, куда вернулась дикая природа. Мы недавно проходили по истории огораживание. Когда-то вся нераспаханная земля принадлежала общинам и крестьяне могли пасти на ней своих овец, собирать хворост и ягоды. Она принадлежала не кому-то конкретно, а всем вместе. Ручаюсь, те земли были полны фейри. Потом помещики добились от народа согласия разгородить землю и превратить участки в настоящие опрятные фермы, а люди и не понимали, как тесно им будет без общинных земель, пока их не отобрали. В сельской местности должны быть прожилки диких земель, без них она задыхается. Деревня в чем-то даже мертвее городов. Здесь канава и деревья только потому, что стоит школа, а деревья у книжного магазина — уже край поместья.

Эта фейри ничего мне не сказала, даже нескольких слов, как то фейри, что было на дереве. Но желтое пятнышко все поглядывало на меня, робко так, и я знала, что она поняла. Вернее, я знала,

что она *что-то* поняла. Что — не уверена. Фейри, они такие. Даже хорошие знакомые, которым мы дали имена и с которыми все время разговаривали, иногда бывали такими вот странными.

Потом все они снова пропали, а от бумаги остался один пепел — бумага быстро прогорает, — а Руфь Кэмпбелл меня поймала и сняла десять баллов за поведение из-за костра. Десять! Чтобы перекрыть один балл за поведение, нужно три «домашних» балла — нечестно, я бы сказала. Впрочем, я за эту четверть заработала сорок домашних баллов отметками и первенством в классе. А за поведение одиннадцать баллов, это отменяет тридцать три из тех. Дурацкая система, и не стоило бы о ней думать, но *по правде* — разве это справедливо?

Самое удивительное, что Руфь расстроилась больше меня. Она — староста Скотта, и, снимая с меня десять баллов, она вредила собственному Дому, а ей это гораздо важнее, чем мне. За десять баллов по поведению оставляют без отпуска в субботу, так что я не смогу выйти в город, но раз четверть все равно заканчивается, это не в счет. У меня и так хватило бы домашних баллов, чтобы их перекрыть, но лучше бы так больше не попадаться.

О, и вовсе я не могла поджечь школу. Костерок был крошечный, я за ним следила, и я уже не первый год развожу костры. Я знала, что делаю. А если бы и не знала, он был далеко от зданий, земля после дождей пропитана водой, и канава полна воды. И еще кругом полно мокрых листьев, которыми при малейшей угрозе можно было забросать огонь, но угрозы-то не было. Я приняла баллы за поведение, потому что точно не хотела разбираться с учителями. Лучше без них. И еще Руфь отобрала у меня спички.

Мне очень полегчало после уничтожения писем. Без них мне гораздо лучше.

Пятница, 26 октября 1979 года

Весь день в школе чувствуется скрытое волнение. Всем не терпится уехать. Все обсуждали планы на неделю, хвастались. Шарон, счастливица этакая, уехала утром, потому что иудеям нельзя путешествовать вечером с пятницы на субботу. А что будет, если нарушить запрет? Это вроде множества гейсов.

Нескольких девочек забрали сразу после дневных уроков. Остальные подсматривали из окон библиотеки, на каких машинах приехали и во что одеты их матери (в основном были матери). Дейдру забрала старшая сестра в белом мини. Боюсь, ей этого не простят. Кажется, матерям положено приезжать в «Барбери» и с шелковыми платками на голове. «Барбери» — это марка плащей.

Меня никто не спросил, как одевается моя мать, потому что никто со мной не разговаривает. Но это только к лучшему. Она надевает каждую третью вещь из гардероба и так гоняет его по кругу в странном, только ей понятном порядке. Не знаю, волшебство это или просто сумасшествие. Различить их очень трудно. Иногда она выгля-

дит абсолютно чокнутой, а в другой раз вполне нормальной. Нормальность обычно выпадает на время, когда ей это выгодно — например, когда надо выглядеть скромной и респектабельной перед судом, где я в последний раз ее видела. Давным-давно, когда она содержала детский сад, тоже выглядела вполне прилично — но тогда еще жива была бабушка, она умела держать ее в рамках. А я видала, как она ходит по магазинам в свадебном платье, носит в июле зимнее пальто и раздевается чуть не догола в январе. Волосы у нее длинные и черные, всегда расчесаны и уложены так, что похожи на змеиное гнездо. В «Барбери» и шелковом платке она бы выглядела как на маскараде, словно принесла одежду в жертву на алтаре.

Отец примчался в потоке родителей, и никто мне о нем ничего не сказал. Он похож на самого себя. Боюсь, что я снова поглядывала на него исподтишка. Сама не знаю почему, это же нелепо, после того как мы все прошедшее время по-человечески переписывались. Он привез меня обратно в Олдхолл.

— Переночуем здесь, а завтра поедем, чтобы познакомить тебя с моим отцом, — сказал он. Фары освещали дорогу далеко впереди. Я видела,

как отскакивают с обочины кролики и как освещаются и снова пропадают в темноте скелеты ветвей. — Остановимся в гостинице. Ты когда-нибудь останавливалась?

— Каждое лето, — ответила я. — Мы ездили в Пемброкшир и по две недели жили в гостинице. Каждый раз в одной и той же. — Я почувствовала, что голос глохнет от слез, и проглотила всхлип. Как было весело. Дедушка возил нас на разные пляжи, и к замкам, и к менгирам. Бабушка рассказывала разные истории. Она была учительницей, как вся моя семья, хотя я твердо решила выбрать другое. Она любила каникулы, когда не приходилось готовить, когда ей с тетушкой Тэг можно было расслабиться и посмеяться вместе. Иногда приезжала моя мать и сидела в кафе, курила и заказывала диковинные блюда. Мне, естественно, было лучше в те годы, когда она с нами не ездила. Но в Пемброкшире ее гораздо легче было обойти, и сама она становилась как-то мельче. Мы с Мор играли в собственные игры, и еще в гостинице всегда бывали другие дети, которых мы могли втянуть в наши игры или в развлечения, устраивавшиеся родителями.

— Там хорошо кормили? — спросил он.

— Замечательно! — сказала я. — Были особые

лакомства вроде дыни и скумбрии.

Дома нам таких деликатесов не перепадало.

— Ну, и там, куда мы едем, тоже будут хорошо кормить, — сказал он. — А в школе как с едой?

— Кошмар! — ответила я и насмешила его описанием. — А никак нельзя мне съездить в Южный Уэльс?

— Свозить тебя, как ты просила, я не смогу. Но если захочешь съездить на пару дней поездом, почему бы и нет?

Я сомневаюсь, потому что поезд оказался бы ловушкой, а там, что ни говори, она, и, если бы она меня захватила, не знаю, что бы я делала. Но, может быть, она до меня и не доберется. Не узнает. Я не буду делать ничего волшебного.

В Олдхолле, когда мы наконец доехали, тетки сидели в гостиной. Это такая комната, куда люди собираются для беседы. Только они не беседовали. Я их поцеловала, потом сделала остановку у полок Даниэля и ушла спать с «Концом вечности».

Суббота, 27 октября 1979 года

Я и не знала, что Лондон такой большой. Он тянется без конца. Он вроде как подбирается к тебе, и оглянуться не успеешь, он уже повсюду. На окраинах еще есть просветы, а потом все гуще и гуще застроено.

Отца моего отца зовут Сэм. У него забавный выговор. Интересно, его тоже дразнили Комми? Он живет в той части Лондона, которая называется Майл-Энд, носит ермолку, но в остальном ни капельки не похож на еврея. Волосы у него — их еще много осталось, хоть он и старый — совсем белые. Он носит вышитый жилет, очень красивый, хотя и немного потертый. Он ужасно старый.

В машине мы с отцом говорили только о книгах. Про Сэма он не упоминал, только сказал, куда мы едем. Я больше думала про Лондон и гостиницу, так что приезд оказался немножко неожиданным. Отец дал условленный гудок, открылась дверь, и вышел Сэм. Отец представил нас еще на улице, и он меня обнял и отца тоже обнял. Я поначалу немного стеснялась, потому что он не похож ни на кого из моих знакомых

и совсем не похож на дедушку. С моим отцом и его сестрами легко держать дистанцию, и как-то даже в мыслях держишь дистанцию, потому, наверное, что они англичане. А Сэм не англичанин, совсем нет, и он как будто сразу же меня принял, между тем как с ними мне все время страшно, как на экзамене.

Сэм провел нас в дом, представил своей домохозяйке как внучку, и она сказала, что видит сходство.

— Морвенна делает честь моей семье, — ответил он, как будто не первый год меня знает. — Обратите внимание на цвет волос. Как у моей сестры Ривки, *зихроно ливраха*.

Поймав мой непонимающий взгляд, он перевел: «Будь благословенна ее память». Мне это понравилось. Милый способ сказать, что кто-то умер, не прервав разговора. Я спросила, как это пишется и на каком языке. Это иврит. Сэм сказал, что иудеи молятся на древнееврейском. Может быть, когда-нибудь я смогу вот так буднично сказать: «Моя сестра Мор, зихроно ливраха».

Потом он провел нас в свою маленькую комнату. Должно быть, странно занимать верхний этаж в чужом доме. Заметно, что у него нет денег. Я бы поняла, даже если бы не знала. В комнате стоит

кровать, есть раковина и один стул и повсюду груды книг. Еще туалетный столик, заваленный книгами, и такой электрический самовар и зеркало. И еще кот, большой, жирный, рыжий с белым, а зовут его Председатель Мао или, может быть, Председатель Мяу. Он занимал половину кровати, а когда я присела на краешек, перебрался мне на колени. Сэм сказал — он сказал, чтобы называла его Сэмом, — что, значит, я ему понравилась, а ему мало кто нравится. Я осторожно погладила, и он не стал меня царапать, как всегда царапает Хурма тетушки Тэг. А свернулся клубком и заснул.

Сэм заварил чая себе и мне. Отец пил виски. (Он ужасно много пьет. Сейчас он пьет в гостиничном баре. И курит тоже много. Нехорошо говорить, что он страдает всеми пороками, после того как он помог мне сбежать и платит за школу. При том что он меня не приглашал.) Чай пили из стаканов с металлическими подстаканниками, без молока и без сахара, так гораздо вкуснее. У него приятный вкус. Я удивилась, потому что обычно чай мне совсем не нравится и я пью только из вежливости. Сэм наливал воду из электрического самовара, который поддерживает правильную температуру.

Немного погодя я стала рассматривать книги и увидела наверху одной пачки «Коммунистический манифест». Должно быть, я что-то хмыкнула, потому что оба оглянулись на меня.

— Просто увидела у тебя «Коммунистический манифест», — объяснила я.

Сэм засмеялся.

— Он у меня от доброго друга, доктора Шехтера.

— Я сама его недавно прочитала, — сказала я.

Он снова засмеялся.

— Это прекрасная мечта, но она так и не сбылась. Посмотри, что происходит сейчас в России или в Польше. Доктору Шехтеру этого не понять.

— Я и про Платона читала, — сказала я, потому что он упоминался в «Последних каплях вина» и Сократ тоже.

— Читала о Платоне? — повторил Сэм. — А Платона не читала?

Я помотала головой.

— Его стоит почитать, но и поспорить с ним тоже, — сказал он. — Помнится, у меня где-то был Платон по-английски.

И он стал двигать пачки книг, а отец ему помогал. Я бы тоже помогла, но, пока Председатель Мао спал у меня на коленях, не могла шевель-

нуться. У Сэма нашелся Платон на греческом, польском и английском, и, слушая, как он бормочет над пачками, я поняла, что он читает на всех этих языках и еще на иврите и что хоть он и забавно говорит по-английски и живет в съемной комнатушке, но человек очень образованный. Глядя, как отец помогает ему перебирать пачки, я заметила, что они любят друг друга, хотя особо и не показывают.

— А, вот, — сказал Сэм, — «Пир» на английском, неплохо для начала.

Это был тонкий черный томик из серии «Пенгуин классикс».

— Если понравится, я могу взять еще в библиотеке, — сказала я.

— Так и сделай. Не бери пример с Даниэля — вечно читает сказки, а на настоящее времени не хватает. У меня наоборот — нет времени на сказки.

— У меня в школе одна подруга так же, — сказала я. — Для забавы читает научные статьи.

Оказалось, Сэм читал некоторые статьи Азимова, и еще у него есть его книга о Библии!

— Не мог же я не купить книгу о Библии, написанную евреем-атеистом! — сказал он.

Когда стемнело, отец засуетился, решил отвезти

нас поесть. Мы зашли в заведение по соседству, где ели маленькие панкейки под названием «blini» — с копченой форелью и сливочным сыром, может быть, самое вкусное, что мне доводилось пробовать. Потом мы взяли симпатичные ватрушки с творогом и картошкой, и *они* были бы вкуснее всего, что я ела за последние месяцы, если б перед ними я не попробовала той замечательной форели, а потом были еще другие блинчики, с вареньем. Сэма там все знали, подходили здороваться и просили познакомить. Я поначалу чувствовала себя немного неловко, но быстро привыкла, потому что Сэм держался как ни в чем не бывало. Я видела: он среди этих людей как среди родных, живет с ними одной семьей.

Мне понравился Сэм. Жалко было прощаться. Я записала его адрес и дала ему свой школьный. Хотелось поговорить с ним об иудеях, и о рассказах Шарон, и о моих замыслах стать рисовой иудейкой, но при отце не хотелось. При нем было неловко. С Сэмом проще. Во-первых, ему я не обязана благодарностью, и, во-вторых, он не чувствует себя виноватым передо мной.

Мы поехали в гостиницу. После той, где мы жили в Пемброкшире, она совсем никакая. У нас оказался один номер на двоих, чего я не ожидала,

но он сразу ушел в бар, так что комната, в общем-то, в моем распоряжении. Часы перевели на час назад, так что можно будет лишний час поспать!

«Пир» — блеск. Очень похож на «Последние капли вина», хотя происходит все, конечно, раньше, когда Алкивиад был молодым. Здорово, наверное, было жить в то время.

Воскресенье, 28 октября 1979 года

Я в поезде, в большом междугородном поезде из Лондона в Кардифф. Он без разбора проезжает города и деревни, бежит по своим рельсам. Я сижу в углу купе, и никто меня не замечает. Есть вагон-кафе, там можно купить жуткие сэндвичи и жуткие шипучки или кофе. Я купила «Кит-Кэт» и ем их понемножку. Идет дождь, от него земля выглядит чище, а города грязнее.

И еще прекрасно в старых одежках. Я и вчера в них была, но не так замечала. А когда сидишь здесь, сама по себе и глядишь в окно, очень приятно чувствовать на себе джинсы и старую толкиновскую футболку вместо той жуткой формы.

Забавно. Все это я написала зеркально, чтобы никто не прочитал, но следующий абзац мне хочется написать дважды зеркально или вверх ногами и задом наперед. Блокнот с замочком. Мне повезло, что я умею писать зеркально, просто переложив вставочку в левую руку. Я так навострилась, что пишу немногим медленнее, чем правой.

Так вот.

Вчера вечером, закончив запись, я немножко почитала (Нивена, «Мир Птаввов») и погасила свет. Я заснула, а потом *он*, мой отец — лучше мне называть его Даниэлем, его так зовут, и Сэм его так называет, — Даниэль вошел, включил свет и разбудил меня. Он был пьян. Он плакал. Он лез ко мне в постель и с поцелуями, мне пришлось его оттолкнуть.

Я помню, что обещала себе быть про-сексуальной, но.

С одной стороны, приятно думать, что кто-то меня хочет. И прикосновения приятны. А секс… ну, в школе все всегда на людях, но прошлой ночью у меня был шанс. (Долго ли это? Мастурбация — это на пять, самое большее десять минут. В книгах никогда не говорится, сколько времени. Брон и Колючка занимались этим часами, но у них был эксгибиционистский секс.) А из «Достаточно времени для любви» я вполне усвоила, что в инцесте самом по себе нет ничего плохого — не то чтобы я воспринимала его как родного. Представить не могу, чтобы мне захотелось с дедушкой! Бр-р!

Но с ним, с Даниэлем, это на самом деле просто единокровие, а на самом деле мы чужие. Значит, просто нужно предохраняться, а я бы в любом

случае предохранялась. Мне всего пятнадцать. И, по-моему, это противозаконно, а попадать ради этого в тюрьму не стоит. Но ему я, кажется, нужна, а кому я еще нужна, такая поломанная. Не хочу считать себя обделенной, но, наверное, так и есть. Так или иначе, я сказала «Нет», не успев ничего обдумать, потому что он был пьяный и жалкий. Я его оттолкнула, и он упал в другую кровать и громко захрапел, а я лежала, вспоминая Хайнлайна и историю Старджена из «Опасных мечтаний». «Если все люди братья, ты позволишь одному из них жениться на твоей сестре?» Классное название.

Утром он вел себя, будто ничего не случилось. Мы опять не смотрели друг на друга, пока ели холодную яичницу с дряблым беконом в маленьком гостиничном буфете. Он дал мне деньги на билет и десять фунтов на книги. Если даже я потрачу часть на еду и автобусы, на десяток книг точно хватит. Очень странно: он иногда ведет себя так, словно денег у него совсем нет, а иногда вот так их разбрасывает. Мне надо будет вернуться в Шрусбери к следующей субботе, потому что вечером воскресенья надо быть в школе. Он встретит меня на станции. Но это неделя, целая неделя свободы. И тетушка Тэг сегодня встретит

меня в Кардиффе. Я ей позвонила из Пэддингтона. А пока я между, между всем, между мирами, ем «Кит-Кэт» и пишу. Люблю поезда.

Понедельник 29 октября 1979

Здесь четверть кончается не так, как в Арлингхерсте, каникулы у всех были на прошлой неделе. Так что тетушка Тэг работает, и все мои друзья в школе. Я приехала вчера вечером, съела сырный пирожок тетушки Тэг и после ужина сразу заснула.

Сегодня ездила в Кардифф покупать книги. Что хорошо в «Лирсе», это что у них есть американские издания. «Глава и стих» тоже приятное место, я туда всегда захожу, но они не завозят из-за границы. Еще есть много магазинов старой книги. Один в пассаже «Замок», один на Хэйз и один у казино — у них в задней комнате порно. Я, наверное, единственная, кто покупает у них книги с открытых полок. На меня всегда так таращатся, что хочется пройти дальше и накупить порнографии. А может, они не хотят продавать книги с витрины, потому что тогда приходится докупать новые? Я взяла том четвертый «Лучшего из Гэлакси» за 10 пенсов, в нем есть рассказ Желязны.

Под вечер мы поднялись по долине, чтобы

повидать дедушку. Он уже не в больнице, а в пансионате «Феду Хир». Все остальные там практически сумасшедшие. Один сидит и плямкает губами «Блуба, блуба, блуба», а другой в промежутках вскрикивает. Более жуткого, унылого места я в жизни не видела: все эти старики с отвисшими челюстями и потухшими глазами сидят на кроватях, одетые в пижамы, и выглядят так, будто уже на пороге смерти. Дедушка там из лучших. У него парализована одна сторона, но другая сильная, как раньше, и он может говорить. С умом все в порядке, хотя кожа не того цвета. Волосы у него всегда были седые, сколько я себя помню, но теперь совсем белые, и в них есть прядь цвета свернувшегося молока.

Говорить он может, но сказать ему особо нечего. Он надеется скоро вернуться домой, но тетушка Тэг на это не рассчитывает, хоть и надеется забрать его на Рождество. Она и меня звала, а я сказала, что приеду, если мне не придется видеть мать. Не знаю, сумеем ли мы это устроить. Дедушка при виде меня пришел в полный восторг, все хотел знать обо мне и моих делах, и это, конечно, вышло неловко. Он не хотел упоминать имени Даниэля, как и раньше. Он никому не разрешал его вспоминать с тех пор, как Даниэль бросил

мою мать. Так что про него я, конечно, ничего рассказать не могла. Но я рассказала про школу, промолчав, как там ужасно и как меня все ненавидят. Рассказала про свои отметки и про библиотеку. Он спрашивал, лучше ли у меня с ногой, и я сказала, что да.

Не лучше. Но теперь я понимаю, что это ничего. Ладно, мне больно, но ходить я могу. Я передвигаюсь. А он прикован к месту, хоть и получает физиотерапию, как сказала тетушка Тэг.

Уходя, тетушка Тэг, которая там часто бывает, пожелала доброй ночи другим знакомым, но те не могли ответить, разве только выли и заикались. Я невольно подумала про Сэма, которому, должно быть, примерно столько же лет, сколько этим старикам, и вспомнила его симпатичную теплую комнатку с книгами и самоваром. Сэм личность, а эти люди — просто отбросы, останки людей.

— Надо нам забрать отсюда дедушку, — сказала я.

— Да, но это не так просто. Он не сможет сам за собой ухаживать. Я могла бы приходить на выходные, но понадобится сиделка. Это очень дорого. Они надеются, может быть, к весне.

— Я могла бы жить с ним и помогать, — сказала я, и на миг слова повисли звездочкой надежды.

— Тебе надо учиться. И все равно ты не удержишь его на ногах. Он всем весом опирается на помощника.

Она права. У меня тогда ноги подогнутся, и оба мы окажемся на полу.

Надо ему писать. Писать я могу, милыми веселыми буквами. А тетушка Тэг сможет ему читать, будет им о чем поговорить во время посещений. Надо его оттуда вытащить. Там невероятно мрачно. А я еще думала, в школе плохо.

Вторник, 30 октября 1979 года

Я сегодня поехала в верховья долины на красно-белом автобусе. Это интересно. Он все время идет по старым дорогам, по узким улочкам между домами-террасами, через Понтипридд, и из окна постоянно видны жуткие угольные копи, отвалы и теснящиеся друг к другу халупы, а над ними холмы. В Абердэре я вышла и направилась по кому[5] к руинам, которые мы назвали Осгилиатом. Не знаю, что там было на самом деле. Деревья стояли практически голые, а на земле лежало множество мокрых листьев. Дождя не было, и хорошо, потому что, пока я туда добралась, мне срочно потребовалось присесть. Не помню, какое там расстояние. Вернее, помню, что около полумили, ближе всего от автобусной остановки, но для меня теперь пешком и это далеко.

Я не искала фейри нарочно. Мне просто хотелось там оказаться. Но фейри там были. И Глорфиндейл. Они меня ждали.

Мне бы хотелось передать наш разговор как

---

[5] Примечания: 5

Так на уэльском языке называются циркообразные долины или проходы в горах.

будто с толкиновскими эльфами. «Давно мы ожидали тебя, Мори, долго и тщетно искали среди деревьев и дворцов. Из дальних стран дошли до нас вести, что ты, лишившись сестры, все еще ходишь по земле, и мы с надеждой ждали вестей о тебе от ветра. Добро пожаловать, потому что наша нужда в тебе велика».

Но ничего такого не было. Мы с Мор иногда разыгрывали разговоры с фейри, и я передавала то, что им следовало бы сказать, таким вот языком. Эта речь — то, что сказал Глорфиндейл, то, что он хотел сказать, только там почти совсем не было слов, а какие были, те на валлийском и не такого сорта.

Глорфиндейл красив. Он похож на юношу лет девятнадцати-двадцати, темноволосый и сероглазый. Вокруг него колышется плащ из листьев, только на самом деле это не плащ. Снять его он бы не сумел.

Фейри очень мудрые. Или, вернее, им многое ведомо. У них большой опыт. Они лучше всех понимают, как работает волшебство. Вот почему было бы катастрофой, если бы ими завладела моя мать. Она могла бы использовать их знания в своих целях. Им против воли пришлось бы ей помогать. Не знаю, как бы это выглядело в

реальном мире. Не думаю, что она в самом деле стала бы темной королевой, не совсем так. Но, хотя повторить попытку не в ее силах, она непременно попробует что-то другое. Мне следовало бы знать.

Глорфиндейл хотел, чтобы я завтра прошла вверх по Итилиену до лабиринта Миноса, где, по его словам, бродят мертвые. Завтра и правда Хеллоуин. Он сказал мне набрать дубовых листьев и открыть им дверь. Тогда она не сможет их удержать. Фейри многое знают, но мало что могут, они не способны взаимодействовать с вещами нашего мира. Для этого им нужны люди, то есть я. Если верить Глорфиндейлу, он сделал все, что мог, чтобы я попала сюда на этой неделе. Он не знал, где я, пока я не заговорила с тем фейри, и не мог до меня дотянуться, пока я не сожгла письма. А потом он все устроил так, чтобы привести меня к нему. (Переставил школьное расписание? Расписания всех школ? И устроил, чтобы Даниэль согласился меня отпустить? И внушил мне желание подняться сегодня по куму? Иногда я ненавижу волшебство.)

Он сказал, это будет легко, не то что в прошлый раз. Опасности нет. Сложность в том, что я должна оказаться там к сумеркам. Я думала,

это окажется по-настоящему трудно, но, когда я соврала тетушке Тэг, что собираюсь на чай к Мойре из начальной школы, она пообещала заехать за мной к семи и отвезти в «Феду Хир» еще раз повидать бедного дедушку.

Читаю Мэрион Зиммер Брэдли, «Заклятие меча», пока нравится.

Среда, 31 октября 1979 года

Чуть не сорвалось, но не так, как я ждала.

Так вот, прежде всего, идти пришлось долго-до-о-олго. Пока я шла, фейри и близко не было. Они терпеть не могут боли. Не знаю почему, но я об этом знала с тех пор, как вообще о них узнала. Они разбегаются даже от ободранной коленки или подвернутой щиколотки. Боль, от которой криком кричала моя нога, должна была распугать фейри на много миль вокруг. Хорошо, что я рано вышла, когда добралась, боль успела улечься.

Лабиринт царя Миноса на самой вершине горы Грэйг. На такой высоте почти нет руин. Там была старая плавильня, одна из первых, и железный рудник, не глубокий — он просто процарапал склон и уже почти заплыл. То, что осталось, и правда похоже на лабиринт. Приходится пробираться между стенами, и, хотя они все не выше плеча, запутаться недолго. Вход в шахту был посередине, и там небольшой провал, и вроде как дорожка к нему ведет. Там я присела на стену отдохнуть, прислонив к ней трость. Накрапывал дождь, поэтому читать было нельзя, хотя книжку

я, конечно, захватила. Дилэни, «Вавилон-17», я ее читала в автобусе. Принесла я и дубовые листья, надрала на подъеме через густой лес Итилиена. Глорфиндейл не сказал, много ли надо, и я на ходу все пихала их в сумку. Дубы, как маллорны, до весны не сбрасывают листьев, так что найти их было просто.

Я надела школьный плащ, потому что других у меня не осталось. Убегая, не забрала. На школьном значок Арлингхерста с девизом «*Dum spiro spero*», который мне очень даже нравится — пока дышу, я надеюсь. Слышала я хохму про школу, которая выбрала девизом «Вижу, слышу, учусь» — по-латыни это получается «Видео, аудио, диско». Я немножко об этом поразмыслила. Издалека мне может даже нравиться девиз. А когда я там, я должна все это ненавидеть, чтобы не сдаться. Школа, хоть я и сидела в плаще, казалась оттуда очень далекой. Долина настолько реальная и вещественная, что все остальное рядом с ней ощущается далеким миражом.

Немного погодя проглянуло солнце. Облака страшно быстро мчались по нему, а я смотрела на долину почти с такой же высоты, как они. На высоте не так много деревьев, только две тоненькие рябинки притулились у входа в старый рудник.

Над нами кружили птичьи стаи, может, искали дорогу на юг, высматривали тропу на небе. Вслед за солнцем выглянули фейри, показались из-за стены, и последним появился Глорфиндейл.

Пустое дело — записывать разговоры с фейри. Если писать словами, их приходится выдумывать, или можно представить то, что только отчасти было словами, передавая только эти несколько слов. А если записывать так, как я вчера, получится ложь. Я говорю то, что хотела бы от них услышать, хотя на самом деле слов было очень мало, зато очень много чувства. Но как это запишешь? Может, Дилэни сумел бы.

Так или иначе, мы не слишком много разговаривали. Он сел рядом, я его почти чувствовала. Потом я ощутила его рядом с собой, что уж совсем необыкновенно, а потом у меня возникло сексуальное чувство. Понимаю, вообразить невозможно, к фейри! Потом все фейри приблизились, так что я забеспокоилась, и как только забеспокоилась, Глорфиндейл стал неосязаемым, как всегда, хотя остался совсем рядом.

Тут я вспомнила, что ведь ходили рассказы про женщин, занимавшихся сексом с фейри, и все до одной такие истории о беременности. Я взглянула на Глорфиндейла, и, да, он красивый

и… неотвратимо мужественный… и смотрел на меня душевно и, да, мне бы хотелось, но только если без этого. Ни в коем случае! Пусть даже все нормальные мужчины смотрят на меня как на собачий корм. И еще, с Глорфиндейлом это тоже был бы инцест, даже больше.

Он спросил «Нетронута?» или что-то вроде того, я никогда не уверена наверняка, что значит это слово. Но я поняла, о чем он.

— До сих пор я давала отпор всем, кто пробовал, — сказала я яростнее, чем собиралась, хотя это чистая правда, при том что с Даниэлем особо сражаться не пришлось. — Ты же знаешь про Карла.

— Мертв, — уверенно заявил он. Карл умер. Он был полицейским, перебрался в Северную Ирландию, потому что там лучше платили, и его подорвали. Или, если посмотреть с другой стороны, я спросила Глорфиндейла, как от него отделаться, и украла его расческу, и утопила ее в Кроггинском болоте. Это когда он жил с моей матерью, и заходил ко мне в комнату, и садился слишком близко, и норовил меня потрогать. Я его укусила со всей силы, и он меня ударил, но отступился. Я понимала, что это не конец. Мне тогда еще было четырнадцать. Утопить в болоте

чужую расческу — не убийство. Я подумала, что сработало, когда он уехал.

Глорфиндейл только посмотрел на меня, и я поняла, что он мой друг, насколько фейри могут быть друзьями, будучи тем, что они есть. Им большей частью нет дела до людей и вообще до мира, и даже если кому-то есть дело, люди им не нравятся. Не знаю, что для него значило то желание, что висело между нами. Его на самом деле зовут не Глорфиндейл, у него вообще нет имени. Он не человек. Это я очень чувствовала.

Пока мы сидели, солнце зашло за холм, но еще не село; в следующей долине еще был день. Хотя, наверное, всегда есть следующая долина, и можно обойти по ним землю, добравшись до завтрашнего утра. У нас тени были очень длинные. Глорфиндейл встал и велел мне разбросать листья по спирали, по всему лабиринту, закончив у двух рябин. Я так и сделала, а потом села и стала ждать, пока стемнеет. Я не знала, увижу ли что-нибудь или опять будет как в те разы, когда я выполняла, что мне сказано, и не понимала зачем, и так и не узнала, сработало ли, и если да, то как. Небо гасло, пока в нем вовсе не осталось красок, но и темноты не было. Я стала подумывать, как ужасно будет возвращаться.

А потом они подошли по драму из долины сквозь сумерки. По-моему, это были призраки, шествие мертвых. Не бледные короли и королевы, а рабочие и работницы, самые обыкновенные, только мертвые. Их никто бы не спутал с живыми. Насквозь они не просвечивали, но были еще бесцветнее всего вокруг и не такими плотными, как должны бы. Одного мужчину я узнала. Он недавно сидел рядом с дедушкой и плямкал губами. Теперь он шагал легким пружинистым шагом. Лицо было серьезное и собранное, в нем было достоинство и целеустремленность. Он наклонился, подобрал с тропы один из моих дубовых листьев и протянул, как билет в кино, проходя между двумя деревьями. Я не заметила, чтобы его кто-то взял. Я в темноте вообще ничего не видела.

Другие толпились у входа — они так далеко зашли, а пройти не могли из-за того, что натворила моя мать. Увидев, как старик протянул лист, они принялись собирать листья. И стали проходить по одному. Все они держались очень серьезно, с достоинством, и совсем не переговаривались, дожидались своей очереди пройти между деревьями и скрывались в темноте. Не знаю, уходили они под землю, или в полые холмы, или в иной

мир, или к какому-нибудь там Ахерону. Толстая женщина и юноша в мотоциклетном шлеме как будто держались вместе. Все мертвые видели друг друга, но меня и фейри как будто не замечали, а те собрались по сторонам тропы и наблюдали. Юноша пропустил женщину вперед, и она прошла торжественно, как входят в церковь.

Потом я увидела Мор. Этого я никак не ожидала. Она шла с листком в руке, так беззаботно, словно разыгрывала серьезную роль в игре. Я окликнула ее по имени, и она обернулась, и увидела меня, и улыбнулась так радостно, что разбила мне сердце. Я потянулась к ней, а она ко мне, но на самом деле ее там не было — как фейри, хуже чем фейри. Она как будто испугалась, стала озираться и, конечно, увидела собравшихся вдоль тропы фейри.

— Отпусти, — выдохнул мне в ухо Глорфиндейл таким теплым шепотом, что волосы зашевелились.

Я ее не держала — хотя держала. Наши протянутые руки не соприкасались, но связь была осязаемой. Она мерцала лиловым светом. Единственная, в чем был цвет. Видела я не обычным зрением, как будто весь прошлый год она болталась вокруг меня как обломок моста. А теперь восстановилась, стала целой, мы были вместе.

— Держать или умирать, — сказал он мне в ухо, и я поняла, он хотел сказать, что я могла бы удержать ее здесь, и это было бы плохо, и я ему поверила, хотя и не поняла, или я могла бы отпустить ее за ту дверь к смерти. Это было бы самоубийство. Но отпустить ее я не могла. Все минувшее время без нее было очень тяжелым, такой гнусный год. И я всегда готова была умереть, если надо.

— Наполовину, — сказал Глорфиндейл, и он не имел в виду, что я наполовину мертва без нее или что она на половине пути, ничего такого — он имел в виду, что я остановилась на половине «Вавилона-17» и, если пойду дальше, никогда не узнаю, чем там закончилось.

Бывают и более странные причины жить.

Есть книги. Есть тетушка Тэг и дедушка. Есть Сэм и Джилл. Есть межбиблиотечная рассылка. Есть книги, в которые уходишь с головой. Есть отдаленная надежда на карасс когда-нибудь в будущем. Есть Глорфиндейл, который заботится обо мне настолько, насколько фейри способны о чем-то заботиться.

Я отпустила. Нехотя, но отпустила. Она цеплялась. Она держалась, так что отпустить было мало. Если я хотела жить, мне надо было ее от-

толкнуть, несмотря на связь между нами, хотя она плакала, звала меня и держалась изо всех сил. Никогда мне не было так тяжело, даже когда она умерла. Хуже, чем когда меня оттащили и «скорая» увезла ее, захватив мою улыбающуюся мать, но не меня. Хуже, чем когда тетушка Тэг мне сказала, что она умерла.

Мор всегда была храбрее меня, и практичнее, и добрее, просто во всем лучше. Она была нашей лучшей половиной.

А теперь ей было страшно, одиноко, и сиротливо, и мертво, а мне надо было ее оттолкнуть. Она изменялась, цепляясь за меня, стала вьюнком, обвила меня всю и стала водорослью, цепкими щупальцами и слизью, которую никак не стряхнешь. Теперь, когда я захотела от нее избавиться, у меня не получалось, и как она ни менялась, я все время знала, что это Мор. Чувствовала, что она. Мне было страшно. Я не хотела ей зла. Кончилось тем, что я всем весом оперлась на ногу. Боль разорвала связь, так же как спугивала фейри. Болеть умело мое живое тело — так же как собирать дубовые листья и нести их в гору.

Тогда она пошла вперед или хотела пойти, но сумерки стали тьмой, и нельзя было пройти за дверь, двери больше не существовало. Мор оста-

новилась под деревьями, опять став собой, очень маленькой и потерянной, и я едва не потянулась к ней снова. Но тут она пропала в мгновенье ока, как исчезают фейри.

Дорога вниз в одиночестве получилась долгой. Я на каждом шагу боялась, не встретить бы мать, если она явилась проверить, отчего сорвался ее замысел всех их захватить. Попытка удалась ей из-за Мор, теперь я это понимала, потому что Мор была ее дочерью, ее крови. Я все думала, что не могу бегать, а она может. Мор казалась далекой как никогда. Фейри, естественно, все поисчезали от боли. Даже «Вавилон-17», лежавший у меня в сумке, казался очень далеким. Но тетушка Тэг ждала меня в машине, и дедушка в «Феду Хир» был так рад меня видеть, он бы не перенес, если бы я ушла. Постель плямкавшего губами мужчины была пуста, его пустое тело уже унесли. Повезло ему, что ушел сегодня. Тем, кто умрет в ноябре, придется ждать целый год. Как Мор. Что с ней сталось? Придется ли ей ждать до будущего года?

Четверг, 1 ноября 1979 года

Чем больше думаю, тем меньше понимаю, что это было. Неужели все долины так открываются? А как же люди, которые умирают на равнинах? Это действительно древнее место, древнее рудника, или рудник открыл его там, где прежде был гладкий склон? И куда они ушли? И на самом ли деле они были? А Мор? Где она теперь? Ее все-таки захватила мать? Помогут ли ей фейри? И почему рябины? Никогда не слышала, чтобы рябину считали деревом смерти — это о вязах говорят: кладбищенские вязы. Но листья были дубовые, сухое золото дубовых листьев. Один остался у меня в сумке. Это не значит, что кому-то не хватило, у Мор был лист, и другие еще хрустели под ногами, когда я уходила. Я принесла более чем достаточно. Я думала, что все вытряхнула, но один остался под черной обложкой «Вавилона-17». До чего же странная книга! Неужели язык действительно определяет образ мышления? То есть вот так?

Похоже, у меня сегодня сплошные вопросы.

Я вымоталась и для ноги слов не найду, так что

весь день сидела дома и читала. Потом приготовила ужин для тетушки Тэг, когда она вернется из школы, — грибную запеканку с луком, сыром и сливками, и картошку в мундире тоже с сыром, и горошек. Она сказала: как это мило, и что, наверное, мужчин так кормят каждый день, если они женаты, и что ей бы нужен не муж, который на такое рассчитывает, а жена, которая бы такое готовила. Приятно было готовить из настоящих продуктов. Есть в этом что-то основательное. Не то чтобы я прибегала к волшебству, кроме того волшебства, которое требуется, чтобы из больших плоских грибов и сырой картошки сделать объедение. Я просто готовила ужин. Но хотелось бы знать, сколько волшебства в том, чтобы готовить для других, может, я просто не знаю. А оно очень даже может быть. Посуда тетушки Тэг любит меня не больше Хурмы. Ножи и вилки в меня не втыкаются, но выворачиваются из руки. Они знают, что я им не хозяйка.

Вроде бы у Хайнлайна есть повесть «Дорога славы». Это, наверное, что-то! Интересно, есть ли у Даниэля? Если нет, славься вовеки межбиблиотечная рассылка.

Пятница, 2 ноября 1979 года

Сегодня опять ездила в Абердэр автобусом. Ни Мор, ни фейри ни слухом ни духом, хотя у меня было чувство, будто они исчезают за миг до моего взгляда и появляются, едва я отвернусь. Это, конечно, игра, только мне в нее играть неохота. Я искала ответов, хотя могла бы знать, что от них никогда не добьешься прямых ответов, даже когда им что-то нужно, а теперь тем более.

Я сходила к дедушкиному дому. Ключ от входной двери у меня остался, хотя поворачивался теперь туго, и попасть внутрь оказалось ужасно трудно. Тетушка Тэг поддерживает там чистоту, но все равно пахнет пылью и запустением. У него совсем маленький домик, зажатый между двух других. Когда здесь жила тетушка Флорри, там не было ванной комнаты. Ванна стояла в кухне, а туалет стоял «а ти бак», на улице. Так было и когда здесь жили прабабушка с прадедушкой. Дедушка, когда вернулся туда, провел водопровод. А мне очень даже нравилась ванна в кухне возле угольной печи. Было удивительно уютно. А вот выходить в туалет я терпеть не могла, особенно

по ночам.

Он переехал сюда после смерти Мор, чтобы отделаться от моей матери. От нее все бегут. Официально я не с ним жила. Официально я жила с ней. Я иногда даже проводила с ней несколько дней, когда она настаивала, но чаще отказывалась, пока дедушка оставался здоров. У меня была своя спальня с кроватью из дома и синим ящиком. Бóльшая часть моих книг и одежды теперь у нее, но я нашла шерстяной джемпер Мор, и свою полотняную рубашку со львом, и номер «Будущего». «Будущее» — это американский журнал научной фантастики, его выписывают в «Лирс», и я его обожаю. Я там в понедельник купила новый выпуск: за апрель — июнь. Оставлю почитать в поезде.

И я оставила несколько книжек. Знаю, что до Рождества их будет не забрать, но у меня уже просто груда, а эти я скорей всего в ближайшее время не захочу перечитывать. В школе не так уж много места. Словом, даже если я стану по ним скучать, пусть лучше будут здесь. Если дедушка поправится настолько, что выпишется из «Феду Хир» домой, я тоже смогу вернуться. Даниэлю в общем все равно. Уверена, он не станет возражать. Я чувствую, что по-настоящему нигде не живу, и

мне это очень не нравится. Утешительно думать, что в моей комнате на подоконнике сложены в алфавитном порядке восемь книг. Это тоже волшебство, магическая связь. Моя мать сюда не попадет, а если бы и попала, это ведь книги. С книгами не поколдуешь, кроме совсем особенных изданий, — а если бы она и умела, остальные мои книжки все равно у нее. У нее так много моего осталось, но забрать никак не получится.

Если я опять нанесла ей поражение, а мне кажется, так и есть, захочет ли она мстить? Все было совсем не так, как в прошлый раз. Я жутко разочарована, тем более что не сумела найти Глорфиндейла, чтобы задать ему свои девять миллионов вопросов.

Запереть входную дверь я не сумела. Замкнула ее изнутри и вышла с черного хода, а потом протолкнула ключ от задней двери в почтовый ящик. И предупредила тетушку Тэг, она первой после меня туда придет.

Сегодня днем, когда они вернулись из школы, повидалась с Мойрой, Ли и Насрин. Они расспрашивали про Арлингхерст, но я не стала рассказывать, только прошлась по поверхности. У Ли появился парень, Эндрю, тот, что был отличником по математике, когда мы все маленькими

учились в Парковой школе. Я сказала это вслух, а Мойра съязвила, что кое-кто из нас маленьким и остался. Она здорово вытянулась. Интересно, вырасту ли я. Я сейчас того же роста, как в двенадцать, когда мы были самыми высокими в классе, но теперь меня почти все обогнали. Они мне пересказали все сплетни. Доркас, та, что была первой по французскому и валлийскому, у которой родители в какой-то чокнутой секте вроде Адвентистов седьмого дня, забеременела. Сью уехала, ее родители перебрались в Англию. Все было вроде бы совсем обычно, но в то же время очень странно, как будто я притворялась.

Завтра возвращаться в Шрусбери, как раз когда никому не надо в школу и мы могли бы вместе чем-нибудь заняться.

Суббота, 3 ноября 1979 года

Поезд до Кру намного меньше лондонского. Проход и маленькие купе на восемь сидячих мест, вроде лавочек друг против друга. Наверху багажные полки и еще черно-белые виды разных мест — в моем купе Ньютонское аббатство, о котором я никогда не слышала. Интересно, где это? Выглядит симпатично. Большей частью купе принадлежало мне одной, только в Абергавенни села пожилая леди с двумя детьми, а в Херефорде они сошли. Они мне не слишком мешали. Я то смотрела в окно, то читала, сперва свое «Будущее», а потом начала купленный в «Лирс» «Салун Галахана на перекрестке времен» Спайдера Робинсона.

Поезд шел на север вдоль границы Уэльса. У Кардиффа и Ньюпорта все тянулись холмы и поля, и так до самой границы. Солнце то выходило, то пряталось, как бывает под конец осени, когда свет такой странный, будто все цвета видишь из-под воды. Облачка бросали темные пятна на горы, а где было солнечное пятно, там трава будто светилась, хоть читай при ее свете. Из поезда

видна Сахарная голова. Ну, это гора очень заметная. Мы раньше ездили иногда в Абергавенни и в машине распевали: «На холмах Абергавенни пусть бы солнце мне светило!» У меня к нему теплое чувство, хоть я и видела только станцию да холмы за городом. Когда буду писать, упомяну, что проезжала здесь по дороге к дедушке. За Абергавенни поезд где-то пересекает границу с Англией, потому что Херефорд уже Англия, а уж Ладлоу так точно. Ладлоу — маленький торговый городок. Из поезда он очень похож на Освестри, только немножко теплее.

Последняя остановка перед Шрусбери — в Черч-Стреттон. Там в мое купе зашло много народу, и в моем чудном уголке, где я так уютно провела всю дорогу, стало тесновато. И сердце немножко упало. До сих пор я умудрялась не думать о конце поездки.

Даниэль не встретил меня на вокзале в Шрусбери. Я думала, он будет ждать на платформе, но его не было. Я прошла через турникет на стоянку. Подумала доехать автобусом, но понятия не имела, какой именно мне нужен и откуда он отправляется. Вот и еще одно: в долинах я знала все автобусы, и все маршруты, и какой мне может пригодиться. Красно-белый ходит до Кардиффа, а

темно-красные — местные. Легко догадаться, что полезно знать драмы и куда как пройти, но я никогда не думала, как может пригодиться знание автобусов, пока не застряла там и ни туда и ни сюда. У меня была сумка и еще сумка с книгами, и не то чтобы багаж неподъемный, но и не пустяк.

У меня еще остались два фунта от десяти. (Может показаться, что много, но мне еще покупать немало книг. Я вернулась в вокзал, к киоску, и купила карту артиллерийского управления в розовой обложке, одна миля в дюйме, с Шрусбери и окрестностями. Я всегда думала, что «артирелистского», но оказалось, не так. Артиллерийское. Смешное слово и смешная мысль: военные делали карты всей страны для своих перевозок, а теперь продают всем и каждому. Ну, я-то не планирую вторжения.) Вернувшись к стоянке, я присела на скамейку. Нашла Майклхем, где стоит Олдхолл, и уже решила, что автобус на Волверхэмптон самый подходящий, когда наконец-то появился Даниэль. Я вздохнула с облегчением при виде подъезжающего черного «Бентли». Карту я сложила и убрала, но он заметил.

— Вижу, ты купила карту, — сказал он.

— Я интересуюсь картами. — Я смутилась, хотя смущаться следовало бы ему, раз он опоздал.

Я села в машину. Он выбросил в окно окурок и отъехал. Так нельзя делать, даже на стоянке. Это дурная привычка. Я подумала о нем очень неодобрительно.

Пожалуй, я накуплю топографических карт. Они разбиты по квадратам, и, если начать коллекционировать, со временем можно собрать всю страну. Тогда я всегда найду дорогу и буду знать, как одни места расположены относительно других мест. Хотя они не очень-то помогут, если останутся дома, когда я буду где-то еще. Просто надо завести привычку брать с собой карту мест, куда еду, и, может быть, соседних.

Шрусбери — это где мне покупали форму. Маленький городок и весь вроде бы построен из розового камня.

В Олдхолл мы попали к вечернему чаю. К дневному чаю подают чай, пирожки, и рогалики, и маленькие бутерброды, но к вечернему полагается какое-нибудь горячее и сытное блюдо. В данном случае горячим была паста с сыром и ветчиной, а все остальное холодное. Сэндвичи с тунцом и огурцами, с ветчиной и петрушкой, с сыром и пикулями. Мне очень понравились. Рогалики оказались сухими, как Калахари. И крошились при попытке намазать их маслом.

Я в четыре года лучше пекла. Об этом я промолчала, зато сказала одной из теть (я их все еще не различаю), что в следующий раз хотела бы что-нибудь приготовить. Кажется, такие вещи они одобряют.

Говорили они только о школе и ожидали от меня рассказов об учителях и об успехах нашего Дома. Они все три были в Доме Скотта и болеют за него куда больше меня. Никак мне их не понять. Они взрослые, у них собственный дом — и очень даже славный. Но они ничего не делают. Не читают, не работают, не рукодельничают. Они организуют благотворительные распродажи для церкви. Бабушка раньше тоже этим занималась, но при этом и учительницей работала на полный день. Дом они содержат хорошо, но разве это работа для троих? Моему отцу они платят за управление имуществом и деньгами, так что и этим не заняты. Они богаты, достаточно богаты, как мне кажется, но никуда не выходят и ничего не делают, только сидят дома, едят жуткие рогалики и с неподдельным энтузиазмом толкуют о временах, когда Дом Скотта выиграл кубок. Не скажу точно, сколько им лет, но родились они до 1940-го, так что не меньше сорока, а все переживают за дурацкий школьный «дом». Они не

притворялись, вот что меня так заинтересовало. Я бы отличила. Они гораздо больше друг с другом разговаривали. Зачем они там сидят? Почему ни одна не вышла замуж? Может, они не выносят детей. Я для них определенно испытание, но это не в счет, могли бы, если захотели, завести милых аристократичных английских деток и выучить их не киснуть.

У Даниэля нашлась «Дорога славы», а еще сборник «„Уолдо“ и „Магия Инкорпорейтед“» — это, по его словам, единственное фэнтези у Хайнлайна. Еще он одолжил мне «Сломанный меч» Пола Андерсона. Я все еще читаю рассказы из «Каллахана», они ужасно милые, не совсем такие, как «Телемпат», но мне нравятся.

Завтра в церковь, потом обед с тетями и снова в школу, черт бы ее побрал.

Понедельник, 5 ноября 1979 года

Я помню, какой далекой казалась школа из лабиринта, но стоило вернуться, и от нее никуда не деться, как будто я и не уезжала.

Смешно подумать, как мелко все, что можно рассказать о каникулах. Всего неделя, но за нее столько произошло по сравнению со школьной неделей, что хватило бы на год. А когда меня сегодня на французском разговорном спросили, я только и смогла рассказать, что «*Je visite mon grandpere dans Londres et je visite mon autre grandpere dans Pays de Galles*»[6]. Два визита к дедушкам и все, а Мадам сказала только, что надо говорить «*en*» а не «*dans*». Я окунулась в школу, как в теплую ванну, и вода сомкнулась у меня над головой. Я могла бы рассказать им про Хеллоуин, Глорфиндейла и мертвых, но не стану.

«Дорога славы» меня глубоко разочаровала. Ненавижу! Бросила читать и вместо нее взялась за статьи Азимова, которые Джилл дала, — вот до чего ненавижу. Люблю Хайнлайна, но фэнте-

---

[6] Примечания: 6

Я навестила дедушку в Лондоне, и я навестила моего другого дедушку в Уэльсе (*фр.*).

зи — это явно не его. Просто глупо. И никто не скажет, что «О, Скар» звучит похоже на Оскар, это совсем неправдоподобно. Книга почти такая же мерзкая, как ее обложка, а этим кое-что сказано, потому что обложка настолько мерзкая, что мисс Кэрролл вздернула бровь, увидев ее от своего стола, через всю библиотеку. Забавно, что у «Тритона», где все про секс и социологию, на обложке взрывается космический корабль, а у «Дороги славы», где секс попадается иногда, но в общем это глупая приключенческая книжонка, такая обложка. Ожидается какой-то поэтический конкурс. Все вроде бы заранее ждут, что я буду победительницей.

Я скучаю по горам. Прежде по ним не скучала, только думала иногда, как здесь уныло. Но теперь я побывала дома, среди них, и скучаю активно, больше, чем по живым родственникам, больше, чем по возможности закрыть дверь кабинки. Здесь не то чтобы совсем плоско: пологие холмы, а в ясную погоду вдали можно рассмотреть горы Северного Уэльса. Но мне не хватает склонов вокруг.

Вторник, 6 ноября 1979 года

Вчера на школьной территории пускали фейерверки и жгли костры. Я видела, как теснятся фейри-огневки. Их никто не замечал. Их может увидеть только тот, кто уже в них верит, вот почему чаще всего это дети. Такие, как я, не перестают их видеть. Для меня перестать их видеть значило бы *сойти с ума*. Но многие дети, когда вырастут, перестают, хотя раньше и видели. Я уже не ребенок, но и не взрослая. Должна сказать, мне не терпится.

Но вот мой кузен Герайнт, он четырьмя годами старше меня, видел фейри, когда играл с нами в куме. Ему было одиннадцать или двенадцать, а нам семь или восемь. Мы ему сказали, чтобы закрыл глаза, а когда откроет, то увидит, и он увидел. Они его ошеломили. Говорить с ними он не мог, потому что знал только английский, но мы переводили, что он говорит и что они. Видимо, нам было уже восемь, потому что я помню, как свободно мы переводили их слова чистейшим толкиновским языком, а «Властелина колец» мы прочитали только на восьмом году. Тогда, в том

возрасте, мы вечно искали, с кем бы поиграть, и предпочитали мальчиков, потому что в книжках, чтобы попасть в иной мир, нужна такая компания. Мы ждали, что фейри уведут нас в Нарнию или в Элидор. Герайнт представлялся подходящим кандидатом. Он видел фейри и был от них в восторге. Они ему нравились, а он им. Но он жил в Бургесс-хилл под Брайтоном, а в Абердэр приезжал только на лето и на следующее лето уже их не видел, сказал, что перерос эти игры, а то, что тогда происходило, ему помнилось как игры, в которых мы играли роль фейри. У него на уме теперь был только футбол. Мы убежали, оставили его в саду с его дурацким мячом, безутешным, но он не нажаловался взрослым, что мы его бросили. За ужином сказал, что мы очень славно играли весь день. Бедный Герайнт.

Мне утром пришло письмо, которое я не вскрывала, и еще письмо от Сэма. Он спрашивает, как мне понравился Платон и нашла ли я еще что-нибудь, и пишет он так же, как говорит. Отвечу ему в воскресенье. В школьной библиотеке Платона нет. Я спрашивала мисс Кэрролл, и она сказала, что, раз у нас не изучают греческий, он не нужен. С межбиблиотечной рассылкой могут быть сложности, потому что я не знаю переводчиков и даже

названий. Но, конечно, можно заказать то, что перечислено в «Пире», я так и сделаю.

«Пенгуин» лучше других издательств, когда дело касается списков — они перечисляют даже те книги авторов, которые не издавали. У меня на субботу скопилась целая пачка заказов, потому что в книге «Вверх по линии» есть длинный список работ Силверберга. Еще я хочу заказать «За завтрашними горами». Ее автор, Сильвия Энгдаль, написала просто шикарную книжку «Наследство звезды», а «Паффин» — это подразделение «Пенгуин» — ее раскопал и издал. Там у людей множество суеверий и в то же время техника, которую они принимают за волшебство, а Ученые и Техники их угнетают и всякого, кто не так мыслит, объявляют Еретиком. А на самом деле они колонисты с другой планеты, но забыли об этом, и это просто блеск. По сюжету, есть пророчество, что, когда они узнают и все исправится, они уйдут за Завтрашние горы, и есть продолжение с таким названием, но я никогда его нигде не видела, хотя долго искала.

Поэтический конкурс проводится по всей стране. В Арлингхерсте каждая должна написать по стихотворению, а потом выберут лучшее от каждого класса, чтобы их послать. Не могу пове-

рить, что меня считают победительницей. Ладно, здраво рассуждая, я первая в нижнем пятом С и во всех пятых классах, потому что требования здесь не особо высокие. Но чтобы среди всех пятых классов всей страны? Не может быть. Лучшую сотню издадут отдельной книгой, а самый лучший получит сто фунтов и пишущую машинку. Пишущую машинку мне бы очень хотелось. Правда, печатать я не умею, но рукописи в журналы надо посылать в печатном виде.

Дейдра за обедом все придвигалась ко мне и села через одно сиденье, как бы случайно, но так неуклюже, что многие заметили. Она робеет, бедная дурочка, но настроена решительно.

— Мама сказала, чтобы я за тебя заступалась, — шепнула она мне.

— Молодец твоя мама, — как ни в чем не бывало ответила я.

— Ты мне поможешь со стихотворением? — спросила она.

Так что на самоподготовке мне предстоит помогать, то есть, вероятно, писать за нее. Своего я еще не написала, хотя времени полно, до пятницы.

Четверг, 8 ноября 1979 года

Я написала Дейдре стихотворение и осталась им очень довольна. Но вчера, пока я сидела с «Уолдо» и «Магией Инкорпорейтед» (это оказались две разные повести), подошла мисс Кэрролл с кипой сборников современной поэзии и предложила мне просмотреть.

Похоже, со времен Честертона поэзия ушла вперед. Кто бы мог знать? Точно не бабушка и не в нашей школе, где я раньше училась. Я видела отрывок из поэмы Одена, его цитировал Дилэни, а имени Т. С. Элиота даже не слышала, и Теда Хьюза тоже. От Элиота у меня голова пошла кругом, так что я опоздала на латынь и потеряла балл за поведение. Отомстила переводом Горация в манере Элиота, а ей не к чему оказалось придраться, потому что перевод был точный.

Написала стихотворение на конкурс. Не очень в нем уверена. Манерой Честертона я овладела, правда, но этой, мне кажется, не успела. Там про ядерную войну, и голландскую болезнь вязов, и про то, что нам надо выходить в космос.

У Элиота вроде бы есть длинная поэма «Четыре

квартета», но ее нет в школе. В субботу тоже закажу. Мисс Кэрролл сказала, что Элиот, когда писал «Бесплодную землю», работал в банке, потому что за поэзию не платят. «О тьма тьма тьма… стали перлами глаза… эти обрывки я выудил из-под обломков…»[7]

[7] Примечания: 7

Цитаты из «Четырех квартетов» (пер С. Степанова) и «Бесплодной земли» (пер. А. Сергеева) Томаса Стернза Элиота.

Пятница, 9 ноября 1979 года

Осенью, когда все деревья выглядят мертвыми, не так страшно смотреть на умирающие вязы.

Опять письмо. Собираюсь и эти сжечь. Хотя мне и хочется узнать, пишет ли она о том, что я сделала. Хотелось бы убедиться. Хотя я и так знаю, что получилось.

Сдала стихотворение. Мисс Льюис просмотрела, но ничего не сказала, судить будет мисс Джилберт, которая ведет английский у шестого класса.

Надеюсь, что завтра в библиотеке меня будут ждать книги, потому что те, что брала, я почти дочитала. Перечитываю «Девять принцев Амбера».

Мне все снится Мор. Что она тонет, а я ее не спасаю. Снилось, что я толкаю ее под машину, вместо того чтобы попытаться оттянуть. Машина сбила нас обеих. Мне на каждом шагу все об этом напоминает, но не во сне. Мне снится, что я хороню ее заживо в центре Лабиринта, забрасываю землей, а она бьется, и земля застревает у нее в волосах.

Сегодня год с ее смерти. Я старалась не думать, но она… воспоминания подстерегают меня всю-

ду.

Суббота, 10 ноября 1979 года

Собиралась в город на автобусе, при мысли о библиотеке становилось радостно на душе. От этого серые улицы выглядели почти привлекательно, но не совсем. Моросил дождь, и небо было низким и плоским. Библиотекарь, мужчина, малость опешил, увидев, сколько книг я хочу заказать, но дал мне пачку бланков и сказал, чтобы заполняла сама. Меня ждало столько книг! Потом я прошла до магазина и купила «Четыре квартета», «Ворона» Теда Хьюза и «Певицу Перна» Энн Маккефри. И еще купила коробок спичек.

Не стала покупать «Проклятие лорда Фаула» Стивена Дональдсона, нагло сравнившего себя на обложке с «лучшим из Толкина». На задней обложке эта цитата приписывается «Вашингтон пост», газете, чьи похвалы навсегда отныне будут для меня приговором книге. Как они смели? А издатели? Таких сравнений никто не смеет проводить, разве что вот так: «В сравнении с Толкином это полный шлак». В смысле, так можно сказать даже о самых блестящих книжках вроде «Волшебника Земноморья». «Проклятие лорда

Фаула» (жуткое название, будто из Конанновского цикла), надо полагать, вроде худшего из Толкина, например начала «Сильмариллиона».

Дело в том, что Толкин, «Властелин колец» — совершенен. Весь этот мир, это погружение, этот путь. Я вполне уверена, что это не из жизни, но от этого еще изумительнее, сумел же кто-то такое выдумать! Прочтешь, и все меняется. Помню, как я дочитала «Хоббита», передала его Мор и сказала: «Почитай. Очень неплохо. Не найдется ли где-нибудь еще в этом роде?» И помню, как нашла — утащила из комнаты матери. Дверь была открыта, и свет из коридора упал на полки Р, С и Т. Мы всегда боялись заходить глубже, вдруг она прячется в темноте и схватит нас. Однажды так и было, когда Мор ставила на место «Хрустальный грот». Обычно, если мы брали ее книгу, остальные переставляли попросторнее, чтобы не было заметно. Но «Властелин колец» в одном томе был таким толстым, что ничего не вышло. Я дрожала, что она заметит. Чуть не оставила книжку. Но она то ли не заметила, то ли ей дела не было — а может, она тогда ушла из дома к кому-то из своих приятелей.

Я не сказала, что хотела сказать, о том, в чем там дело.

Ты, когда читаешь, как будто сам там. Это как найти в пустыне волшебный родник. В нем есть все. (Кроме похоти, говорит Даниэль. Зато есть Червеуст.)

Это оазис для души. Я и сейчас могла бы сбежать в Среднеземье и была бы там счастлива.

Как можно что-то с этим сравнивать? Просто не верится, какой бахвал этот Стивен Дональдсон.

Воскресенье, 11 ноября 1979 года

Выбралась среди ночи в окно дортуара, начертила круг и сожгла в нем письма. Никто меня не видел. Круг я выложила из того, что валялось кругом: из листьев, прутиков и камней, — и добавила дубовый лист, свою деревяшку и карманный камешек с берега Амрота. Я чувствовала, что они действуют, я была как бы под зонтиком. До того я прочла письма. Хотелось знать, что она пишет. Могла бы не трудиться. Единственное, что она сказала про мои дела: «Ты всегда больше была похожа на меня», а это… ну, снеговик больше похож на облачко, чем кусок угля, но оба похожи не слишком. Я сложила письма пагодой и подожгла. На фотографии не смотрела, но видела, что они там были.

Я перемешала золу, так что совсем ничего не осталось. Потом взяла карманный камешек и подняла его к луне (луна в третьей четверти, не знаю, правильно ли это) и постаралась сделать его оберегом от плохих снов. Не знаю, получилось ли. Дубовый лист и свой кусочек дерева я забрала.

Я взобралась обратно и легла в постель. Все спали. Луна светила в лицо Лоррейн. Она показалась удивительно красивой и еще далекой, как мертвая, как будто она сотни лет как умерла и была мраморной статуей на собственной могиле.

Одна беда — она продолжает слать письма. Придется и дальше их сжигать. Но поздно ночью определенно безопаснее со школьной точки зрения, чем когда кругом люди.

Дейдра послала мне булочку — с глазурью, от «Фанфер», здорово липкую и сладкую. Они продаются упаковками по шесть штук, так что она многих угостила, но я оценила жест. Очень приятно не чувствовать себя полной парией.

Я написала Даниэлю про «Каллахана» и похвальбу Стивена Дональдсона. Сэму я написала про Платона и о том, что заказала еще. И написала ему про «Последние капли вина», потому что, даже если он вообще не любит романов, этот мог бы ему понравиться. Дедушке я написала, как проезжала через Абергавенни, и как скучаю по горам, и как здесь играют в мяч, и что я бы тоже с удовольствием играла, если бы могла бегать. Я помню, как бегала. Все тело помнит. Это кинетическая память, если я не перепутала слово. Я немножко приврала про то, что мне нравятся иг-

ры. Мне нравится сидеть в библиотеке с книгой, и терпеть не могу, что девочки придают спорту такую важность, хотя на самом деле это полный пустяк. А нравится мне бросать мяч, бегать и ловить, а не терзаться из-за счета в игре.

Что это я с Энн Маккефри начала со второй книги? «Певица Перна» — продолжение какой-то другой, которой я не видела. «Песни Перна»! Я все-таки прочитала, на удивление легкая в сравнении с двумя другими. Это скорее в мире Перна, чем о Перне, не знаю, понятно ли. Мне бы понравились огненные ящерицы. И драконы, если на то пошло. Я бы спустилась с неба на голубом драконе, и он бы дохнул огнем и сжег школу.

Понедельник, 12 ноября 1979 года

Стихотворение Дейдры победило на школьном поэтическом конкурсе.

Я мучаюсь, хотя это я его написала. Все ждали моей победы, и я сама тоже ждала. Что не так с моим стихотворением? Наверное, мисс Гилберт традиционалистка. Никто ничего не сказал, и я вместе со всеми поздравила Дейдру, но чувствую, что меня публично унизили. (С другой стороны, написала-то его я, и хотя бы Дейдра об этом знает.)

Вторник, 13 ноября 1979 года

Дейдра подошла ко мне после самоподготовки и вытащила на улицу поговорить, чтобы никто не слышал. Она заплакала и почти сразу потеряла нить мысли, но, по-моему, она хотела сказать, что не надо мне было отдавать ей свою лучшую работу. А я и не отдавала. Но она считает так, потому что стишок победил. Это она в первый раз в чем-то побеждает. Не думаю, чтобы она до сих пор хоть раз добывала очки для Дома, разве что, может быть, за то, что вела счет в игре. Я сказала, что она это заслужила. Она за завтраком села совсем рядом со мной и великодушно предложила мне свою сосиску, которую я взяла не потому, что не хотела обижать, а потому, что была голодная.

Вордсворт ею ужасно гордится. Сандра Мортимер, капитан Вордсворта, рыжая и с красными слезящимися глазами, лично заговорила с Дейдрой, которая чуть не умерла от такой чести.

Читаю Браннера, «Оседлавший волну шока». Очень хорошо, но не «Всем стоять на Занзибаре». Интересно, каково это — написать шедевр и никогда больше его не повторить?

Среда, 14 ноября 1979 года

Вот правдивая и полная история того, как мы с Дейдрой получили сегодня утром баллы за поведение.

Мы были в душе, это длинная кафельная канавка с дюжиной душевых насадок, довольно слабым напором и переменно-теплой водой. Мне бы каждый день ванну! Вода бывает горячая, в смысле не ледяная, от семи до восьми утра и от семи до восьми вечера. Есть еще душевые в раздевалке, положено мыться после игры, но там вода холодная, и девочки обычно пробегают через них, на ходу споласкивая грязь. Всерьез вымыться можно с утра или на ночь. То-то в это время лесбийский рай — целые акры женского тела.

Сегодня там было, может быть, пятнадцать девочек, и всем воды не хватало. Мы с Дейдрой заняли один душ и рассчитывали, что мой статус прокаженной отгонит других. Я видела, что Шара на нас поглядывает, как будто раскаивается, что шпыняла. А когда я вышла из-под воды, чтобы налить шампуня на голову, Дейдра хихикнула: «У тебя груди растут».

— А вот и нет, — машинально огрызнулась я, даже не посмотрев. А потом опустила глаза и увидела, что вроде как да. У меня давным-давно припухлости за сосками. У моей матери не больше того, и я думала, что так и останусь, а теперь они надулись и даже немножко обвисли. У многих девочек в пятом С груди уже болтаются. Это не так идет в счет, как волосы на лобке, которые у меня есть, намного темнее, чем на голове, и месячные, которые уже почти у всех. У меня начались два года назад. Я боялась, что они помешают мне видеть фейри, но ничего не изменилось, что бы ни думал о созревании Клайв Льюис.

— Тебе нужен лифчик, — сказала Дейдра.

— Не нужен, — вяло отозвалась я. Вытолкала ее из-под душа и сполоснула волосы. Пока шампунь стекал по телу, я смотрела на свои созревающие груди. — Слушай, Ди, тебе не кажется, что они странной формы?

Она чуть не задохнулась от хохота. К нам оборачивались посмотреть, что ее насмешило.

— Нет, правда, — сказала я тихо, но горячо. — Они вроде как грушевидные. У других не такие.

Я осмотрела девочек, и ни у кого не было грудей, как мои.

— Нормальные, — сказала Дейдра.

— Эй, Дыра, что смешного? — спросила Лоррейн.

— Комми круто пошутила, — ответила Дейдра.

Кое-кто из девочек, кто уже домылся и вытирался, запели «Джейка-с-костылем». Я обожгла их взглядом, но из-под воды не подействовало.

Мы с Дейдрой вместе стояли под струей.

— Нормальные они, — шепнула она. — Просто ты смотришь сверху, вот и кажутся странными. Если бы ты смотрела прямо на себя, как на других, увидела бы, что такие же.

— В зеркале, — сказала я.

— Карен говорит, надо говорить «трюмо», — поправила Дейдра.

— Фигня, — я добавила еще одно словечко, не одобрявшееся в этой школе.

Зеркала здесь только над рядом раковин в туалетной, где мы чистим зубы и причесываемся. Это длинная зеркальная полоса со светящейся трубкой поверх.

— Пошли, — сказала я.

Дейдра хихикнула, прихватила свое полотенце, а я свое и завернулась в него, как в плащ. Мыло и шампунь я спрятала в свою банную сумочку, иначе бы кто-нибудь утащил или открыл бы шампунь и вылил в сток — в первую неделю у

меня так вышло с гелем для душа, который я оставила в душевой.

Мы вышли в туалетную, она сразу за душевой. Там никого не было, это сразу видно, потому что туалетные кабинки без дверей. Я положила сумочку и закрутила полотенце тюрбаном на голове. Этому полезному умению меня научила Шарон. Если подоткнуть, оно так и держится. У Шарон длинные непокорные волосы, но полотенце даже их удерживает. Итак, мое полотенце находилось там, а у Дейдры на плечах, а в остальном мы были голые.

Мы сразу поняли, что от зеркальной полосы толку не будет. В ней отражались головы по шею, а до грудей не доставало.

— Может, если встать на что-нибудь? — предложила Дейдра, оглянувшись.

— Не на что, — сказала я, — разве что встать на стульчак, а тогда будет слишком высоко.

— Давай попробуем, — сказала она.

И мы закрыли крышки на двух стульчаках, и забрались на них, и убедились, что слишком высоко, и тогда стали изгибаться по-всякому, голые, в неустойчивом равновесии, и хихикать, потому что и правда было смешно. И тут вошла одна из старост посмотреть, из-за чего такой шум.

Четверг, 15 ноября 1979 года

То ли мой сонный оберег не работает, то ли это не она насылает сны, а просто они приходят из подсознания.

Ночью мне снилось, что мать задумала нас разлучить. Она решила переселиться в Колчестер в Эссексе и забрать Мор с собой, потому что, сказала она, Мор сговорчивее, а я непослушная и потому что я так упрашивала остаться. Мы возмущались и спорили, и она силой тащила Мор, а я плакала и цеплялась за нее. В каком-то смысле это было противоположностью случившемуся в лабиринте. Я пыталась ее удержать, а мать — утащить от меня, и она стала перекидываться в разные вещи, а мне надо было держать ее. У меня разлука в голове не укладывалась, и я решила, что буду всем жаловаться, всей семье скажу, что это нестерпимо и чтобы они такого не допускали. Они так много спускают моей матери, потому что не желают признавать, что она сумасшедшая, думала я, а Мор выла и хваталась за меня, когда я проснулась. На секунду пришло огромное облегчение, что это был сон, а потом я вспомнила, что

наяву гораздо хуже. Из Колчестера люди возвращаются (понятия не имею, почему Колчестер), а что значит умереть, я не знаю.

Я читаю «Земную империю» Артура Кларка. В ней так много чудесных фантастических поворотов. Это не «Конец детства» и не «2001», но как раз то, что мне сегодня нужно. Пара его книг мне пока не попадались, я внесу их в список на следующую неделю.

Хотелось бы знать, будут ли в космосе фейри? В мире Кларка их легче представить, чем у Хайнлайна, несмотря даже на детально описанную технику. Может, это потому, что он британский писатель? Ладно, космос, а есть ли фейри в Америке? И, если есть, говорят ли они на валлийском по всему миру?

Пятница, 16 ноября 1979 года

Утром пришло письмо. Не обязана его вскрывать и не буду.

Сегодня на молитве Дейдра в конце «Символа веры» сказала «вос-кре-шение», вместо «воскресения». Пока пели гимн, я думала о «воскресении мертвых и жизни вечной» и как это связано с тем, что я видела на Хеллоуин. С одной стороны, станет ли воскресение вероятнее, если мертвые прошествуют по долине и спустятся под холм? А с другой — при чем здесь религия? И Христос? Фейри там были, но ничего похожего на святых я не видела. Я повторяла «Верую», не задумываясь над словами.

Сказать по правде, я очень сердита на Бога со смерти Мор: незаметно, чтобы он как-то вмешался или хоть чем-то помог. Но это, наверное, как с волшебством: его действия и причины увидеть невозможно, я уж не говорю о неисповедимости путей. Будь я всемогущей и всеблагой, я бы не была такой невыразимой. Бабушка говаривала, что никто не знает, когда все обернется к лучшему. Я в это верила, пока она была жива, но потом

она умерла, и Мор умерла. Не знаю. Не то чтобы я не верила в Бога, просто я не больно-то склонна благоговейно простираться перед тем, кто хочет мне внушить: «Во вселенной, несомненно, все идет как следует». Потому что мне так не кажется. Мне кажется, я должна что-то сделать со вселенной, кое-что в ней явно требует неотложного внимания, например то, что русские и американцы в любой момент могут взорвать весь мир, и голландская болезнь вязов, и голод в Африке, не говоря уже о моей матери. Если бы я в прошлом году предоставила вселенную на усмотрение Бога, она бы отхватила от нее большой кусок. А если это по замыслу Бога она лезла в наши дела и к фейри, и Мор умерла, а меня переломало, так будь я всемогущей и вездесущей, замыслила бы что-нибудь получше. Гром и молния никогда не выходят из моды.

Я читала «Сломанный меч» и временами думала, что таким богам было бы проще поклоняться. Не говоря о том, что они более человеческого масштаба. Они вмешиваются. Они больше похожи на фейри. (А что такое фейри? Откуда они берутся?)

Но я не хочу доводить дедушку до нового удара, так что хожу в церковь, и учу молитвы, и принимаю причастие, хотя и не понимаю, как все

это складывается. Не представляю почему-то, как заговорить об этом с приходским священником.

В фейри верить не приходится. Они и так есть. Может, они не всегда тебя замечают, но они есть, и с ними можно поспорить. И они много понимают в волшебстве и устройстве мира, и они не прочь вмешаться в ход вещей. Я бы не отказалась немножко поколдовать. Я могла бы придумать много полезного. И сделать оберег от снов получше. И мне бы очень хотелось карасс.

Суббота, 17 ноября 1979 года

В библиотеке меня ждали семь книг. Интересно, а что если их окажется больше восьми? Сегодня дежурила женщина, и она разрешила мне заполнить заявки на рассылку. Если я и дальше буду заказывать под пятьдесят книг в неделю, в любую субботу их может оказаться больше восьми. Интересно, разрешат ли мне съездить в город на неделе? Кто-то из девочек ездит на уроки музыки. Может, и мне стоит на чем-нибудь играть, чтобы выбираться в библиотеку, хотя с музыкой у меня дела так плохи, что фокус, наверное, не пройдет. Может быть, есть еще какие-то занятия вне программы, на которые меня будут отпускать? Можно спросить у мисс Кэрролл.

Денег у меня не осталось, но я все равно зашла в книжный. Напротив него обнаружила рощицу — она называется Браконьерской и есть на карте — и отправилась туда, чтобы сжечь полученное вчера письмо. Обошла ее по кругу. Никто меня не видел, кроме пары равнодушных фейри. И письма я не читала. Даже не вскрыла. Раз оно было всего одно и плотное, я не стала разводить

костер, а просто подожгла с нижнего уголка и бросила. Чуть не опалила волосы, потому что не ожидала, как сильно полыхнет, так что больше так делать не буду.

Было холодно, но без дождя, впервые за целую вечность выходной день без дождя. Я попробовала посидеть на скамейке, где читала «Тритон», с «Рожденным с мертвецами», но дул слишком холодный ветер. Мне мешает не столько холод, сколько то, что дни теперь такие короткие. В школу возвращалась уже в темноте.

Я присмотрела в книжном кое-что, что хочу купить, когда будут деньги, а если не будет, закажу в библиотеке. Есть там взрослая книжка Алана Гарнера «Красная смена». Интересно, о чем это. Обложка странная, менгир и из него огонек, понимай как хочешь. Если рассказать Даниэлю, что хочу ее купить, он, может быть, пришлет денег, если не рассчитывал, что десяти фунтов мне хватит до Рождества. Ну, я расскажу, чего бы хотела, а если окажется, что предполагалось так, пусть так и напишет, и я ее просто закажу.

Потом, поскольку уже стемнело, а возвращаться еще не хотелось, и денег посидеть в кафе, притворяясь, будто пьешь чай, не было, я обошла другие городские магазины. Зашла в «Вулвортс»,

где стянула флакончик талька и «Твикс». В нашем Доме есть девочка Кэрри, которая все время таскает мелочи, и она мне показала, как это делается. Это легко, если не терять хладнокровия. На меня никто не обращает внимания. Хотя книг я бы брать не стала, или, вернее, я бы взяла в «Вулвортсе», будь у них книги, но в книжном магазине — только в *последней крайности*.

Зашла в «C&A», посмотрела лифчики. Мерить не стала. Они дороже, чем я думала, и подобрать размер очень сложно. Тетушка Тэг должна в них разбираться.

В «Смитсе» увидела Джилл в отделе звукозаписи. Я не люблю пластинок, для меня интерес к поп-музыке связан с вещами, которые она вроде бы презирает, вроде стараний привлечь мальчиков. Но я подошла поздороваться. Она смотрела альбом «*Anarchy in the U. K.*» группы Sex Pistols. Обложка гадкая, но я после «Обделенных» заинтересовалась анархизмом. По-моему, было бы гораздо честнее жить как на Анарресе. Джилл говорит, нам бы не понравилось, потому что там у наших родителей не было бы денег, так что мы оказались бы лишены преимуществ. А я сказала, что у всех были бы одинаковые преимущества. Я не сказала, что у меня родители и так не такие

богатые, как у некоторых. Я сказала: с какой стати мы получаем лучшее образование, чем те, кто не может позволить себе Арлингхерста?

Джилл купила альбом, хотя не сможет прослушать его до Рождества, так что не вижу смысла.

На обратном пути мы говорили о Леонардо. Оказывается, он не только написал «Мону Лизу», но и был ученым, изобрел вертолет, изучал окаменелости и вел дневник. У Джилл есть книга о жизни ученых, и она предложила дать мне почитать. Она очень добра, хотя это совсем не мое. Она немножко… не знаю. Она не глупа, и это освежает, и не боится со мной разговаривать, но она такая напористая, что это немножко сбивает. Мне все кажется, что она чего-то от меня хочет.

«Твиксом» я поделилась с Дейдрой. Ей не сказала, что стащила.

Воскресенье, 18 ноября 1979 года

Я написала дедушке. Со следующих денег куплю ему открытку с пожеланием здоровья. Написала ему про отметки (нудно отличные, не считая, как всегда, математики) и о погоде. Написала Даниэлю, большей частью про «Имперскую Землю» и «Оседлавшего волну шока», но помянула и Гарнера. Хорошо бы он давал мне карманные деньги, как дают почти всем девочкам, я бы тогда знала, сколько когда получу. Еще я написала тетушке Тэг про проблемы с лифчиком, очень осторожно, денег не просила, даже отдельно написала, чтобы не присылала, потому что это было бы не честно, а просто спросила, как подбирать размер. Там цифры и буквы. Наверное, можно бы спросить Дейдру или даже Джилл, но мне не хочется.

Сегодня без булочек.

Вторник, 20 ноября 1979 года

Сегодня посылка от Даниэля с «Городом» Саймака и «Дюной» Фрэнка Герберта, обе на первый взгляд не слишком заманчивые. Так здорово, когда есть, что почитать. И еще десять фунтов. Не знаю, собирается он посылать мне по десять фунтов каждый раз, как я упомяну, что хотела бы купить книгу, которая мне кажется стоящей, но это очень вряд ли. Я обсудила это с Дейдрой, хоть и трудно было добиться откровенного разговора: деньги, и карманные деньги тоже, табу, говорить о них можно только обиняками. Но уж когда она разговорилась, ее было не остановить.

— Мне дают по два фунта каждый раз, как еду сюда. Мама говорит, мне деньги не нужны, потому что я на всем готовом, но это глупо. Ты наверняка заметила, что я каждый раз прошу у тебя мыло. Нужно же на мыло, и шампунь, и все такое, и на любую покупку в школьном магазине, хоть на яблоко. И если не покупаешь булочек, все думают, что ты жадная или, хуже того, что бедная, и смотрят на тебя сверху вниз. Карен в прошлой четверти принесла мне булочку и гово-

рит: «Знаю, что ты не сможешь отплатить тем же, но пусть тебя это не беспокоит», так вкрадчиво говорит… Так что я в первую же неделю после каникул накупила булочек.

Я заметила, потому что она и на меня купила.

— Мне ты, правда, не обязана покупать булочки, — сказала я, — хотя, конечно, получать их приятно.

— Почти всем девочкам присылают в неделю по фунту, а некоторым и по два. Не знаю, как они умудряются разменивать бумажки на мелочь, потому что приходят они всегда в письмах. Никто точно не скажет, сколько получает, потому что вдаваться в подробности насчет денег вульгарно.

Вульгарно вдаваться в подробности насчет денег, а вот обсуждать, какая у твоего отца машина, и работа, и дом и из какого меха манто у твоей матери, — самое обычное дело. А я даже не знала, что бывают разные и тем более — какие считаются хорошими. Когда меня в первый раз спросили, я наугад ответила, что лисье, а Джози уточнила, из черно-бурой или обычной рыжей лисицы. Из формулировки вопроса так очевидно было, что черно-бурая лучше, что я не затруднилась с ответом. Конечно, у моей матери вообще нет

меховых манто, а если бы было, то, пожалуй, из какой-нибудь несчастной замученной ею твари. И все равно я считаю, что дурно носить меха, потому что дурно ради меха убивать зверей. Я не вегетарианка, по-моему, убивать животных в пищу можно, это другое дело. Они с нами поступают так же. Но мех мы отбираем не по необходимости, а только ради показухи.

До Рождества пять недель учебы, поэтому я разделила десять фунтов по два на неделю, этого вполне хватит. Хотя я подумываю на этих выходных купить лифчик, потому что с тех пор, как заметила свою грудь, я не могу о ней забыть, и хорошо бы затянуть ее в сбрую, чтоб не мешала.

Среда, 21 ноября 1979 года

Письмо.

Я его не вскрывала, но даже от прикосновения у меня разболелась нога, сегодня совсем плохо.

Сегодня утром, сидя здесь, дочитала «Вверх по линии», а больше у меня с собой ничего не было, так что пришлось взять что-нибудь с полок. Мисс Кэрролл суетилась, расставляя новые поступления, в основном публицистику, а я сидела в своем углу, отгородившись с двух сторон перегородками, а спереди стеллажом. Иногда я занимаю соседний отсек, чтобы смотреть в окно, но сегодня смотреть было не на что: серое небо, голые ветви и нескончаемый дождь.

Я собралась встать и пройти к полкам, но тут подошла мисс Кэрролл.

— Помнится, ты спрашивала Платона, — сказала она и положила передо мной новехонькое издание «Эвримэн» — «Республика» Платона. Она нечаянно оставила на столике рядом еще две книги: очень заманчивую на вид «Дочь времени» Джозефины Тэй и «Древний плен» Невила Шюта, его я, конечно, читала, это про Лейфа Эриксона.

«Республика» поскучнее «Пира». Там длинные монологи, и никто не врывается среди них, чтобы спьяну приставать к Сократу. Но все равно очень интересно. Мне думается, Сэм прав, ничего бы не получилось. Человеческая природа не позволит. Люди склонны вести себя, как ведут, просто потому, что они люди. А если Сократ думает, что десятилетние ему чистые доски, пиши что хочешь, так он давно забыл, как ему было десять лет! Вставьте в «Республику» меня с Мор, мы бы там в пять минут все вверх дном перевернули. Тогда уж надо начинать с младенцами, как в «Дивном новом мире», который, как я теперь вижу, писался под влиянием Платона. Могла бы получиться отличная повесть, как двое в платоновской республике полюбили друг друга и разрушили весь замысел. Любовь ведь была бы извращением, как голубизна для Лори и Ральфа. Если уж выбирать утопию, я бы предпочла Тритон или Анаррес. А вот что бы мне хотелось прочитать — это диалог Брона и Шевека с Сократом. Сократу бы тоже понравилось. Ему наверняка недоставало людей, умеющих спорить. Это заметно — видно, кто ему на самом деле по душе, особенно в «Пире».

Вернувшись после обеда на свое место, я заметила, что Шют и Тэй так и лежат. Она, как

правило, не трогает моих вещей, а если перекладывает, предупреждает куда или отдает. Но это ее книги. Все-таки я взяла почитать Тэй. По-моему, она ее нарочно для меня положила. Наверное, заметила, что мне сегодня трудно передвигаться, и принесла, чтобы я не осталась без чтения. «Республику» она наверняка для меня заказала. Я, пожалуй, единственная, кто пользуется библиотекой по назначению — нет, это несправедливо, девочки из шестого класса иногда заходят взять книги для сочинений. Я их видела. Но мне кажется, мисс Кэрролл заметила, что я все время сижу здесь и читаю, и решила сделать для меня что-то приятное.

Надо и ей сделать что-то приятное. Учителям тоже иногда покупают булочки. Считается ли мисс Кэрролл за учительницу? Или, может, подумать, что ей подарить на Рождество.

Четверг, 22 ноября 1979 года

Нога еще так себе. Думаю, не сходить ли снова к врачу. У сестры есть рецепт на дисталгетик, можно сходить взять таблетку. Я бы пошла, только это на два пролета вниз и еще один вверх.

Кто бы мог подумать, что Ричард Третий не убивал принцев в Тауэре?

Письмо от тетушки Тэг полно новостей. Теперь я разобралась в размерах лифчиков, хотя не знаю, как бы мне обмериться. Может, лучше подобрать несколько подходящих размеров и из них выбирать.

Пятница, 23 ноября 1979 года

Вчера в конце концов подошла к сестре, и она дала мне обезболивающее и сказала, что мне надо к врачу, она меня запишет. Подумавши, не вижу смысла, но спорить не стала.

Попросила Джилл выкинуть письмо в мусорный бачок на кухне. Оно помнется и промокнет от очистков и объедков и потеряет часть силы, а вскоре его и совсем выкинут. Я сначала просила Дейдру, но она не захотела к нему прикасаться. В общем, благоразумно.

Неудивительно, что фейри бегут от боли. Они любят забавы, а боль ужасно скучная.

Завтра надо быть в форме, чтобы дойти до библиотеки.

Суббота, 24 ноября 1979 года

В библиотеке для меня всего три штуки. Я их забрала, купила открытку для дедушки и прямиком поехала обратно. «Красная смена» и лифчик подождут до следующей недели.

Иногда я сомневаюсь, вполне ли я человек.

Хочу сказать: я знаю, кто я такая. Не то чтобы моя мать не могла спать с фейри — нет, так нельзя выразиться. «Спит с фейри» значит — умерла. Не думаю, что она не способна на секс с фейри, но тогда она бы непременно похвасталась. А она даже не намекала. Она бы не сказала, что это был Даниэль, и не вышла бы за него. Кроме того, Даниэль и вправду похож на нас, Сэм подтверждает. А дети фейри в песнях и сказках всегда бывают великим героями — хотя, если подумать, никогда не слышала, что сталось с ребенком Дженет от Там Лина. Зато посмотрите на Эарендила и Элвинг. Нет, это я не о том.

Я о том, что, глядя на других людей, на девочек из школы, и видя, какие они, и чему радуются, и чего хотят, я не чувствую себя одного с ними рода. А иногда… иногда мне все равно. На самом

деле, я очень немногих люблю. Иногда мне кажется, что жить стоит только ради книг, как на Хеллоуин, когда я захотела жить, чтобы дочитать «Вавилон-17». Не уверена, что это нормально. Меня больше волнуют люди из книг, чем те, кого я вижу каждый день. Дейдра иногда так мне надоедает, что хочется ее обидеть, назвать Дырой, как все называют, заорать, что она тупица. Я этого не делаю из чистого эгоизма, потому что она практически единственная, кто со мной разговаривает. А Джилл… от Джилл у меня иногда мурашки по коже. Кто бы отказался вместо этого запечатлеть дракона? Кто бы не поменялся местами с Полом Атрейдесом?

Воскресенье, 25 ноября 1979 года

Написала тетушке Тэг, поблагодарила. Она спрашивает, хочу ли я приехать на Рождество, так что напишу Даниэлю, спрошу. Думаю, он рад будет сбыть меня с рук. И еще написала письмо Сэму о «Республике», длиннющее. И надписала открытку для дедушки — она симпатичная, на ней слон лежит в постели, и из-под хобота торчит градусник.

Я скучаю по дедушке. Не то чтобы мне было много о чем с ним поговорить, как с Сэмом, просто он важная часть моей жизни. Он вписывается в мою жизнь. Бабушка с дедушкой нас растили, а они не обязаны были, могли бы оставить нас с матерью, а не стали.

Дедушка учил меня понимать деревья, а бабушка — стихи. Он знал все лесные деревья и цветы и учил нас различать деревья сперва по листьям, а потом по почкам и коре, чтобы мы могли узнать их и зимой. И учил сплетать венки из трав и чесать шерсть. Бабушка не так интересовалась природой, хотя и цитировала «Солнца поцелуй прощальный и веселый щебет птичий, мы в саду,

как в сердце бога, и нигде не будем ближе»[8]. Но на самом деле она любила слова, а не сады. Она учила нас стряпать и стихам наизусть на валлийском и на английском.

Собственно говоря, они были странной парой. Мало в чем сходились. Часто уставали друг от друга. У них даже общих интересов было не так уж много. Они познакомились на постановке пьесы — оба любили театр и мечтали играть на сцене. Однако они любили друг друга. Как она произносила: «Ох, Люк!» — любовно и устало.

Думаю, она чувствовала себя обреченной на такую жизнь. Она была учительницей, как ее мать и бабушка. Думаю, ей хотелось бы больше поэзии в жизни, так или иначе. Она откровенно поощряла меня писать стихи. Интересно, что бы она сказала о Т. С. Элиоте?

---

[8] Примечания: 8

Цитата из стихотворения «Сад Бога» английской поэтессы Дороти Френсис Герни (1858–1932). Строчки из этого стихотворения часто появляются на табличках в английских ботанических садах и их знают множество англичан, но вот о том, кто их автор, известно не многим.

Понедельник, 26 ноября 1979 года

Проснулась ночью — это был не сон. Я проснулась и не могла пошевельнуться, оцепенела, она была в комнате, нависала надо мной, я точно знаю. Я хотела крикнуть, разбудить кого-нибудь, но не могла. Я чувствовала, как она подходит, склоняется к моему лицу. Я не могла ни шевельнуться, ни заговорить, нечем было от нее защититься. Я стала мысленно повторять «Литанию против страха» из «Дюны»: «Страх — убийца разума, страх — это малая смерть», и тогда она исчезла, и я снова смогла двигаться. Я встала с постели, пошла попить воды, а руки так дрожали, что я половину пролила себе на грудь.

Раз она может сюда войти, в следующий раз она меня убьет.

Здешние фейри со мной не разговаривают, и нельзя написать Глорфиндейлу или Титании, спросить, как ей помешать. Даже если Даниэль отпустит меня на Рождество, до него еще месяц — ну, не так уж далеко.

У меня остались два маленьких камушка из круга, в котором я в прошлый раз сжигала пись-

ма, и я положила их на подоконник. Думаю, если она попробует пройти через них, камешки встанут каменной стеной, заслонят окно. На самом деле должен быть целый ряд камешков, песка или чего-нибудь такого. Беда в том, что в дортуаре спят еще одиннадцать девочек и любая сочтет их просто случайным мусором и запросто передвинет или выбросит. Наверное, я могла бы предупредить их, но они и так уже слишком запуганы.

Сквозь цветное стекло ей не пройти, уже это хорошо.

Я соберу кое-что и сделаю настоящее защитное волшебство, даже не дожидаясь разговора с фейри. Побаиваюсь, но не так, как боюсь, что она войдет, пока я сплю, и так вот меня заморозит. Я вообще не могла шевельнуться, а очень старалась.

Вторник, 27 ноября 1979 года

Странное дело, до чего трудно сосредоточиться на чтении в приемной. С одной стороны, мне как никогда хотелось провалиться в книгу, спрятаться в ней. С другой — надо было прислушиваться, не вызывают ли меня, поэтому любой звук отвлекал. Здесь все больные, это очень подавляет. Все плакаты про контрацепцию и болезни. Стены гнойно-зеленые. Лежат брошюры с призывом проверить зрение. Может, надо бы.

Список всего, что видела в окно, пока ждала: 2 перебранки, 1 человек с овчаркой — красивая овчарка, очень ухоженная. 6 велосипедистов. 12 обрюзгших домохозяек с 19 детишками. 4 ребенка школьного возраста без взрослых. 4 молодые пары. 1 младенец в коляске, ее катила женщина в тусклом платье. 1 ковыляющий старикан в джинсах — чем он думает? Джинсы — это для молодежи. 1 мужчина приехал на мотоцикле. Миллион машин. 2 бизнесмена. 1 таксист. 1 усач с женой. 2 блондинки в одинаковых зеленых плащах прошли дважды, в одну сторону и обратно. Может, сестры? 1 пара близнецов средних

лет (я как-то видеть не могу близнецов, хоть и знаю, что это глупо). 1 надутый тип в вечернем костюме (среди бела дня?). 1 мужчина в розовой рубашке (розовой!). Скинхед с большой кружкой в виде дракона (он задержался перед окном, я успела рассмотреть). 1 деловая женщина в костюме в узкую полосочку, с портфелем. (Она на вид очень лощеная. Хочу ли я походить на нее? Нет. И ни на кого, кого я знаю.) 6 подростков в спортивных костюмах на пробежке. 8 воробьев. 12 голубей. Черно-белая дворняга без хозяина, в основном, наверное, терьер, задирала лапку на мотоцикл. Бежала сама по себе, очень бодро, и все обнюхивала. Может быть, я хотела бы быть как он. Кто обратил на меня внимание. 1 мужчина в полотняной рубашке махнул мне рукой. Забавно, какие люди вообще ненаблюдательные.

Когда наконец очередь дошла до меня, доктор был очень краток. У него на меня не нашлось времени. Сказал, что назначил мне визит в ортопедическую больницу, мне там сделают рентген. Столько пришлось ждать среди ноющих детей и дряхлых стариков ради двух минут его внимания. И ради этого я пропустила физику?

Зато я купила два яблока и новый шампунь и обратно возвращалась через библиотеку, успела

вернуть три книги и забрать четыре новых, так что, считаю, поездка в город вышла успешной.

Дожидаясь автобуса до школы, думала о волшебстве. Я хотела, чтобы автобус пришел, и не знала точно, когда его ждать. Если обратиться к магии, предположим, автобус сразу вывернул бы из-за поворота, но он бы не воплотился из ничего. Автобус где-то на маршруте. Предположим, они ходят два раза в час, тогда, чтобы автобус пришел сразу, как я пожелала, он должен раньше выйти, а ведь кто-то должен на него успеть, каждый садится и выходит в свое время, и каждому нужно поспеть к своему сроку. Чтобы автобус пришел, когда я пожелала, пришлось бы все это изменить, даже время, когда они просыпаются, и все их расписание в обратную сторону, чтобы людям, которые весь месяц успевали на автобус в другое время, сегодня не пришлось бы ждать. Бог весть, насколько сильно это изменило бы весь мир, а это всего-то ради автобуса. Не понимаю, как фейри решаются. Я не знаю никого, кому хватило бы ума все это просчитать.

Волшебство не всесильно. Глори не сумел вылечить бабушку от рака, хотя он хотел и мы хотели, чтобы у него получилось. Он может вернуть в прошлое, но не может оживить Мор. Я помню,

когда она умерла и тетушка Тэг мне сказала, я подумала: «Она знает, и я знаю, и люди рассказывают друг другу, и все больше и больше людей знают, это расходится как круги на воде, и ничего уже не переделать, если только не начать с чистого листа». Это не то, что упасть с дерева, когда тебя никто, кроме фейри, не видит.

Среда, 28 ноября 1979 года

Джилл вчера ночью пробралась в спальню, чтобы принести мне книжку про ученых. Она сидела у меня на кровати, и мы разговаривали, и она меня обняла, как бы невзначай, но я видела, что нарочно и что она глаз с меня не сводит. Я вскочила и сказала, что ей пора уходить, но потом Шарон очень странно на меня поглядывала, и мне кажется, что она подсмотрела. Не могла ли я чем-нибудь поощрить Джилл? Или дать ей понять, что она мне интересна в этом смысле? Все это очень неловко, а ведь она одна из немногих, кто со мной разговаривает. Думаю, надо мне с ней обсудить это, но не в дортуаре! И я опасаюсь отзывать ее для разговора наедине, вдруг она его тоже примет как поощрение, а потом обидится, что не то.

«Я захватываю замок» оказалось совсем не то, что я ждала, но там есть место, где героиня влюблена в одного мужчину, а ее любит другой, и она думает, что могла бы обойтись и тем, но все-таки понимает, что ничего не выйдет, и все-таки не хочет его обижать. То, как ей не хочется его

обижать, похоже на то, как я отношусь к Джилл и *этому*. Право, я думаю, то же самое вышло бы и с мальчиком, с которым я дружила бы. Скажу об этом Джилл, когда выпадет случай. Может, в субботу или завтра после химии?

Один камешек с подоконника сбили, но я вернула его на место. Это временное средство, но пока действует. Больше посещений не было.

Четверг, 29 ноября 1979 года

Жуткий сон. В самом деле, с этим надо что-то делать. Так я долго не выдержу. Сделаю все этой ночью, если не будет дождя.

Почему я не как все?

Смотрю я на Дейдру, у нее жизнь идет гладко. Или это мне только кажется?

Она подошла ко мне на перемене, отвела в сторону.

— Шара говорит, что видела, как Джилл к тебе приставала, — и смотрит на меня так доверчиво.

— Может, Шара и видела, но я Джилл не интересуюсь и так ей и скажу, — ответила я.

— Это дурно, — с полной уверенностью сказала Дейдра.

— Не думаю, что это дурно, если оба хотят, но в данном случае я не хочу.

После химии поговорить с Джилл не успела. Мне кажется, не сторонится ли она меня? Может, вовсе и не нужно нам разговаривать.

Пятница, 30 ноября 1979 года

Встала в самой глубине ночи, колдовала. Спустилась по вязу на землю, нашла круг, который выкладывала в прошлый раз, и снова его сложила. Луна зыбко просвечивала сквозь облака. Огня на этот раз не разводила.

Не хочу записывать, что я сделала. У меня насчет этого суеверное чувство, что этого нельзя, что даже того, что сказала, не надо было говорить. Может, записать это не только задом наперед, но и вверх ногами и по-латыни? Думается, я знаю, почему люди не пишут настоящих волшебных книг. Просто слишком трудно подбирать слова, чтобы описать случившееся обиняками, даже если сам это проделал. И все равно в конце концов мне показалось, что на самом деле я не знаю, что дальше, и импровизирую как сумасшедшая. Совсем не то, что исполнять, что велели, и в приличной уверенности, что сработает. Луна всегда была мне другом. И все равно.

Раньше они всегда говорили нам, что делать. Глорфиндейл подсказал бросить цветы в воду, сказал мне утопить гребешок в болоте. Стоя в сво-

ем кругу, я чувствовала себя совсем неопытной, как будто это игра и вряд ли сработает. Магия очень странная штука. Я все поглядывала сквозь голые ветви на луну в облаках и ждала, чтобы она ненадолго выглянула. Я сочинила стихи, чтобы их петь, они, по крайней мере, помогли мне настроиться.

Я пользовалась тем, что помнила, и тем, что сама сделала, и тем, что казалось подходящим. Я колдовала на защиту и чтобы найти карасс. У меня было яблоко — было два, и я несколько дней хранила их вместе, чтобы привыкли друг к другу, хоть они и не с одного дерева, а потом одно съела, и оно стало частью меня, а другое использовала. Яблоки связаны с яблонями, и с возделанной землей, и с Эдемом, и с садом Гесперид, и с Идун, и с Эридой — и еще я всегда в начальной школе хранила в парте яблоко, пока оно доспеет и переспеет, размякнет, как мешочек сладкого сока, и не выбрасывала, пока на одном боку не появлялась плесень. Это была сильная связь. В Древней Персии, а теперь, по-моему, в некоторых областях Индии практикуют «небесные похороны», когда покойников кладут на помосты, и птицы их клюют, и они разлагаются на виду. Должно быть, это мощная магия, но ужасно, наверное, когда

человек, которого ты знал, распадается у тебя на глазах. Может, в кремации нет волшебства, зато это чистый способ.

Так или иначе, я надрезала палец и воспользовалась кровью. Я знаю, что это опасное средство, но и сильное.

Я видела фейри, который заговорил со мной в прошлый раз, с дерева. Среди ветвей виднелись и другие глаза, но тех я не узнала, а они не заговаривали. Не знаю, как с ними сдружиться и заслужить их доверие. Они не похожи на наших фейри, более дикие и дальше от людей.

Даже после того, как чувствовала себя забытым багажом, даже после Хеллоуина, я никогда так не чувствовала себя половиной человека, как этой ночью. Как будто мне руку отрубили, как будто я привыкла все держать двумя руками, а теперь кое-как обхожусь одной, только в смысле магии. И все-таки… этого я не пыталась исцелить. Только сейчас об этом задумалась. И про ноги тоже. Интересно, получилось бы? Чувствую, что пробовать опасно, что даже попытка наколдовать карасс была опасной. Может, надо было ограничится защитой, в которой я в самом деле *нуждаюсь*. Наколдовывать себе то, чего хочется, небезопасно. Глорфиндейл меня предупреждал.

Большей части того, что мне хочется, я не получу еще много лет, если вообще получу. Я это знаю. Но карасс ведь возможен, правда? Или попытка была слишком рискованной?

Конечно, нельзя определить, получилось или нет. Это вечная проблема с магией. Одна из проблем. Среди других…

Я сегодня совсем без сил. Чуть не уснула над Диккенсом на английском. Учитывая, что он и в лучшие времена нагоняет дремоту. Я все время зеваю. Но, может быть, сегодня буду спать без сновидений. Проверим.

Суббота, 1 декабря 1979 года

Сегодня в библиотеке меня остановил мужчина-библиотекарь.

— Ты заказывала «За завтрашними горами»?

Я кивнула.

— В Британии книга не издавалась, боюсь, что мы не сумеем ее для тебя получить.

— А, — разочарованно протянула я, — ну, все равно спасибо.

— Я заметил, что ты выписываешь много книг по рассылке, — добавил он.

— Она сказала… библиотекарь сказала, что можно, — запнулась я. — Сказала, что это бесплатно, потому что мне еще нет шестнадцати.

— Все в порядке, заказывай, сколько хочешь, мы их для тебя получим, — ответил он.

Я расслабилась и улыбнулась ему.

— Просто я заметил, что ты читаешь много фантастики, и подумал, не захочешь ли по вторникам ходить в наш клуб НФ.

«Карасс! — подумала я. — Чары действуют!» У меня слезы выступили на глазах, и я не смогла отвечать, пока их не проглотила.

— Не знаю, отпустят ли меня из школы, — неуклюже сказала я. — Это во сколько?

— Мы начинаем в шесть и обычно до восьми. Прямо здесь, в библиотеке. Насколько я понимаю, девочкам из Арлингхерста для посещения внешкольных занятий нужна подпись родителей и учителя или библиотекаря.

— Библиотеку мне разрешили, — напомнила я.

— И верно. — Он мне улыбнулся. Он чуть-чуть лысеет с макушки, но не такой уж старый, и улыбка у него милая.

— И это очень полезно для развития, — добавила я.

— Несомненно, — согласился он. — Не знаю, получишь ли ты подписи к этому вторнику, когда мы будем говорить о Ле Гуин, но в следующий вторник у нас обсуждение Силверберга, который, как я заметил, тебе нравится.

Я все записала, забрала книги, ушла и устроилась в булочной с кофе. Я чуть не пела от счастья. Карасс или зачаток карасса! Ох, как я надеюсь попасть туда во вторник! Я только потому не брала Ле Гуин в библиотеке, что уже все перечитала, во всяком случае, все, про что знаю. И мне есть что о ней сказать! Карасс! Чудо! Я чуть не запела от восторга.

Воскресенье, 2 декабря 1979 года

Мисс Кэрролл подписала мне отпуск в книжный клуб! Она сказала, что мне придется заранее делать задания по самоподготовке, но это я запросто. Она сказала, что моя успеваемость это позволяет, но чтобы отметки не стали хуже из-за книжного клуба. Я обещала, что не станут. Она спросила, понравилась ли мне Тэй, и я ответила, что очень, и это правда.

Карпентер в книге об Инклингах пишет, что Льюис под Асланом подразумевал Христа. Я вроде как вижу это, и все равно это кажется немного изменой. Аллегории… Не удивительно, что Толкин так резко о них говорил. Я бы тоже резко высказалась. Чувствую себя обманутой, потому что не заметила сразу. Иногда я бываю такой глупой… но Аслан так много значит сам по себе. Не знаю, что я думаю о Христе, зато знаю, что думаю об Аслане.

Я написала дедушке и тетушке Тэг, рассказала им про книжный клуб. И написала Даниэлю, умоляла прислать подпись для клуба. Почти уверена, что он согласится. Еще я написала об

этом объединении Аслана с Христом, потому что мне интересно, что он об этом думает, и еще раз спросила насчет поездки домой на Рождество. Дедушке я написала, что постараюсь.

Наконец-то поговорила с Джилл. Дождь лил как из ведра, и после уроков все пошли танцевать в зал, а не играть на улице, а она задержалась, не отправилась сразу переодеваться, и тут я вышла из комнаты, где писала письма. Она ничего прямо не сказала, а я произнесла: «Джилл, может, я неправильно поняла, но я хотела сказать, что хочу с тобой дружить, а физические отношения меня не интересуют».

— Ты говорила, что не любишь мальчиков, — выдавила она.

Говорила, вспомнила я.

— Это не значит, что я люблю девочек, — ответила я. — Я не вижу в этом ничего дурного, мне кажется, многие интересуются и теми и другими, но я, видимо, нет. Прости, наверное, это я со странностями.

Все случилось в дверях комнаты для самоподготовки, и кто-то подошел сзади и стал проталкиваться внутрь, и Джилл только махнула рукой и убежала переодеваться. Надеюсь, что вышло нормально. Как все это сложно!

Понедельник, 3 декабря 1979 года

Даниэль прислал еще десять фунтов и написал, что они хотят видеть меня на Рождество в Олдхолле, но что потом я смогу съездить на несколько дней в Южный Уэльс. Фе… Зачем я им там? На что я нужна? Я бы лучше помогла тетушке Тэг с дедушкой, особенно если его отпустят на день. В Олдхолле, по всему видно, только и думают, как от меня отделаться. Даниэль… ну, о нем я не знаю, что думать. Я благодарна, что он забрал меня из приюта, но школа не многим-то лучше. Кажется, он хочет наладить связь, а сколько времени не хотел. Но уверена, что ему и его сестрам без меня будет лучше. И что бы им подарить? Если на Рождество буду у них, коробочкой конфет не обойтись. Мука мученическая. Ну что ж, хотя бы потом можно будет уехать в Южный Уэльс.

Вторник, 4 декабря 1979 года

Конечно, письма с подписанным разрешением от Даниэля не пришло. Нечестно было его и ждать, почта никак не могла успеть. Но это мой карасс, и сегодня все пройдет без меня, а они будут говорить об «Обделенных», и я невольно злюсь. Надо полагать, это происходило каждый вторник и раньше, но я-то не знала, а теперь знаю. Если только все это не началось по волшебству, а не только то, что он меня пригласил. Чем больше размышляю о магии, что она может и как на все влияет, тем меньше мне хочется в это впутываться.

В школе сегодня особенно скучно. Я привыкла, что меня обзывают, но кое-кто повадился, когда я прохожу мимо, петь песенки вроде «Джона-с-костылем» — или просто мычать мотив, если учитель рядом. Они нарочно меня бесят, так что я их игнорирую. Внешне это гораздо проще, чем внутри. Дейдру так же дразнят песенкой «Дэнни-бой» и доводят иногда до слез. Что ужасно в Дейдре, это что она вся будто штампованная. Она ирландка и не из самых светлых умов. Карен дала

ей откусить от брикетика мюсли, так она сказала, что вкус как у непропеченной рождественской елки. Она, конечно, имела в виду рождественский пирог, на вкус и правда похоже, но теперь все смеются, что в Ирландии пекут елки. Я, когда услышала, не удержалась от смеха, потому что звучит так нелепо. Я хочу сказать, она и сама смеялась. Это не было жестоко. А что жестоко, это что они не унимаются, и, конечно, именно потому, что она обижается. Нельзя, чтобы они заметили, как меня задевает эта дурацкая «Джек-с-костылем, три ноги при нем».

Не могу простить Льюису его аллегории. Теперь понимаю, почему Толкин в предисловии говорит, что их ненавидит. Нельзя взять что-то существующее само по себе и сделать из него замену чему-то другому. Вернее, можно, но нельзя это навязывать. Если видеть в Нарнии пересказ Евангелия, саму Нарнию это принижает. Думаю, мне трудно будет забыть об этом, когда стану перечитывать. Какая досада! Однако, по словам Карпентера, Льюис в некоторых книгах и открыто писал о христианстве. Может, стоит почитать их. Должна сказать, у меня ужасно сложные отношения с религией. И от уроков по ней еще хуже. Пока в классе нудят апостола Павла, я читаю Биб-

лию. В ней есть хорошие сюжеты между всей этой скучищей. Но в ней большей частью не столько богословие, сколько история, а мне было бы очень интересно знать, говорил ли Льюис что-нибудь о фейри — ведь в «Принце Каспиане» у него есть менады, а они всегда немножко напоминали мне фейри. Здесь у нас только его межпланетная серия, но я посмотрю «Просто христианство» в городской библиотеке, а если там нет, так для чего существует межбиблиотечная рассылка?

Пока я это писала, подошла мисс Кэрролл.

— Твой отец подписал разрешение для книжного клуба? — спросила она.

— Пока нет, — ответила я. — Наверняка подпишет, просто он не успел.

— Если хочешь, могу тебя сводить. Если я все время буду присутствовать, *in loco parentis*, это можно. Как водить девочек в театр. Я договорилась с мисс Эллис, она разрешила.

Она улыбнулась мне.

— А вы-то хотите пойти? — спросила я. Всегда я такая неуклюжая, когда люди ко мне добры. Я не нарочно, это само собой выходит.

— Это, должно быть, интересно, — ответила она.

— Разве вы читаете фантастику?

— Я стараюсь читать все, что есть в библиотеке, чтобы рекомендовать другим. Фантастику, разумеется, читала. У меня это не самые любимые книги, в отличие от тебя, но кое-что я читала. Даже Урсулу Ле Гуин — «Волшебника Земноморья».

— Вам понравилось? — спросила я.

— По-моему, отличная книга. — Мисс Кэрролл присела на стол напротив меня и взглянула вопросительно. — Что такое? Я не ожидала собеседования на пригодность к книжному клубу. Я думала, ты обрадуешься.

— Я рада, — сказала я. — Спасибо вам. Я правда хочу пойти. Просто я не привыкла… в смысле, не могу до конца поверить, что вы пожертвуете для меня целым вечером.

На самом деле она совсем молодая. У нее, наверное, есть парень или хотя бы место, где она живет, готовит себе ужин и без помех читает книжки. Честно сказать, оказалось довольно трудно представить ее жизнь после школы. Но, чем бы она ни занималась, она могла бы и сегодня этим заняться, а вместо этого идет в клуб научной фантастики, потому что мне хочется. Почему она так поступает? Не думала, что волшебство так хорошо действует. Это страшновато.

— Это будет интересный опыт, — сказала она. —

Любопытно, как работает городская библиотека. И о книгах я всегда рада послушать. Может быть, стоит и у нас открыть клуб книголюбов. Кое-кто из старших девочек мог бы заинтересоваться. А еще, — она склонилась ко мне и понизила голос, хотя мы, как обычно, были одни в библиотеке, — в библиотечном училище, кроме всего прочего, внушают, что мы всегда должны заботиться о нуждах клиентов, чтобы они были довольны. Так вот, ты, определенно, мой лучший клиент, одна из немногих, кто по-настоящему пользуется библиотекой, так что позаботиться о тебе для меня важно.

Я рассмеялась.

— Спасибо вам! Большое-большое спасибо!

Итак, я вечером иду в книжный клуб! Мисс Кэрролл заберет меня после ужина.

Среда, 5 декабря 1979 года

Конечно, они не поняли сразу, что я из их карасса, и не прижали меня к груди. Но и так было блеск.

Я так боялась опоздать, что мы пришли раньше времени. Библиотека только закрывалась. Библиотекарь очень удивился, увидев меня с мисс Кэрролл.

— А, мисс Маркова, — сказал он, и это буквально первый раз, когда меня так назвали. «Мисс Фелпс» и раньше иногда звали, но «мисс Маркова» никогда. Странноватое чувство. — Выбрались все-таки.

— Это мисс Кэрролл, она библиотекарь у нас в школе. А это м-м… — я замялась.

— Грег Манселл, но, пожалуйста, зовите меня Грег.

— Тогда я — Элисон, — к моему полному изумлению, ответила мисс Кэрролл, и они пожали друг другу руки. Я по глупости не задумывалась, что у нее есть и имя, может, потому что Кэрол бывает и именем.

Я понимала, что надо бы назвать и свое имя, что

они оба на меня смотрят и ждут, но у меня язык прилип к нёбу, и я ничего не сумела выдавить. Не то чтобы я забыла собственное имя, просто не знала, какой вариант выбрать.

— Мори, — сказала я после слишком затянувшейся паузы. — Друзья зовут меня Мори.

Тут пришли еще двое, оба средних лет, но один высокий — Брайан, а второй низенький и коренастый, Кейт. Грег достал ключ и открыл нам комнату на задах библиотеки.

Библиотеку, должно быть, строили лет сто назад. Она викторианская, с каменными оконными проемами в кирпичных стенах. Комната, где проводятся встречи, была раньше читальней, а теперь читальный зал наверху, в каталоге, а эта стоит запертой. Она отделана деревом на высоту примерно до локтя, а выше простенки между окнами выкрашены кремовой краской — в одной стене много окон, но что за ними, я в темноте не разглядела. На длинной стене большая темная викторианская картина: изображены читатели за маленькими столиками между книжными полками. Эта комната совсем не такая — там один длинный стол посередине и вокруг старые деревянные стулья. Еще два бюста по обоим концам длиной прямоугольной комнаты. Один

Декарта, который мне незнаком, но лицо у него удивительное, а другой Платона, да!

Я села с краю стола лицом к картине, спиной к окнам, и мисс Кэрролл села со мной рядом. Мужчины — они, конечно, все между собой знакомы — разговаривали стоя. Подошли еще несколько мужчин, некоторые моложе, но все самое малое под тридцать. Потом вошли два мальчика в бордовых форменных пиджаках местной средней школы. Я бы дала им лет шестнадцать или семнадцать. Я уже подумала, что женщин не будет, когда вошла крепкая седая женщина и села во главе стола. Она принесла большую пачку книг Ле Гуин в твердых переплетах, и деловито стала их раскладывать. Увидев это, и другие стали рассаживаться. Я пожалела, что не принесла книг, хотя, конечно, у меня ничего нет, кроме добрых старых «Двенадцати румбов ветра, т. 2». Все мои книги так и остались у матери, но книги можно заменить.

Мисс Кэрролл немного занервничала при виде этой кипы книг.

— Ты все это прочитала? — тихо спросила она меня.

Я посмотрела внимательно, и да, все, кроме «Глаза цапли».

— Все, кроме одной, — ответила я, — и еще читала одну, которой здесь нет: «Слово для леса и мира одно».

— Много же ты читаешь фантастики, — сказала она.

И тут седая женщина вздохнула, будто собиралась начать, и как раз тогда дверь открылась и вошел мальчик — молодой человек, — практически не вошел, а ввалился. Ничего шикарнее я не видела: длинные светлые волосы вразлет, ярко-синие глаза, страстный взгляд, хотя это я не сразу рассмотрела, и такая непринужденная грация движений, даже когда он спотыкается о собственные ноги.

— Простите, что опоздал, Гарриет, — извинился он, одарив женщину ослепительной улыбкой. — Шину проколол.

Как жестоко шутят боги: такое великолепное создание, и ездит на велосипеде! Он сел прямо напротив меня, так близко, что видны были капли дождя на волосах. Я задумалась, почему он не в университете. В нем было что-то от льва или от молодого Александра Македонского.

— Я собиралась начинать, но ты не опоздал, — улыбнулась ему Гарриет. Гарриет! Впервые встречаю такое имя в жизни! Мне пришло было

в голову, не она ли Гарриет Вейн, потому что она подходящего возраста, хотя к Гарриет Вейн обращались бы «леди Питер», и вообще та просто литературный персонаж. Я различаю, правда.

Грохнула дверь, и вошла девочка-подросток. В бордовом пиджаке, который ужасно смотрелся с ее ярко-рыжими волосами. Она села с мальчиками в таких же пиджаках — я теперь заметила, что они заняли ей место между собой. Я… не то чтобы приревновала, но что-то во мне сжалось.

Но тут Гарриет начала доклад о Ле Гуин. Она говорила минут пятнадцать или двадцать. Потом завязался общий разговор. Я говорила куда больше, чем следовало. Все время это понимала, но остановиться не могла. Не то чтобы я перебивала, что было бы непростительно, но просто влезала, даже когда очередь была не моя. Мисс Кэрролл за все время ничего не сказала. Шикарный парень сделал очень проницательное замечание по поводу «Резца небесного». Один из мужчин, вроде бы Кейт, сказал, что повесть похожа на Филиппа Дика, что полная чушь, но шикарный парень возразил, что, хотя поверхностное сходство имеется, Ле Гуин нельзя сравнивать с Диком, потому что ее персонажи похожи на людей, а у него нет, и я сама бы сказала именно так. По книге, оказыва-

ется, есть фильм, его никто не смотрел.

Еще он сказал, что она, возможно, так хорошо пишет о науке, хотя сама не из ученых, потому что понимает, что творчество во всех областях есть творчество. Они с Брайаном согласились, что она точно описывает научную работу, и, судя по тому, как к ним прислушивались, они, видимо, сами из ученых. Я не спросила, чем они занимаются. Я и без того слишком много говорила, как уже сказано. Я все думала, что еще сказать и спросить, и думала, что слишком много говорю и надо дать и другим сказать, а потом придумывала, что еще должна сказать, — и говорила. Надеюсь, я не слишком всем надоела.

Шикарный парень — в следующий раз надо узнать, как его зовут, — не сводил с меня глаз, пока я говорила. Это очень обескураживало.

Но интереснее всех сказал один из ребят в бордовых пиджаках. Я говорила о том, что у Ле Гуин миры реальные, потому что у нее реальны люди, и он сказал: да, но люди у нее так реальны потому, что именно таких людей могли породить ее миры. Если заставить Геда расти на Анарресе или Шевека в Земноморье, они окажутся другими людьми, человека создает окружение, и конечно, в мэйнстримной литературе это всегда

очевидно, но в НФ редкость. Это чистая правда, и это очень интересно, и я опять не удержалась и вставила, что это подходит и к «Резцу небесному», и к тому, что случается с человеком в разных мирах, и к тому, что серый в мире серых людей неизбежно станет другим, чем смуглый в мире смешения рас.

Не припомню, когда я так хорошо проводила время, и если бы не страх, что я слишком много говорила, я бы сказала — полный успех. Есть одна штука — я часто замечала. Когда я в первый раз заговариваю, люди меня будто не слышат, как будто не могут поверить, что это я такое говорю. Потом они начинают прислушиваться, забывают, что это говорит девочка, и уже готовы поверить, что меня стоит послушать. С теми людьми это далось легче обычного. Чуть ли не со второго раза, как я открыла рот, они слушали уже не снисходительно, а внимательно. Мне это понравилось.

Потом Кейт спросил, кто пойдет в паб. Роскошный парень пошел, и Гарриет, и Грег, но подростки в бордовых пиджаках — нет, и я нет, мне надо было возвращаться в школу. Все со мной попрощались, но я совсем смутилась и еле ворчала языком, выговаривая «До свиданья и до встречи на следующей неделе».

Мисс Кэрролл поговорила с Грегом, а потом мы сели к ней в машину и поехали обратно.

— Тебе не часто удается поговорить о том, что для тебя важно? — спросила она.

Я смотрела в ночь, в темноту. От городских светофоров до школы нечему светиться, кроме редких окошек ферм, и поэтому автомобильные фары врываются в темноту пришельцами. Я заметила мышей и кроликов и нескольких фейри, шмыгающих в мрак из луча фар.

— Да, — сказала я, — мне вообще редко случается говорить с людьми.

— Арлингхерст в своем роде очень хорошая школа, — заметила она.

— Не для таких, как я, — возразила я.

— Последний автобус к школе отходит в восемь пятнадцать, — сказала она. — Сегодня они закончили ближе к девяти. Я спросила Грега, как библиотекаря, не смог бы он подвозить тебя обратно, и он согласился. Лишь бы ты была в постели до того, как погасят свет.

— Он очень добр. И очень добр, что вообще меня пригласил. Вам не кажется, что я слишком много говорила?

Мисс Кэрролл рассмеялась, сворачивая мимо вязов на дорожку к школе.

— Пожалуй, немножко слишком. Но тебя слушали с интересом. Я бы на твоем месте не беспокоилась.

Я все равно беспокоюсь.

Четверг, 6 декабря 1979 года

Дни стали ужасно короткими. Кажется, все время темно. Светает только в десятом часу, поэтому мне не выйти на улицу по утрам. У меня была привычка выскакивать на минутку до завтрака, хоть немножко подышать. Я никуда не ходила, просто стояла у гардероба и дышала, прежде чем вернуться в гомон столовой. На завтрак дают хлеб с маргарином, зато сколько хочешь, и пережаренный водянистый английский омлет с консервированными помидорами — этого я не ем. По воскресеньям и изредка в другие дни дают еще сосиски — пищу богов. Сотрудники на завтрак не приходят, так что все говорят во весь голос, и, естественно, всем приходится орать, чтобы их услышали. Шум как в медвежатнике, только тоньше. Я иногда слышала его от дверей гардеробной через весь коридор, это вроде тех сумасшедших домов, которые люди восемнадцатого века посещали для забавы, послушать, как завывают безумцы. Бедлам.

И к окончанию уроков уже темно или почти темно. Зажигают свет, а солнце прячется за го-

ризонтом. Небо еще немножко освещено, но уже точно ночь, а не день. Я люблю отойти от здания школы, обернуться и смотреть на огоньки, которые в сумерках кажутся оранжевыми. Они мне почему-то напоминают, как мы с Мор однажды под Рождество шли домой из школы с бабушкой и обе держали ее за руки. Может, ее школа закрылась на каникулы на день раньше нашей, вот она и смогла нас встретить. Мы были еще в малышовой, лет шести, наверное.

Я только помню, как держалась за ее руку и оглядывалась на огоньки в не совсем еще темном небе.

Воспоминания навевают тоску, но от тех чувств, которые вспоминаются, мне достается немножко надежности и волнения. Воспоминания — как большая груда ковров, я мысленно снимаю слой за слоем и не слишком разглядываю каждое в отдельности, но если захочется, можно вернуться, войти в какое-нибудь и вспоминать. На самом деле я в него не ухожу, не в том смысле, как уходят эльфы. Просто, если я вспомню, как грустила, сердилась или огорчалась, немножко того чувства возвращается ко мне. То же самое, конечно, и со счастьем, хотя счастливые воспоминания легко сносить до дыр, если слишком часто к ним

обращаться. Если так делать, к старости дурные воспоминания окажутся свежими, потому что их отталкиваешь, а все хорошие сносятся. Я не стану нарочно вспоминать тот день с бабушкой, которого я уже толком и не помню. Я просто запомню эти короткие зимние дни, когда я ухожу от школы одна и оглядываюсь на освещенные окна.

Я болею от темноты. Я знаю, что коловращение лет — это жизнь. Я люблю времена года и фрукты по сезону. Яблоки, должно быть, уже отходят, и в лавке миссис Льюис наверняка уже продают ярко-оранжевые мандарины в дивной лиловой обертке с испанскими надписями. (Понюхать бы мандарин! Может, в субботу.) Но я начинаю ненавидеть эту темноту. В обед меня на улицу не выпускают, а только тогда более или менее светло, хотя и серо и часто идет дождь.

Дни снова станут долгими. Весна придет. Только ждать, кажется, очень долго.

Пятница, 7 декабря 1979 года

Пришел ответ от отца с отпуском в клуб — и самое время! Значит, на следующей неделе смогу пойти!

Я думала об этом книжном клубе и гадала, кто из них на самом деле мой карасс.

Шикарный мальчик? (Надо узнать, как зовут!) Он серьезно смотрел на меня своими прекрасными глазами. И даже если он в чем-то существенном ошибается, зато умеет слушать. Меня чуточку потряхивает, когда вспоминаю, как он смотрел. А что с теми тремя в бордовых пиджаках, они ведь мои ровесники? (Надо и их имена узнать, но это не горит.) С ними наверняка стоит познакомиться, и книгами они интересуются. Попробую в следующий раз с ними заговорить.

Гарриет? С ней не чувствую особой связи, но она очень умна. Брайан? Кейт? Не знаю. Другие, с кем я толком не познакомилась? Рано решать. Грег? Возможно. Мисс Кэрролл? (Элисон…)

Я, написав ее имя, подняла на нее глаза. Она за своим столом клеит ярлычки на книги. Что бы она ни говорила про заботу о клиентах, в клуб она

меня отвезла из-за волшебства. Я это знаю, и мне от этого не по себе. Волшебство работает с тем, что уже есть, я ей и так нравилась, и она меня замечала. Она достала для меня «Республику». Хотя волшебство распространяется и в прошлое. Может, если бы я не колдовала, она бы не заказала мне Платона. Я не знаю, в самом деле ей нравлюсь или это чары ее заставляют. А если я ей не нравлюсь, как мне отвечать ей взаимностью? Какой тогда в этом смысл?

И к остальному, конечно, это относится. Настоящий это карасс или я его наколдовала? Это как с приходом автобуса: столько дней, столько жизней меняется, просто чтобы автобус пришел, когда мне захотелось. Только это еще серьезнее — заставить их меня полюбить. Заставить быть моим карассом.

Я не подумала хорошенько. Я слишком абстрактно представляла карасс, не подумала о людях, что я ими манипулирую. Я их тогда даже не знала и вот что натворила.

Не так ли и она начинала? Моя мать, Лиз?

Хорошо бы поговорить об этом с Глорфиндейлом или с кем-нибудь понимающим. Не знаю, согласится ли он, но кроме него не с кем. Не понимаю, почему здесь фейри такие недружелюбные

— или, скорее, равнодушные. Им бы пора уже привыкнуть ко мне. Когда после Рождества поеду домой, найду его и поговорю, во что бы то ни стало.

Всегда ли дурно прибегать к магии? А если это не ради себя? И что же мне тогда, не защищаться, когда она ее применяет против меня? Или дурно было только колдовать на карасс, а для защиты нормально? Или — вечная ловушка с волшебством — все и так бы случилось, а я только вообразила, что это по волшебству? Нет, смотрите, как время совпало. Это я наколдовала карасс, и, может быть, это волшебство создало книжный клуб (который собирается не первый месяц). Я ни разу о нем не слыхала, а ведь все время ходила в библиотеку. Может, этих людей и не существовало даже. Может, Гарриет — она старше всех, может, родители ее не хотели, может, вся ее жизнь, лет шестьдесят наверное, существует только для того, чтобы появился книжный клуб, и у меня был карасс, и мы могли сидеть, обсуждая «Резец небесный», самую подходящую для этого книгу, и похожа ли она на Дика.

Боже, как я надеюсь, что не похожа. О сходстве с Диком даже думать неохота.

Я не хочу походить на нее.

Я больше не буду колдовать, а если буду — только чтобы защитить себя, и других, и мир. Лучше стать как Джордж Орр, чем отдать ей победу. Я не знаю, чем она занимается. Снов больше не вижу и отравленных писем не получаю. Беспокоюсь, не означает ли это, что она задумала что-нибудь похуже.

Чего ей на самом деле хочется, это стать темной королевой. Не знаю, как такое возможно, но она этого добивается. (Она читала ВК, и не обязательно, читая, она отождествляет себя со всеми злыми и надеется, что добрые не устоят перед искушением, но читала она наверняка, потому что в первый раз я брала книгу у нее. Оказывается, просто прочитать мало. Говорят же, что и дьявол может цитировать Писание.) Она хочет, чтобы все любили ее и боялись. Это безумная цель, но ей этого хочется. А мне нет. Зачем это надо? Дурно даже заставлять мисс Кэрролл (которая оторвалась от книг, чтобы улыбнуться мне в ответ на мой взгляд) меня любить.

Как можно желать, чтобы весь мир был марионетками?

Мы были очень даже правы, когда ее остановили, и дело того стоило, стоило того, чтобы умереть и чтобы жить сломанной. Если бы она

добилась своего, мы всегда любили бы свою мать, и все ее любили бы. Я знала, как это важно, но не по-настоящему.

С точки зрения этики магии нет оправдания.

Я хотела бы сказать, что жаль, я не знала этого раньше, но на самом деле я знала. Я знала, что выйдет, когда бросала гребешок в омут. Я думала про автобус. Я знала про нее. Это на моей совести.

Суббота, 8 декабря 1979 года

Грега сегодня в библиотеке не было, а книг всего три, не самые захватывающие. Я немножко огорчилась. Пошла в книжный. С очень низкого неба брызгал ледяной дождь, словно капли несло со всех сторон сразу. Зонтик от такого не помогает, да я и не могла бы раскрыть зонт, когда в одной руке трость, а в другой сумка. Когда шла вниз к книжному и прудику, ветер бил прямо в лицо. Все норовил сдуть шляпу. Это не такой дождь, которому можно радоваться, тут только морщишься и терпишь.

В книжном я встретила ту рыжую девочку. Она перебирала детские книги. Она меня заметила сразу, как я вошла, потому что ветер захлопнул дверь, и она, конечно, обернулась. У нее на плече висела здоровенная полотняная сумка и еще в руках были два мешка для покупок.

— Привет, — сказала она, шагнув мне навстречу. — Я тебя видела в клубе, но не помню, как зовут.

— И я так же. — Я старалась дружелюбно улыбаться и не думать, что чары сделали с ней и со

всем миром, чтобы я ей понравилась. Я чувствовала ее взгляд и гадала, что она обо мне думает. В черном пальто она выглядела не так ужасно, как в бордовом пиджаке. Волосы по-прежнему были цвета имбирного пива и очень непокорные, но сейчас выглядели просто немножко растрепанными, а не как взрыв на красильной фабрике.

— Я Джанин, — сказала она.

— Я Мори.

— Здоровское имя. А полностью как?

— Морвенна, — сказала я.

Джанин засмеялась.

— Не враз выговоришь!

— И верно. Оно значит «бурун».

На самом деле оно значит «белое море», но море как раз и бывает белым, когда с бурунов срывается пена.

Мы постояли немножко — дружески, но не зная, о чем говорить. Потом она сказала:

— Я ищу подарки к Рождеству. Всего две недели осталось.

— А я еще ничего не купила! — спохватилась я. — Ты всем покупаешь книги?

— Их мало кто из моих родственников оценит, — призналась она. — Но я после вчерашнего обсуждения надумала купить серию Земноморья

для Дианы.

— А у тебя нет? — спросила я.

— Нет, я их в детской библиотеке брала, — сказала она. — Кроме того, я поставила за правило, что моих вещей никто не трогает, и не собираюсь давать им свои книжки, когда только-только вбила это им в головы.

— Я бы купила книжку отцу, — сказала я. — Что-нибудь ему купить точно надо. Но откуда мне знать, что у него уже есть?

— А что он любит? — спросила Джанин.

— О, НФ.

— Ты потому и увлеклась фантастикой?

— Нет. Я с ним совсем недавно познакомилась, а читаю уже сто лет.

— Познакомилась со своим… — тут она осеклась и отвернулась. Переложила пакеты в другую руку и заговорила с натужной непринужденностью: — То есть они в разводе?

— Да, — ответила я, хотя до настоящего развода только сейчас дошло. Даниэль скрылся, не утруждая себя формальностями.

— Удачно, что он любит фантастику, — дипломатично заметила Джанин.

— Да. Нам хоть есть о чем поговорить. Так странно, когда человек твой отец и в то же время

незнакомец.

Это я в первый раз об этом кому-то сказала.

— Ты, наверное, была совсем маленькая?

— В пеленках, — подтвердила я.

— И мои родители разводятся, — очень тихо сказала она, глядя не на меня, а на полки. — Ужас. Все время ссорились, а теперь папа живет у бабушки, а мама льет слезы в суп.

— Может, помирятся, — неловко сказала я.

— И я надеюсь. Папа согласился прийти домой на Рождество, и я надеюсь, среди семьи, глядя на нас на всех на Рождество, он поймет, что любит ее, а не Дорин.

— Кто эта Дорин?

— Она работает на заправке при гараже, — ответила Джанин. — Его любовница. Ей всего двадцать два.

— Я очень надеюсь, что он вернется, — сказала я. — Слушай, давай зайдем тут рядом, выпьем чаю? А потом вернемся сюда за книгами.

— Хорошо, — согласилась Джанин.

Мы сели у окна, где я всегда сижу. Субботним утром там больше никого не было. Не знаю, как они держатся. Я заказала чай и медовые булочки нам обеим и две с собой в школу, на завтра для себя и Дейдры.

— Как ты узнала про книжный клуб? — спросила я.

— Мне Пит рассказал. Это темноволосый парень, ты его видела. Он был вроде как мой парень, но потом мы вроде как расстались и теперь просто друзья.

Она налила себе чаю и посластила.

— Ты теперь гуляешь со вторым?

Джанин фыркнула:

— С Хью? Шутишь? Он меньше меня ростом, и ему всего пятнадцать. Он еще в четвертом классе.

— А тебе сколько? — спросила я.

— Шестнадцать. А тебе?

— О, мне тоже всего пятнадцать и, учись я в нормальной школе, была бы в четвертом, хотя в Арлингхерсте это называется «нижний пятый»!

Я занялась чаем, налила почти чистого кипятка. Так мне вкуснее.

— Я думала, ты старше, — сказала она. — Для пятнадцати лет ты очень начитанная.

— Я только и делаю, что читаю, — призналась я. — Это Пит тебя приучил читать фантастику?

— Да, хотя мне такое и раньше нравилось. Но он давал мне книги, так что, да, он, и он привел меня в клуб. Мама говорит: фантастика — детское чте-

ние и только для мальчиков, но тут она не права. Я уговаривала ее прочитать «Левую руку тьмы», но она не так уж много читает, и больше любовные романы. Я вот нашла ей романчик «Врата поцелуев». Как раз для нее. — Она вздохнула.

— А вас сколько? — спросила я.

— Подарки надо купить на шестнадцать человек, — не задумываясь, ответила она. — Три сестры, мама с папой, бабушки-дедушки, две тетушки и один дядя, четверо двоюродных, один еще младенец. Ему я купила мишку. А тебе?

Я запнулась.

— В этом году все переменилось. Дедушка, тетушка Тэг, еще тетя, трое кузенов, отец и его сестры, наверное, — не представляю, что им дарить.

— А маме? — спросила она.

— Ей ничего не куплю, — со злостью выпалила я.

— О, даже так? — протянула она, но я понятия не имею, что она имела в виду.

— Да, и еще Сэм, — запоздало припомнила я. — Только Сэм — еврей, и я не знаю, правильно ли поздравлять его с Рождеством.

— Кто этот Сэм? — с набитым ртом спросила она.

— Отец моего отца.

— Значит, твой дед, — сказала она.

— Выходит, так.

— Ты, значит, еврейка?

— Нет. Кажется, чтобы быть еврейкой, нужно иметь мать-еврейку.

— По-моему, евреи не празднуют Рождество. Наверное, лучше купи ему что-нибудь посимпатичнее на день рождения, — посоветовала она.

Я кивнула.

— Еще мне нужно купить что-то для мисс Кэрролл, потому что она ко мне очень добра, отвела в книжный клуб и книги специально для меня заказывает.

— Это с которой ты приходила? Она очень молчаливая. Кто она?

— Библиотекарь из нашей школы. Она не будет со мной ходить, я стану ездить на автобусе, а домой будет отвозить Грег.

Джанин, дожевывая, задумалась.

— Тогда и Грегу нужно что-то купить, — сказала она. — С Грегом просто. Он любит темный шоколад. Можешь купить ему «Черную магию» или еще какой-нибудь.

— Думаю, для библиотекаря книга — не самый подходящий подарок, — заметила я.

— Да уж, вози уголь в Ньюкасл, — засмеялась она. — Может, мисс Кэрролл тоже подойдет шоколадка. У тебя, наверное, куча денег.

— Сейчас да, — ответила я и тут сообразила, о чем она. — Я не… понимаю, я из Арлингхерста, но это не значит, что я богатая. Наоборот. За меня платит отец или, скорее, его сестры. Она богатые и, по-моему, заносчивые. А моя семья — настоящие родственники — из Южного Уэльса, и все работают учителями.

— Зачем же тогда тетушки отправили тебя в Арлингхерст?

— Я на самом деле не воспринимаю родственников отца как своих, — сказала я. — Мне странно слышать, как ты зовешь их моими тетушками, а Сэма — дедом. — Я надкусила булочку, и мед так и брызнул на язык. — Они платят, чтобы сплавить меня в школу и не возиться со мной. Понимают, что Даниэлю теперь от меня не отделаться, а так им не придется слишком часто меня видеть. Хотя они зовут меня на Рождество, этого я не понимаю. Я могла бы поехать к тетушке Тэг. Но они решили забрать к себе.

— Никогда не думала, что частные интернаты бывают вроде свалки, — сказала она, облизывая губы от меда.

— А так и есть, — буркнула я. — Терпеть не могу. Но у меня выбора не было.

— Можешь уйти через год, когда тебе исполнится шестнадцать, — сказала она. — Можешь пойти работать.

— Я об этом подумывала. Но мне хотелось поступить в университет, а без аттестата никак.

Она пожала плечами.

— Можно сдавать экзамены экстерном. Как Вим.

— Кто это — Вим? — спросила я.

— Тот длинноволосый поганец, что во вторник сидел напротив тебя. Он бросил школу — нашу школу, Фицалан, а теперь работает в госпитале и доучивается до аттестата в колледже.

— Он поганец? — разочарованно спросила я. Он был такой роскошный, просто не верилось.

Она понизила голос, хотя рядом никого не было:

— Да уж! Я видела, как ты на него смотрела, и соглашусь, на вид он хорош, но он двуличный ублюдок. Его вышвырнули из школы за то, что он сделал девочке ребенка, и ей пришлось, говорят, пойти на аборт. Из-за чего я и разошлась с Питом, что он после всего этого остался дружен с Вимом и говорил, что Руфи сама виновата. Это та девочка,

Руфи Брэккет.

— А она какая?

— Довольно милая. Не такая умненькая, как Вим, не интересуется поэзией, книгами и тому подобным. Я ее не слишком хорошо знаю. Но знаю, что, если девочка забеременела, это не бывает только ее вина.

— Верно замечено. — Я допила чай и не заметила, как прикончила булочку. — Думаю, ты очень этично поступила, что разошлась из-за этого с Питом.

— Мы все равно дружим, — быстро возразила она. — Но гулять с ним я не стану, раз он так думает.

— А Виму сколько лет? — спросила я.

— Семнадцать. В марте у него день рождения, исполнится восемнадцать. Держись от него подальше.

— Буду. Да он на меня и не взглянет, — добавила я.

— Он, может, решит, что ты не знаешь. Кто из девочек знает, та с ним водиться не будет. А вообще на той неделе он на тебя засматривался. Ты вовсе не дурна. Если тебе немножко отрастить волосы и, может, подкрасить ресницы. Но только не ради Вима!

Я хотела поддразнить ее в ответ, но вспомнила, что сама это наколдовала, значит, так мне и надо. Булочка в животе лежала чугунным ядром, и слова не шли с языка.

Джанин ничего не заметила.

— Пойдем, я, если хочешь, помогу тебе купить подарки, — сказала она.

Мы вернулись в книжный, а потом поднялись в другую лавочку, где я купила симпатичные индийские шали разных цветов для Антеи, Доротеи и Фредерики, и халат с драконом для тетушки Тэг, и маленькое пресс-папье с бронзовым слоником для дедушки. Потом мы зашли в «Британские товары», и Джанин помогла мне выбрать лифчик — она в этом разбирается. Я бы не надела такого, со швами и кружевцами, но она высмотрела спортивный, с простыми чашками и без рюшечек. Спортивный, смешно сказать! Она ни разу не спросила, зачем у меня палка, как будто так и надо. Не знаю, от тактичности, из-за чар или по рассеянности.

Я едва успела на автобус. Джилл в нем сидела, но сидела в глубине, не подошла и со мной не заговорила.

Не считая волшебства, которое меня очень тревожит, Джанин мне понравилась. С ней было

как ходить по магазинам с подружкой дома, даже лучше, потому что она читала многое из того, что читала я. Она хотела бы запечатлеть дракона. Она сказала: встретимся в книжном клубе, и спросила, не хочу ли я в следующую субботу вместе закончить покупки к Рождеству. Очень приятно провести день не с полной дурой — для разнообразия. Возвращаясь в дортуар, чтобы сложить покупки в шкафчик, я подслушала хор «Дырка-дыра, из дыры кап-кап...», а потом бедняжка Дейдра выбежала, закрывая лицо руками.

Я, конечно, пошла за ней, но невольно сравнила ее с Джанин.

Насчет Вима жаль.

Воскресенье, 9 декабря 1979 года

Если церковь… религия… Если Иисус, Аслан… но я так не думаю. В каком-то смысле так и есть, но в переносном, не в буквальном. Не в таком смысле, который помогает. Иначе я бы уже пошла насчет нее к священнику. «Преподобный Прайс, остановите мою мать!» А он скажет: «Э-э, что? Что такое? Ты, кажется, Морин, или ты вторая? А как ваша бабушка?» И он бы взял свой посох… ну, посоха у него нет, он не епископ, но, может, он бы прихватил клюку церковного сторожа и отправился бы изгонять из нее бесов. Трудно такое представить.

Я еще хуже мысль надумала про магию. А вдруг все, что я делаю, что говорю, что пишу, вообще все во мне (и в Мор тоже) определено какими-то чарами, которые сотворит кто-то в будущем. Хуже всего, если моя мать, но вряд ли она, иначе бы мы не решили ее остановить. Но что, если это кто-то из будущего, в котором она победила, стала Темной Королевой Лиз, а они колдуют, чтобы мы восстали против нее и спасли их мир? Ну, пожалуй, против такого я бы не слишком воз-

ражала, хотя мне так же не хочется самой быть марионеткой, как делать марионетками других.

Я написала дедушке и тетушке Тэг, что не смогу приехать на Рождество, но приеду первым же поездом на Святках. Даниэлю писала большей частью про книжный клуб и кто что говорил.

Понедельник, 10 декабря 1979 года

Экзамены. Химия утром, английский после обеда. В библиотеке меньше обычного, пишу на самоподготовке. Я вроде как забыла про экзамены, вернее, знала и готовилась, но казалось, что они еще далеко. Не беда. Химические формулы и сочинение по Диккенсу я и в полусне напишу.

Вторник, 11 декабря 1979 года

Экзамены. Математика и французский.

Среда, 12 декабря 1979 года

Так вот, вчера вечером я получила отпуск в книжный клуб, показала разрешение и автобусом поехала в город. Странное чувство — идти одной в темноте. В автобусе было всего два человека: толстуха в зеленом пальто и старик в матерчатой кепке. Обычно там полно девочек из Арлингхерста. Я застеснялась школьной формы и дурацкой шляпки. Приехала немножко позже, чем в прошлый раз, но до начала успела. Джанин пришла раньше. Она вошла сразу после меня и села со мной. Мальчики, Пит и Хью, пришли позже и подсели к нам.

Все те же, кто был в прошлый раз, кроме Вима. Я было подумала, что он опаздывает, но его совсем не было.

Встречу вел Брайан. Ему больше хотелось обсудить широчайший диапазон тем у Силверберга — и правда широкий. Но будем откровенны — попадается и халтура. «Пасынков Земли», если серьезно, не сравнить с «Умирающим изнутри». Хью раньше Силверберга не читал, а к встрече клуба прочел «Вверх по линии» и «Путешествие

к Альфе Центавра».

— Вот вы все говорите: «Надо прочитать то, надо прочитать се», но я могу взять лишь то, что есть на полке, — заявил он. — А судя по ним, я вряд ли стану его еще читать.

А мне нравится «Вверх по линии». Да, питаю слабость к путешествиям во времени. Чуть ли не первая научная фантастика, какую я читала, были «Стражи времени», это Пол Андерсон. (Есть свои плюсы в алфавитном порядке.) И все-таки я его понимаю. Все согласились, что Силверберг очень разный, и мы целую вечность толковали про перенаселение в этой книге, и во «Всем стоять на Занзибаре», и в «Подвиньтесь! Подвиньтесь!», и о том, реальная ли это проблема, и о том, прав ли Браннер, которого она ужасно пугает, или Силверберг, считающий, что человечество должно принять ее с радостью. Чудо что такое! Брайан не призывал вернуться к теме, как Гарриет на прошлой неделе, и забавно, что она сама больше всех отвлекалась и постоянно пыталась куда-то увести беседу.

Я старалась не слишком много говорить, но, скорее всего, болтала будь здоров.

— На будущей неделе собираемся? — спросил Грег. — Или уже после Рождества?

— Надо бы собраться, и почему бы не по рождественской теме, — предложила Гарриет.

— Научная фантастика о Рождестве? — спросил Грег. — Такая есть?

— Есть «Восход тьмы», — вставил Хью. — Это фэнтези и книжка детская, зато там все про Рождество.

— Хорошо, не хочешь ли провести обсуждение? — спросил Грег.

Все посмотрели на Хью, и тут я кое-что поняла: что все они принимали его всерьез, хоть ему и всего пятнадцать. Его не просто пускали на встречи — они считали, что он может провести собрание. И со мной то же самое: во мне не видят диковинку, танцующего медведя, а действительно слушают, что я говорю.

— Сомневаюсь, что там хватит материала на целую встречу, — ответил Хью, — но у нее целая серия книг.

— Если закончим обсуждение пораньше, всегда можно будет перебраться в паб, — заметила Гарриет.

— По-моему, хорошая мысль. Мы не обсуждали детских книг с тех пор, как говорили о Нарнии, — сказал Грег.

— Там, помнится, действует Отец Рождества, —

сказала я, и все застонали.

— Самое худшее в его книгах, — пояснил Кейт.

— Толкину это не нравилось, — вставил невысокий темноволосый мужчина. — Он писал, что не видит внутренней связности. Отец Рождества, Вакх, интернаты — все перемешивается в рождественский пудинг с изюмом и цукатами, и рискуешь обломать зуб о шестипенсовую монетку.

Я посмеялась вместе со всеми, а потом пора было расходиться.

Я думала, что буду немножко стесняться наедине с Грегом, но не стеснялась. Мы поговорили об «Умирающем изнутри», которого толком не коснулись на встрече. Грег с уважением отозвался об умении Силверберга взять идею, в которой другие видят спасение, и превратить ее в проклятие.

Пятница, 14 декабря 1979 года

Экзамены, в среду и вчера тоже. Только сегодня нашла время дописать о вечере вторника.

Суббота, 15 декабря 1979 года

Встретилась с Джанин, как договаривались. Еще был Хью. Похоже, ему сначала было не по себе. Он тоже выглядит куда более по-человечески без бордового пиджака. Жаль, что мне нельзя одеваться в свое по субботам. Да и вообще. Семь дней в неделю в форме — как в тюрьме.

— Надеюсь, ты не против, что я с вами увязался, — начал Хью. Фраза как из книжки, и произнес он ее как на репетиции. Джанин и Хью — и Пит, и Грег, и все, кто ходит в клуб, кроме Гарриет — говорят с местным акцентом. Шропширский выговор не очень приятный, но симпатичнее, чем заученный снобский, который я все время слышу в школе.

— Совсем не против, — ответила я, — только мы собирались ходить по магазинам.

В библиотеке я взяла шесть книг, все в твердых переплетах, тяжелые, так что ходить с ними по магазинам было не слишком удобно. А оставить на потом я, конечно, не могла, потому что библиотека закрывалась в полдень. Я со вздохом сложила их в сумку, и тут Хью предложил по-

нести.

— Нет! — совсем не вежливо огрызнулась я, изо всех сил вцепившись в ремешок. — Я всегда хожу с этой сумкой, мне без нее неудобно.

Джанин покосилась на меня.

— А если Хью понесет библиотечные книжки в магазинном пакете?

— Это нормально, — согласилась я. — То есть, спасибо, Хью, ты очень добр.

Хью вспыхнул. У него такие песчанистые волосы и веснушки, так что румянец очень заметен. Мы с Джанин сделали вид, что не видим. Я переложила книги в пакет Джанин, и Хью его понес — как перышко, а ведь тот весил чуть не полтонны. Мы машинально направились вниз, к книжному, как будто ноги сами несли. Я им об этом сказала.

— Библиотропизм, — улыбнулся Хью. — Как у подсолнухов гелиотропизм, они поворачиваются на солнце. А нас притягивают книги.

В книжном я купила для Даниэля «Мошку в зенице Господней». Не знаю, есть ли у него, но я сама хотела прочитать. Я собиралась купить и «Восход тьмы», чтобы прочесть до вторника, но Джанин сказала, что одолжит мне свою. Мы и в булочную зашли, но о личном в этот раз не

говорили, может, из-за Хью. А говорили о чтении детских книг, когда ты уже не ребенок, и что об этом думали Толкин и Льюис, и как Хью стыдился заговаривать о детской книге в клубе, и как удивился, когда Грег одобрил.

— Это ты впервые будешь вести собрание? — спросила я.

— Да. Но Пит вел уже два раза, и Джанин раз, и Вим несколько раз.

— А ты о чем? — спросила я Джанин.

— О Пернском цикле. Ты знаешь, что скоро выходит третья? Называется «Белый дракон». Жду не дождусь.

— А тебе они нравятся? — спросила я Хью.

Он замялся.

— В общем, да. Там есть вещи, от которых мне не по себе, особенно в «Странствиях дракона». Но мир и драконы мне нравятся.

— Может, это книги больше для девочек, — сказала я.

— Нет, Пит их любит, — возразила Джанин. Она все мешала чай, хотя что там было мешать?

— Помирились бы вы, — посоветовал Хью. — Глупо разбегаться из-за того, что сделал или не сделал Вим.

— Сделал, — сказала Джанин.

— Доказательств нет, — возразил Хью. — Вим об этом говорить отказывается, так что мы слышали только сторону Руфи, да и не от нее, а слухи о том, что она якобы сказала Андре. Свидетельство не из первых рук. А вы с Питом…

Джанин так заметно разозлилась, что я вмешалась:

— А Пит какие книги обсуждал? Когда вел собрание?

— Книги о Фландри и Ларри Нивена, — отозвалась Джанин.

— А Вим — по Дику и Дилэни, — вставил Хью.

Дилэни! Они без меня обсуждали Дилэни, и вел, конечно, Вим!

— Мне кажется, лучше нам выбирать одну книгу или один цикл. Чтобы можно было прочитать к встрече и не попадать, как Хью на прошлой неделе, — сказала Джанин.

Хью покачал головой.

— Согласен, так проще и легче сосредоточиться, но мне по душе обсуждение всего автора. Хотя не со всеми авторами получается одинаково удачно.

Я купила Дейдре набор с мылом, шампунем и пушистой мочалкой — все подобрано по цвету, желтому как примула, и перевязано ленточкой.

Не знаю, подарит ли она мне что-нибудь, но ей трудно пришлось на экзаменах, а это ей пригодится. В «Вулвортсе» посмотрела на «Черную магию» и решила купить Грегу и мисс Кэрролл по коробке «Континенталя» из «Торнтона». Просто те гораздо красивее. Сэму купила пакетик конфет «Тоффи» на случай, если мы с ним увидимся. Если нет, посылать не буду, а подарю дедушке вместе со слоником.

Потом мы пошли к Джанин. Она живет в обычном домике, самом подходящем для человека, у которого отец — хозяин гаража: современный, покрашен «под камень», с лужайкой и одним деревцем посередине. Необычным оказался только фейри, прислонившийся к деревцу. Он походил бы на собачку, если бы не крылья. На меня он посмотрел чуть ли не нахально и тут же пропал. Остальные, кажется, его не заметили.

Гостиная в доме оказалась вся забита вещами и сестрами, хотя их было всего три. Они играли с Барби, заняли весь диван и оба стула. На тумбочке и камине полно безделушек. Мать была на кухне, тоже очень тесной и неопрятной.

— Я пойду с Морин и Хью к себе в комнату, ладно? — сказала Джанин.

— Хорошо, — отозвалась ее мать, не поднимая

глаз от утюга. У нее обвислые рыжеватые волосы, совсем не то, что яркие кудри Джанин. Сестренки тоже рыжие.

Мы прошли наверх. У Джанин на двери висит предупреждение: «Моя комната, не входить, да-да, это тебе!» Она придержала перед нами дверь, показывая, что к нам это не относится. Ее комната резко контрастировала со всем домом. Всюду пестрые обои; у нее стены выкрашены светло-зеленым. Безделушек и игрушек совсем не было, только на кровати лежал линялый и безглазый игрушечный песик, а на полке все книги стояли строго в алфавитном порядке. Еще там был один стул, деревянный, с прямой спинкой, выкрашенный зеленым потемнее стен, под цвет плинтусов. И на окнах ставни того же цвета. На хлипкой прикроватной тумбочке громоздилась конторская пишущая машинка.

— Это ты все сама? — спросила я.

— А кто же еще? — ответила Джанин, садясь на кровать. Стул занял Хью, а я, помявшись, села рядом с ней. — Хотя с покраской мне папа помогал. Но придумала я. Хотелось разнообразия.

— Хотелось бы мне такую комнату, — сказала я. И вправду хотелось, только, пожалуй, не зеленую. На самом деле мне бы лучше отделанный

деревом кабинет, как у Даниэля.

— Хорошо, когда можно закрыть дверь и никого не пускать, — заметила Джанин.

— Еще бы! — согласилась я.

— Ты спишь в общей спальне? — спросила она.

— Да, только у нас не бывает ни полуночных пирушек, ни других радостей, о каких пишут в книгах, — ответила я.

— А у нас одна комната на двоих с братом, — сказал Хью.

— Он чем занимается?

— Сходит с ума по «Манчестер Юнайтед». Так что полкомнаты отданы футболу, а моя половина — книжная, — неловко признался Хью.

Джанин вскочила, кинула мне «Восход тьмы», и они с Хью заспорили, читать ли мне весь цикл, и не заскучаю ли я, если начну с первой книги, потому что она для маленьких. Хью, кажется, решил, что я не успею до вторника прочесть все пять.

— Успею, — объяснила я. — Мне делать нечего, только уроки да книги. В Арлингхерсте главный упор на спорт, а я, конечно, играть не могу. Так что я все время сижу в библиотеке и читаю. Каждый день по многу часов. На этой неделе меньше из-за экзаменов, но они уже прошли, так что

будет как обычно.

— Не очень-то умно со стороны твоих родных, что тебя послали в Арлингхерст, — сказал Хью.

— Да уж!

— А что вообще у тебя с ногой? — спросил он.

Обычно я терпеть не могу этого вопроса, но он так спросил — запросто, с легким интересом, как Джанин спрашивала, сплю ли я в дортуаре, — и я совсем не рассердилась.

— Был перелом бедра и таза. Теперь уже лучше, не все время болит.

— Это пройдет? — спросил Хью.

Надо было ответить: «нет, не пройдет», или что я надеюсь, что пройдет, но у меня вдруг без всяких причин хлынули жгучие слезы, и я закрыла лицо салфеткой. Джанин засуетилась, сменила тему, а потом мне пора было идти.

Хью проводил меня до автобусной остановки с книгами. Я несла покупки и книги Сьюзен Купер, которые взяла у Джанин.

— Насчет Вима, — заговорил он, когда мы свернули к универмагу «Квиксэйв».

Я ответила вопросительным взглядом. Нога у меня разболелась — у Джанин кровать слишком низкая, сидеть было неудобно, а вставая, я еще добавила.

— Мы не знаем, что там было. Вим никогда не рассказывал. Наотрез отказался. А я вижу, как его все осуждают и… городок у нас маленький. Репутация — странная штука. Знаешь, назови собаку дурным именем, и с тем же успехом можешь ее удавить. Он бросил школу, знаешь?

— Знаю. Он учится. Сдает экстерном, Джанин говорила.

— Джанин. Джанин считает, феминизм — это во всем верить женщине. А я считаю, это относиться ко всем на равных, насколько возможно. Я не знаю, что произошло. Но я знаю, что не знаю. И знаю, что Виму из-за этого несладко живется. — Хью был ужасно серьезен. Он ниже меня ростом и полноват, и у него все лицо в веснушках, так что легко счесть его мальчишкой и шутом, но он совсем не такой.

— А почему тебя это волнует? — спросила я. Мы подошли к остановке, но автобуса еще не было. Вокруг толпились девочки из Арлингхерста. Хью присел на заборчик, и я пристроилась рядом.

— Вим спас мне жизнь, — тихо ответил он. — Ну, или не дал сойти с ума. Не позволил мальчишкам меня поколотить, а потом всегда ходил со мной и разговаривал. Он мне дал почитать «Гражданина галактики». Мне было двенадцать, а ему пятна-

дцать, но он обращался со мной как с человеком, а не с половой тряпкой. По-моему, он заслуживает, чтобы сомнение толковалось в его пользу.

— Как бы он ни поступил с Руфи?

— Нет, не «как бы ни поступил», а пока мы не знаем, как поступил.

Хью пожал плечами и опять покраснел.

— Пока я думаю, может, там все было, ну, по взаимному согласию. Они плохо предохранялись, а Руфи перепугалась и запаниковала. Это еще не причина обрекать человека на первые круги ада.

А я не нашла, что сказать. Мой отец женился на моей матери, потому что она забеременела, и смотрите сами, хорошо ли вышло. К счастью, подошел автобус, и мне не пришлось ничего говорить. Я забрала у Хью пакет и встала в очередь.

— Увидимся во вторник, — сказала я, заходя.

Джилл оказалась прямо передо мной. Она обернулась и бросила на меня полный презрения взгляд.

Воскресенье, 16 декабря 1979 года

Если не знать, что они марионетки, мне с ними очень хорошо. Вчера я об этом почти не думала. Все, что я натворила с магией, просто вылетело из головы, и я вела себя так, словно они сами собой из моего карасса, оба.

Но сегодня, поразмыслив, я не могу об этом не думать.

Когда мы были маленькие, тетушка Лиллиан однажды купила нам настоящую говорящую куклу. Ее звали Розочка, и она была как раз из тех кукол, которые должны нравиться маленьким девочкам. Если ее положить, глаза закрывались, а когда поднимешь, открывались. У нее было хорошенькое невыразительное личико и белое платье в розовых бутонах. Розовые туфельки снимались и надевались, а золотые волосы можно было причесывать. Еще у нее из груди торчал шнурок, и, если за него потянуть, она разговаривала. Говорила две фразы: «Привет, я Розочка!» и «Давай играть в шко-олу!» Если тянуть медленно, голос получался ниже, а если быстро — писклявым.

Беда в том, что с другими нашими куклами можно было играть, будто они разговаривают, и это было лучше. Наши куклы (многие потеряли руку или ногу, а другие были зверушками, а не гуманоидами) переживали фантастические приключения после атомной войны или спасали драконов от злых принцесс. Потрепанная старушка Пиппа, однорукая и с волосами дыбом (их остригла Мор, когда изображала солдата), могла бросить вызов или дать клятву мести злому Собачьему Властелину (у песика усы закручивались, так что он часто играл злодея), и разве могла соревноваться с ней Розочка, которая только и умела сказать, что «Давай играть в шко-олу!».

Мне не нужен карасс вроде Розочки.

Я не хочу сказать, что мне нужен такой карасс, как Пиппа, песик, Джир и другие, так что аналогия не очень точная. (По игрушкам я не скучаю. Я бы все равно с ними не играла, мне пятнадцать лет. Я скучаю по *детству*.) Джуниор был пластмассовым мальчишкой-мотоциклистом, одной из немногих наших игрушек-мальчиков. Имя мы вычитали из «Лота» Уорда Мура. А произносили «Джир». Я здорово опешила, когда узнала, что оно значит на самом деле.

Когда Хью упомянул, что Вим вел собрание по

Дилэни, первое — самое первое, что я подумала: хотя не написала вчера, но это потому, что устыдилась, — что я могла бы наколдовать, чтобы этого еще не произошло. Я могла бы наколдовать, чтобы он только собирался, и я успела бы там побывать. Я не колдовала и даже по-настоящему не стала бы, но подумала. Если бы я так сделала, я бы их превратила в Розочку. И рисковала бы тем, что сталось с Джорджем Орром, потому что пока — может, я все это сделала, а может, и нет. Я не видела, что вышло бы без этого. Может, все равно так и было бы. Если бы меня не существовало или я погибла бы вместе с Мор, может, у них все равно была бы встреча по Дилэни. Может, волшебство только в том, что я их увидела, нашла. Не знаю. И никогда не узнаю. Такое волшебство можно отрицать. Если это я сделала, значит, я обошлась с ними как с Розочкой: дернула за веревочку, чтобы услышать слова. Это если я вообще на такое способна. Думаю, на самом деле нет, потому что мне про это говорил Глори: слишком много народу — это слишком большая тяжесть, их не сдвинуть.

Но даже подумать о таком…

Я не хочу быть злой, правда, не хочу. Хуже всего, если она сумеет сделать меня такой же, как она.

Вот почему я сбежала. Вот почему детский приют был лучше и здесь лучше.

Отныне я торжественно клянусь не прибегать к магии ради себя, а только для защиты от зла.

Морганна Рэйчел Фелпс Маркова, 16 декабря 1979 года

Понедельник, 17 декабря 1979 года

Я не сообразила, что, раз экзамены прошли, оставшуюся неделю всю отдадут развлечениям.

На английском играла с Дейдрой в скребл. Выиграла у нее 6000 очков, но это было совсем неинтересно. Играть хорошо с теми, кто грамотно пишет и знает много слов. Я выложила «гривна» — старинное ожерелье. А она робко спрашивает: разве не «грива»? Потом мы играли в «Змеи и лестницы», тут выиграла она.

Кроме этого, я весь день только читала, большей частью среди шума и гама.

Читаю «Серого короля».

В «Восходе тьмы», той, что про Рождество, и определенно лучшей из всех, есть место, где Уилл колдует в церкви, а пастор спрашивает его про волшебные кресты, а на их слова, что кресты появились до Христа, он говорит: «Но не прежде Бога». Магия неплохо описана, но как всегда, с битвой света и тьмы, а учатся ей по гримуарам, и после этого можно летать, путешествовать в прошлое и что угодно. На самом деле магия

совсем не такая и гораздо проще. В детских волшебных книжках магия всегда либо черная, либо белая, хотя у Толкина, конечно, не так. Однако «не прежде Бога» заставило меня задуматься.

Вторник, 18 декабря 1979 года

Результаты экзаменов, первое полугодие 1979-го. Химия 96 %, втор. Английская литература 94 %, перв. Английский язык 92 %, перв. История 91 %, перв. Физика 89 %, перв. Религиозн. просв. 89 %, перв. Латынь 82 %, перв. Франц. 79 %, втор. Матем 54 %, 19-я. Гимнастика — освобождена. Спорт. игры — осв. Танцы — осв. Средний балл 85 % — третье место. Просто у меня мозги не математические, так всегда было. Боялась, что мне поставят ноль по гимнастике, играм и танцам и засчитают в среднюю. Джилл обогнала меня по химии. Хорошо. А Клодина по французскому — не удивительно, раз у нее мать француженка. У нее произношение, а мы, остальные, не справляемся. Пусть бы поставили Клодину учительницей на этих уроках. Математика меня подвела больше, чем я думала, так что по среднему баллу Клодина и Карен меня обогнали. Но в остальном неплохо.

Жаль, что нельзя показать оценки бабушке. Бабушка бы похвалила. Надо думать, все будут довольны, но это не то.

Утром пришло письмо от тетушки Тэг. Она

очень расстроена, что я не приеду домой на Рождество. Я уже говорила, что не виновата, мне хотелось приехать.

Дейдра, как увидела свои отметки, выбежала из класса. Думаю, ужасные. Шара четвертая. Она снизошла сказать мне: «Молодец» — заговорила со мной впервые за сто лет.

Среда, 19 декабря 1979 года

Вчерашняя встреча прошла недурно. Были все. Хью хорошо вел — мягко возвращал к теме тех, кто уходил в сторону. Мы отлично поговорили о сезонах в книгах и о месте действия. Грег бывал в Северном Уэльсе и ходил по дороге к Кадвану, он говорит, что Охотничья лощина очень похожа. Все согласились, что финал в «Серебре деревьев» — облом и что никто бы не хотел пережить такое. Забавно, чем моложе человек, тем горячее он отказывается от такого. Гарриет склонялась к мысли, что стереть воспоминания было для детей к лучшему, но мы с Хью лучше бы умерли, а остальные распределяются по всему диапазону в зависимости от возраста. Хью — славный парень. И мне приятно так горячо соглашаться с ним. Гарриет — право, она могла бы быть повзрослевшей Гарриет Вейн, так мне видится — перестала повторять: «Я чувствую, что это самый мягкий вариант» и развернулась к нашему взгляду вплоть до: «Да, я понимаю, какая это была бы утрата».

Мы рано закончили и пошли в паб.

— Я возьму тебе апельсиновый сок, — сказал

мне Грег. Я не сказала, что терпеть не могу британских соков. Я сказала: «Спасибо». Кто скажет, что я невежливая?

Паб называется «Белый олень», я сказала, что название как из Нарнии. Мы немножко касались Нарнии, сравнивали с ней, так что это не с потолка. Мы сравнивали финалы. Действительно, странно, что у двух детских циклов у обоих такой спорный финал. Это не проблема жанра, потому что стоит вспомнить «На последнем берегу». Может быть, это общая проблема книг о детях из нашего мира или британских авторов — хотя нет, есть ведь Гарнер. Хотя он не пишет продолжений, но у него-то точно нет проблем с концовками! Кстати, я так и не вернулась к «Красной смене».

«Белый олень» — старый паб, с потолочными балками, с конской сбруей на стенах и с большой дубовой барной стойкой, где наливают разное пиво. Там воняет дымом, как во всех пабах, и от него так называемая побелка между балками всегда желтая. Я взяла апельсиновый сок и вручила Грегу конфеты. Он сразу вскрыл и раздал всем. Мне достался венский трюфель, немножко нечестно, ведь это был мой же подарок. Но все равно объеденье.

Я попала на место рядом с Вимом. Честно, я

не нарочно это устроила! Он и вблизи такой же безбожно роскошный. Дело не только в длинных светлых волосах и синих глазах, а в том, как он держится. Хью мне нравится гораздо больше, но Хью — как надежный ствол дерева, а Вим — как молодая ветвь в цвету под ветром или как редкая бабочка, которая села рядом, и ты затаиваешь дыхание, боясь спугнуть. Так и от него дыхание перехватывает.

— Так тебе Сьюзен Купер нравится не меньше Ле Гуин? — спросил он.

— Я ее прочла только на этой неделе, — призналась я. — Брала почитать у Джанин и уже вернула.

— Ты прочла все пять книг за неделю? — спросил он, тряхнув головой, чтобы отбросить волосы с глаз. — Должно быть, у тебя много свободного времени.

— Да, — довольно холодно ответила я.

— Извини, — сказал он. — Я тоже терпеть не могу намеков, что люди читают только от нечего делать, а тут сам намекнул.

Это мне понравилось.

— А чем еще заниматься? — спросила я.

Он рассмеялся. У него хороший смех, очень естественный. Когда он смеется, я понимаю де-

вочек, которые глупеют, влюбившись: хранят огрызок карандаша и пластырь, как Гарриет Смит в «Эмме», или целуют перед сном фотографию, как Шара и Харрисон Форд.

— Как насчет кино? — предложил он, и тут же закипела общая дискуссия о «Звездных войнах».

Этот фильм либо любят, либо терпеть не могут. Среднего не дано. Мне, в общем, любопытно было посмотреть на роботов и звездолеты, но по сравнению с настоящей фантастикой все это немножко по-детски, неправдоподобно.

Немного погодя, когда все прекратили расстрелы в упор и страстную оборону, я снова повернулась к Виму.

— Мне сказали, ты делал доклад по Дилэни.

— Тебе нравится Дилэни? — удивился он. — Широкие же у тебя вкусы.

— Я обожаю Дилэни, — ответила я, порадовавшись, что он не сказал: «широкие для твоего возраста», как могли бы многие. — Но у меня есть вопросы по финалу «Тритона».

— Ты считаешь, «Тритон» задумывался как ответ на «Обделенных»? — перебил он.

Мне не приходило это в голову, но тут я подумала и решила, что так могло быть.

— Потому что «Обделенные» — двусмысленная

утопия, а «Тритон» — двусмысленная гетеротопия? — спросила я.

— Мне подумалось, может, он размышлял: почему Анарресу обязательно быть таким бедным, голодным, почему у них так ограничена сексуальная жизнь, какие еще возможны варианты анархии?

— Захватывающая мысль, — сказала я. — И блестящий прием: показать всю сложность выбора глазами недовольного.

— Такие неприкаянные всегда будут, даже в раю, — сказал Вим. — Брон вечно ищет то, чего нет, вроде как по определению.

— А почему Брон… — начала я.

— Нам пора, Мори, — позвал Грег.

— Увидимся после Рождества, — сказал Вим, и я осторожно поднялась на ноги.

По ту сторону стола Кейт с Гуссейном спорили о принцессе Лее.

Четверг, 20 декабря 1979 года

Просто не верится, что завтра уезжаю. Вдруг оказалось так скоро. С утра нам велели освободить свои шкафчики. Этого я не ожидала. Вдобавок к сумке, саквояжу и аккуратному неприметному чемоданчику, с которыми я приехала, у меня набралось шесть пакетов с книгами и два с рождественскими подарками. Впервые за все время, что я здесь, пришлось зайти в прачечную. Школа нанимает работников, которые целыми днями стирают нашу дурацкую форму. Ее обычно возвращают в дортуар и складывают на спинки кроватей, так что прежде я о ней и не думала. Но сегодня Дейдра недосчиталась блузок, а нам надо было все увезти домой. Она попросила пойти с ней, и мы спустились в недра здания, где стояли шесть тяжелых стиральных машин и четыре рокочущих барабана дл отжима, а девушка всего на год или два старше нас вытаскивала одежду из одной машины и перебрасывала в другую. Не хотела бы я оказаться на ее месте. Там и сегодня было жарко; не представляю, как в июне.

Дейдра на Рождество едет в Лимерик. Оказыва-

ется, место с таким названием есть на самом деле! Конечно, услышав, я не удержалась: «Молодая особа из…» — но осеклась, увидев ее лицо.

Я готова отправляться, как только Даниэль за мной приедет. Жду не дождусь!

Пятница, 21 декабря 1979 года

Утро началось с награждений. Мне достались «Избранные стихотворения» У. Х. Одена за английский, и «Путеводитель по науке» Айзека Азимова за химию, и «История англоязычных народов» Уинстона Черчилля за историю. Все, кто набрал по какому-нибудь предмету больше девяноста, получили книгу, так что церемония затянулась. В выборе книг я заподозрила руку мисс Кэрролл, а если так, Черчилль может оказаться не такой нудятиной, как выглядит. Потом раздавали спортивные награды, еще дольше. Мне на собраниях разрешили сидеть, и это очень мило, но раз остальные все стоят, получается, что я ничего не вижу, хотя не очень-то и хотелось. Учителям, выстроившимся вдоль стен зала, меня было бы вполне видно, если бы кто-нибудь взглянул в мою сторону, так что читать я не решилась. Я разглядывала спины в одинаковой форме, и оставалось только сравнивать рост, помятость и то, как волосы падают на плечи, и, в общем, на этом все. Удивительно, как много разнообразия в том, что на первый взгляд кажется одинако-

вым: ряд спин в школьной форме. Я выставляла девочкам впереди себя отметки за осанку и аккуратность и мысленно перестраивала их по росту и цвету волос.

Дом Скотта заслужил кубок, с трудом выиграв у Вордсворта. И вроде надо быть в восторге, но, как по мне, это все равно что людей по цвету волос расставлять.

Потом я пошла в библиотеку отдать мисс Кэрролл конфеты. Она, кажется, была очень растрогана. Мне она подарила пакет, наверняка с книгой.

Я разыскала Дейдру и подарила ей мыльный набор. Я его не заворачивала, потому что не догадалась купить оберточную бумагу, но положила в симпатичный магазинный мешочек, в котором покупала шали и прочее. Она не стала заглядывать внутрь, но очень мило меня поблагодарила. И дала мне завернутый подарок, на ощупь тоже книга. Хотела бы я знать какая? Придется прочесть и в любом случае сказать, что понравилось.

Потом все спустились ждать машин. Некоторых заберут только вечером, бедняжки, но за мной Даниэль приехал уже в час, не первый, но один из первых. Все носились и визжали еще

хуже обычного. Наверняка он решил, что попал в Бедлам.

Даниэль привез меня в Олдхолл как раз к чаю. В честь праздника откупорили бутылку шампанского. По-моему, ужас, и пузырьки бьют в нос. Я уже пробовала на свадьбе кузена Николая, и мне и тогда не понравилось. Даниэль предложил мне смешать его с апельсиновым соком, чтобы получилась какая-то «Бычья шипучка», но я отказалась. Если его и можно еще испортить, так это жутким апельсиновым соком. Правда, я люблю пить только воду. Зачем люди с ней столько мучаются? Она же из крана течет.

Сегодня солнцестояние, самый короткий день. С завтрашнего дня темнота понемножку начнет отступать. Вот уж не пожалею.

Очень приятно, когда можно закрыть дверь и побыть одной. Я рано легла. Я собиралась подумать о Виме, пока буду мастурбировать, ведь то чувство, когда перехватывает дыхание, явно сексуальное, но это показалось неуместным и, кроме того, его трудно вообразить. И еще это дело с Руфи, что бы там ни было, сильно мешало. Так что я стала думать о Лессе и Ф'ларе и о Николасе в море. Забавно, что в «Тритоне» так много секса, а он совсем не эротичный. И еще — я все думаю

о связях между этими романами, — в «Обделенных» тоже есть секс, но не такой, от которого дыхание перехватывает. Интересно, почему так? И мог ли Фаулз описать Николаса в море совсем не так, как Дилэни — секс напоказ между Броном и Колючкой. Мне кажется, разница есть, только я не знаю в чем.

Суббота, 22 декабря 1979 года

Тети взяли меня за покупками в Шрусбери. Хотели, чтобы я купила хороший подарок Даниэлю. Я сказала, что уже купила ему «Мошку в зенице Господней», но они только посмеялись и ответили, что ему, конечно, понравится. Они купили ему — от моего имени — темно-серый жакет со множеством кармашков. Похоже, он такие носит, но честно сказать, я бы его никогда не купила, и он догадается. Но я хоть раздобыла оберточную бумагу. Пообедать они меня отвели в шикарном торговом центре «Овенс-Овенс». Еда там переваренная и склизкая.

Дома я предложила испечь рогалики — как могла скромно и вежливо. Заметно было, как им не хотелось разрешать, хотя не понимаю почему. Я умею готовить, я уже много лет могла бы работать кухаркой. И они не должны счесть, что это ниже моего достоинства, потому что сами пекут. Может, им не хотелось пускать меня в кухню, хотя я бы не устроила там беспорядка.

Даниэля сегодня я почти не видела. Он чем-то занят. Я взяла у него почитать целую кипу книг и

уже читаю. Если бы еще свет здесь был поярче!

Я не считаю себя такой как все. В смысле, в каком-то фундаментальном понимании. Дело не в том, что я одна из пары двойняшек, много читаю и вижу фейри. И не в том, что я посторонняя, когда они все свои. Я раньше была своей. По-моему, дело в том, что я стою в стороне и смотрю на происходящее из будущего, а это ненормально. Но так нужно, когда колдуешь. Хотя, раз я больше не буду колдовать, это пропадет даром.

Воскресенье, 23 декабря 1979 года

Церковь. Тетушки с утра осмотрели меня, будто на выставку готовили, и одна предложила, чтобы я оделась понаряднее. Я была в темно-синей юбке и голубой футболке, а поверх в школьном пальто. День не холодный, хотя дождь идет. Я думала, нормально выгляжу. Но все-таки сдалась, пошла наверх и переоделась в серый пуловер. У меня мало вещей кроме формы. Бóльшую часть одежды я бросила, когда убегала, понятное дело.

Не считая этого осмотра, в церкви все как обычно. Собор Святого Марка — красивая старая церковь с готическими сводами и могилой крестоносца — может, он из их предков, но я не пошла смотреть. Служба велась по-английски, как я и ожидала, и служили, как всегда в пост. Вертеп в церкви уже стоял, и гимны пели рождественские. Потом пастор очень мило с нами побеседовал, а меня ему представили как дочь Даниэля. Даниэля не было. Интересно почему.

Обедал он с нами, ел пережаренный ростбиф с пересоленой картошкой и морковкой. Лучше бы они мне позволили готовить. Еще понятно,

почему мне не доверили весь воскресный обед, но уж напечь рогаликов я могла бы. Еще три дня. Здесь не лучше, чем в школе. Хуже, потому что нет ни книжного клуба, ни библиотеки, куда можно скрыться.

После обеда пошла погулять, несмотря на дождь и ногу, которая вообще-то сегодня не так уж болит: ноет, а не вопит. Прогулка здесь как вокруг школы: не настоящая природа, а все фермы, поля и дороги, нет дикого леса, развалин, и фейри не видно. Не представляю, как здесь люди живут.

Понедельник, 24 декабря 1979 года, сочельник

Русские вторглись в Афганистан. В этом есть ужасающая неизбежность. Я так много читала про Третью мировую войну, что она иногда представляется неизбежной, и без толку о чем-то беспокоиться, потому что мне все равно не стать взрослой. Даниэль принес рождественское дерево, и мы его украшали в хрупком рождественском веселье. Игрушки все очень старые и дорогие, большей частью стеклянные. Они изысканные и очень волшебные. Я едва осмеливалась их касаться. Даже гирлянда старинная — венецианские стеклянные фонарики, в которые раньше вставляли свечи, а теперь переделали под лампочки. Две лампочки перегорели, я их заменила. Я скучаю по нашим старым рождественским украшениям, тетушка Тэг, наверное, сейчас их развешивает. Наверное, одна, если дедушку отпустят всего на день. Надеюсь, она сумела установить дерево. Сколько мы с ними возились, чтобы стояли прямо! В прошлом году пришлось притянуть к дверце шкафа. Но про прошлый год

лучше не вспоминать, хуже Рождества у меня не бывало. Конечно, хорошо, что, каким бы ужасным ни было это, с тем не сравнится.

У нас украшения тоже старые в основном, хотя есть и новые, купленные уже при нас. Те в основном пластмассовые, хотя фейри, которого сажают на верхушку, фарфоровый. В Олдхолле на дерево не сажают фейри, это странно. У них на вершине рождественский дед. Наши игрушки не подходят друг к другу, хотя там такая смесь, что в нее любая пойдет, и у нас много дождика — не тоненьких серебряных нитей, а толстых гирлянд. Надеюсь, тетушка Тэг справится со всем в одиночку. И надеюсь, что моя мать не объявится завтра, как злая фея на крестины. Сюда, по крайней мере, она не доберется.

Я завернула все свои подарки и сложила их под дерево. Бумага у меня красивая, темно-красная с серебряными прожилками. Когда все сложили подарки, мы зажгли гирлянду — полетела еще одна лампочка, я и ее заменила. Потом мы их снова зажгли и полюбовались. Свои подарки от Дейдры и мисс Кэрролл я тоже положила.

На Рождество все должны быть дома. Если есть дом, которого у меня, похоже, нет. Но мне хотелось бы встретить праздник с дедушкой и

тетушкой Тэг, ближе к дому у меня ничего нет. Когда вырасту, не стану никуда уезжать на Рождество. Кто захочет, может зайти ко мне в гости, но я никуда не уйду.

Внизу крутят пластинки с рождественскими гимнами, мне сквозь пол слышно. Что я здесь делаю?

Но в Афганистане хуже, там танки.

Вторник, 25 декабря 1979 года, Рождество

Здесь не будет того, что я собиралась написать, то есть списка скучных подарков.

Меня разбудили гимны, опять в записях — те гимны, что пели в соборе. Пожалуй, это было довольно мило, и я невольно разволновалась на минуту при мысли о Рождестве, хотя бы и здесь. Спустилась, и мы позавтракали холодными тостами и яйцами, как в обычный день. Не понимаю, почему они так подают тосты. Жарят на кухне и складывают на специальную подставку, где они остывают, становятся черствыми и невкусными. Тосты надо сразу намазывать маслом.

После завтрака мы пошли открывать подарки. У них строгий распорядок, кому открывать первому, совсем не так, как в нашей семье. Мы открывали по одному, по кругу. А у них каждый открывает все, а потом следующий — все свои. Я была последней, потому что младшая.

Шали им, в общем, понравились, хотя я ошиблась в цвете и две поменялись между собой, когда думали, что я не вижу. Я их не различаю. (Мы с

Мор тоже были так похожи? И в сорок лет были бы?) Они купили друг другу визиты на маникюр и укладку и тому подобное. Даниэль меня поблагодарил за «Мошку в деснице Господней» и за жакет. Они ему купили какой-то особый сорт виски и еще одежду.

У меня набралась огромная груда, я столько не ожидала. От Дейдры какая-то «Автостопом по галактике», явно научная фантастика, а мисс Кэрролл разумно выбрала «Обделенных» — знала, что я читала, но книги у меня нет. От Даниэля целая пачка книг и такой блокнотик с замочком, они всегда пригодятся. Сестры подарили мне одежду, большей частью я бы в ней и мертвой не показалась, и коробку «Неаполитанских», которую я вполне смогу съесть, и коробочку, где я, едва прикоснувшись, учуяла сильную магию. Но я ничего такого не подумала: как-никак, игрушки у них волшебные, а они едва ли это замечают. Я бережно открыла коробочку, и внутри лежали три пары сережек, к которым даже прикасаться не пришлось — они чуть не лопались от волшебства.

Первая пара была простыми серебряными колечками, на второй в колечки вставлены крошечные бриллиантики, а в третьей к серебру

подвешены жемчужины.

— Это жемчужины нашей матери, — сказала одна из них. — Мы хотим, чтобы они достались тебе.

— У меня уши не проколоты, — сказала я как бы с сожалением и хотела вернуть коробочку.

— Это настоящий подарок.

— В четверг с утра съездим с тобой в город и проколем.

— Поначалу тебе придется носить простые колечки, а потом дойдет и до остальных.

Она улыбалась, они все три улыбались одной улыбкой. Одинаковой улыбкой, и лица у них были пустые, будто магазинные манекены ожили и тянутся ко мне, мне иногда снились такие кошмары.

— Я не хочу прокалывать уши, — сказала я как можно вежливее и тверже, но почувствовала, что посреди фразы голос дрогнул.

Никогда об этом раньше не думала, но сразу ясно поняла, что проколоть уши — значит утратить волшебство. Дырки, дело в дырках, из них не дотянуться. Я это знала, как знала все о волшебстве. Не уверена, умом ли, но я это чувствовала всем телом, которое почти эротично загудело. Я выронила коробочку и зажала руками мочки ушей.

— Девочки в наше время прокалывают, — сказала одна из них.

— Это можно, — добавила другая.

— Не будь глупышкой, это не больно, — сказала третья.

— Вы себе не прокалывали, — сказала я, и правда, у них ни у кого уши не проколоты, потому что они, конечно, знали то же, что и я, и не прокалывали, потому что они колдуют. Они ведьмы, наверняка, а до сих пор так хитро скрывали, что я, глупая, не догадалась. Должна была заподозрить, потому что их трое, и потому что они не позволяют мне стряпать, и, главное, потому что они все живут здесь и распоряжаются Даниэлем. А я совсем упустила это из виду, потому что они такие пустые, английские и улыбаются, и все это прошло мимо меня, потому что я поверила, что у них на уме только выигранный Скоттом кубок.

Они, верно, перепугались, когда Даниэль взял меня в дом. И отправили в Арлингхерст, подальше от магии и от себя тоже. Но получилось не так удачно, как они надеялись. Они, должно быть, прознали, что я колдовала на карасс, хотя могли не знать, что это такое, только что я к нему тянусь. А теперь они решили полностью меня подчинить, вот зачем эти сережки.

— Тогда это было не в моде, — говорила одна.

— А теперь все девочки носят.

— Тебе очень к лицу будут жемчужины нашей мамы. Так мы примем тебя в семью.

Я бросила отчаянный взгляд на Даниэля. Он был озадачен. Я видела, что на него вся надежда. Их трое, и они взрослые, и явно не чураются колдовства, не больше, чем она. Что бы они ни сотворили с сережками, это было сделано сознательно. Их магия направлена лично на меня, я это чувствовала, пока держала открытую коробочку. Они кое в чем подчинили Даниэля, но не хотели, чтобы он об этом знал, так что все делалось через его голову.

— Не позволяй им прокалывать мне уши! — взмолилась я. Наверняка это выглядело истерикой, но я и правда была вне себя.

— Думаю, если Морвенна не хочет, то и не надо, — отозвался он. — Можно подождать, проколет через год-другой.

— Мы уже договорились о визите.

— И она не сможет носить мамины серьги.

— А мы хотели показать, что рады принять ее в семью.

Они говорили так рассудительно, по-взрослому, здраво, а я понимала, что выгляжу неразумным

ребенком, не в своем уме.

— Пожалуйста, — сказала я. Я так и не отняла ладоней от ушей. — Только не мои уши.

— Ей страшно, — сказал Даниэль. — Серьги подождут. Не обязательно надевать их прямо сейчас.

— Ты поощряешь ее глупые капризы.

— Они будут прекрасно смотреться, особенно теперь, когда волосы немножко отросли.

— Всего-то секунду потерпеть.

У Даниэля был озадаченный вид. Он слабый человек и не привык перечить сестрам. Никогда не перечил. Они завладели его жизнью, когда он был мальчишкой, и, возможно, все это время манипулировали им с помощью магии. Хотя мне кажется, они делали это исподтишка, не в открытую. Не знаю почему. Может, из-за этой штуки с марионетками. Может, они хотели, чтобы он их любил. Ведьм мало кто любит. Посмотреть на мою мать. Ее никто не любит. Их трое, но хватает ли им друг друга? Я всхлипывала и умоляюще смотрела на него, потому что только он стоял между мной и ими.

— Спешить, безусловно, некуда, — сказал он.

— Я не хочу, не хочу, — сказала я. Схватила свои книги и убежала наверх.

— Типично подростковая истерика на пустом месте, — изрекла одна из них.

— Ты должен быть с ней тверже, Даниэль.

— Она слишком привыкла своевольничать.

Дверь не запирается, но я заставила ее стулом, чтобы никто не вошел. Они поднялись по лестнице и позвали меня на рождественский ужин, но я не спустилась. Все равно там все будет переварено и пересушено. Я не знаю, что делать. Опять бежать? В прошлый раз помогло или почти помогло. Я не знаю, чего они добиваются. На вид они в своем уме, но и она тоже, пока не узнаешь поближе. Они хотят меня подчинить. Хотят, чтобы я отказалась от волшебства. Не то чтобы я собиралась колдовать — я ведь поклялась перестать. Поклялась, что не буду, кроме как для защиты от зла. А это зло. Они сделают меня калекой. Я считала себя калекой из-за ноги, но нога пустяк. Если надену эти серьги, не смогу видеть фейри. Не знаю, подчинюсь ли, но с дырками точно не смогу. Если правда, что все мое поколение так делает, значит, вся женская половина поколения не увидит фейри. На слух не так страшно, вроде прививки — один укол иголочкой, и все волшебное пропадает. Но это дурно, потому что, как и с прививками, действует, только если охватывает

всех. Они-то себе не прокалывали, и никто бы их не заставил.

Вообще-то, хотя почти никто не видит фейри, потому что в них не верит, видеть их не опасно. Среди самого красивого, что мне доводилось видеть, были и фейри.

Наверное, я могла бы сбежать от них через окно, хотя здесь нет такого удобного дерева, как в школе. Или выбраться через черный ход ночью, когда все уснут. Карта у меня есть. Только сейчас Рождество, поезда не ходят и завтра не будут. И денег у меня не осталось, я все истратила на подарки. Осталось 24 пенса. Может, Даниэль дал бы мне денег, но он не станет и слушать обвинений против них, он может быть буквально глух к таким обвинениям. Кроме того, он по документам мой отец и законный опекун. Когда я сбежала в прошлый раз и попала в приют, там разыскали его. Если опять бежать, куда мне деваться? К дедушке нельзя, он, наверное, уже вернулся в больницу, и все равно мне не разрешат с ним жить и с тетушкой Тэг тоже. Я бы все равно попробовала к ней, но у тетушки Тэг Даниэль первым делом станет искать. Остальные родственники меня предали: они знали про Лиз и все равно решились меня у нее оставить. Шестнадцать мне исполнится

только в июне, еще целых шесть месяцев, а куда я пойду одна, без номера государственного страхования и на вид моложе своих лет?

Надо все это обдумать за сегодняшний вечер и завтра, а потом, когда поеду в Южный Уэльс, обсудить с тетушкой Тэг и Глорфиндейлом, что можно сделать. Если они оставят меня в покое, школу я вытерплю, по крайней мере до конца года. После шестнадцати можно жить одной. Я могла бы, как сказала Джанин, найти работу и готовиться к экзаменам на аттестат экстерном, как Вим. Я бы справилась.

Они наверняка всем этим занимаются в Кузне и в своих комнатах — той части дома я не видела. Надо держаться поближе к Даниэлю. Он считает меня истеричкой, но согласился со мной. Он не такой уж плохой. Мне кажется, он немножко похож на меня. Они там едят и выпивают, и я сейчас спущусь вниз, извинюсь за истерику, но, мол, меня ужасно-ужасно пугает мысль проколоть уши, и если они пообещают никогда об этом не упоминать, я пообещаю не убегать из комнаты и не загораживаться в своей. Если надо будет, пообещаю сразу уехать и не показываться до июня. За школу платят они, а не Даниэль. Я могу сказать, что отдам долг, когда будут деньги.

Я не абсолютно уверена, что они знают, что я знаю, — то есть знают, что это не беспричинная истерика. При Даниэле им придется притворяться. Даниэль — их слабое место. И все равно они ничего не могут сделать до четверга. Глубокий вдох… спускаюсь.

Среда, 26 декабря 1979 года

С одной стороны, с чего я взяла, что они злые? Почему я так решила? Может, они точно такие, какими кажутся, только с капелькой магии и обо мне ничего не знают, кроме того, что бросается в глаза. Может, они просто хотят сделать из меня приятную племянницу. (Приятная племянница из Ниццы носила сережки и ела пиццу…)

Я знаю, что через дырки из меня вытечет все волшебство. Уверена, что и они в курсе, а то бы уступили, но не уверена, что они знают, что я знаю о волшебстве. О нем мало кому известно. Для большинства людей невелика была бы потеря. Хотя речь о девочках, мальчишки редко прокалывают уши. Могут ли мужчины колдовать? Я уверена, что могут, но мне вроде бы такие не встречались. Может, как я думала о прививках, так же и они подумали: предохранить меня от искушения колдовством. Я решила, что эти сережки должны меня подчинить, а может, они хотели сделать меня больше похожей на других. Братец у них ручной. Может, они хотели и племянницу приручить. Если так, они, наверное,

не будут возражать, чтобы я вернулась в школу, и не повторят попытки до конца четверти или даже до пасхальных каникул. Им нужно, чтобы я училась в школе. Школа — это карантин против волшебства, я сразу заметила, и все равно я колдовать не собираюсь.

Я и правда хочу вернуться в Арлингхерст, хоть он и идиотский, и кормят там ужасно, и нельзя остаться одной, потому что я там начала строить свой карасс. У меня там книжный клуб, у меня там библиотека — обе библиотеки. Остальное я вытерплю, уже притерпелась. И я хочу сдать обязательные экзамены, и на аттестат тоже, если сумею. Хочу поступить в университет и познакомиться наконец с людьми, с которыми можно поговорить. Бабушка говорила, что там я встречу равных, а ради этого стоит постараться. Она всегда так говорила, когда я не справлялась с математикой, или латынью, или еще с чем. Даже если сдать только основные — это вроде справки. Их не сдаст лишь идиот, и работу без них получишь только идиотскую. Для поэтов это не важно, поэтам справок не дают, но мне нужно зарабатывать на хлеб, и хотелось бы чем-нибудь интересным. Основные — это самое малое. Надо либо возвращаться в Арлингхерст, а значит, по-

мириться с тетями, чтобы они за него платили, или искать где-то другую школу.

Так вот, вчера…

Я спустилась и извинилась, что убежала — вернее бы сказать: ухромала. Я объяснила, что ценю их доброту, но меня ужасает мысль проколоть уши. За это они и ухватились. Предложили все забыть и принесли мне холодной фаршированной индейки — суховатой, но вполне съедобной. Потом мы играли в «Монополию», и кто-то из них выиграл, но я, кажется, заставила их попотеть.

Самая жуть с «Монополией» — что видно, как давно они играют друг с другом, все четверо. У каждого есть любимые фишки, они их сразу расхватали. Их фишки, когда мне пришлось передвигать их по своей стороне доски, оказались полны волшебством привычки и привязанности. По фишкам я впервые стала их различать. Одеваются они одинаково, но собачка, гоночная машина и шляпа-цилиндр их знают. Еще жутковато было, что мы сидели за игрой, как нормальная семья, хотя и нет, потому что я у них не своя, но даже и без меня они тоже нет. В нормальных семьях люди женятся. Из них только Даниэль был женат, и смотрите-ка, кого подцепил! Нормальные семьи — это не сорокалетние

дети, которые теперь сами распоряжаются, а так и не повзрослели. Они иногда за игрой так по-детски ссорились, что я чувствовала себя старшей в компании.

Потом мы съели рождественский пирог, хотя свой я только раскрошила на тарелке, потому что это самое подходящее место для чар, у него столько связей со всем на свете. И все равно я не люблю фруктовых кексов, кроме тех, что печет тетушка Бесси. Потом я пошла с Даниэлем к нему в кабинет и втянула его в разговор о книгах, которые он мне посылал, особенно о «Дюне». Арракис — такой потрясающий мир. Он как настоящий, с разными культурами. В научной фантастике редко встретишь столкновение культур, а это очень интересно. Пол в пустыне у фрименов оказывается прямо посреди чужой культуры, и у обеих сторон есть свои тайны. Даниэль очень оживился и виски, хоть и налил себе, только пригубил. Он, конечно, все время курил. Он расспрашивал меня, что я читаю, и про книжный клуб, и что бы я хотела взять почитать, и я все время молчала про «Ты знаешь, что твои сестры — ведьмы?», а он молчал про «Что за выходка с серьгами?» Мы так громко молчали, что почти слышно было.

Потом я навела его на разговор о Сэме, с кото-

рым у него самые человеческие отношения. Они ничего не сумели сделать с Сэмом, может, потому что он другой веры? Но Сэм для Даниэля точка опоры, точка здравомыслия. Чем больше я с ним говорю, тем больше хочу понять, насколько они его подчинили, о чем он вообще не способен задуматься и от чего тянется к бутылке. Они заполучили ручного брата. Есть кому распоряжаться их имуществом. Вот тогда я и подумала, что им нужна Приятная Племянница. Потому что, если они не злые ведьмы, не стремятся к владычеству над миром — они не безумные, не то что Лиз, — если они примерно такие, какими выглядят: три женщины, так и не повзрослевшие по-настоящему, потому что жили вместе и, может быть, немножко колдовали, чтобы устроить жизнь на свой лад, — то все объясняется.

— Мы навестим Сэма? — спросила я.

— Времени маловато, если ты обещала своей тетушке Тэг, что приедешь в четверг, — ответил он.

— Можно было бы, как в прошлый раз, — сказала я, — съездить завтра.

— На Святки они меня не отпустят, — отозвался он, и я видела, что не отпустят. Святки для них ритуал, как и Рождество. Они для него сестры и

наниматели и держат его магией — что я против них могу?

Я теперь научилась смотреть на Даниэля. Мне его жалко. Он добр, как умеет, в пределах того, что он есть, а стен, которые они вокруг него выстроили, не видит. Право, неудивительно, что он женился на моей матери. Понадобилась другая магия, чтобы увести его от них. Нужна была магия и секс, и, может, еще потребовалось забеременеть, потому что это бы их крепко связало, фу! Неудивительно, что на фото у них такой ханжеский вид. Хотя они скоро сумели его вернуть.

А сегодня день солнечный и морозный, и мы все вышли на прогулку по поместью. Оно такое феодальное — никогда подобных не видела. Класс, да, класс всюду ощущается, хоть встречные и не ломают шапки. Пообедали мы в маленьком старом пабе, выстроенном буквально в склоне холма, и называется он «Кузня». Обед был классный. Мне подали стейк и почки в горшочке, с жареной картошкой и бледным зимним салатом. Я сто лет так вкусно не ела. Там было множество их знакомых, то и дело подходили здороваться. А когда мы вернулись, пришло много гостей на чай с пирогами. Мне позволили раздавать пирог. Я, как умела, разыгрывала приятную племянницу,

рассказывала, что люблю школу и по успехам третья в классе. Из женщин кое-кто учился в Арлингхерсте, но про Кубок расспрашивала только одна. Я сообразила, что знакомство со всеми этими людьми мне на пользу, потому что это друзья теток. Раз их друзья теперь знают меня, дочку Даниэля, им будет неловко, если я вдруг пропаду.

Когда все разошлись, я предложила помыть посуду, но мне не позволили. Меня решительно не допускают в кухню. Даниэль скрылся в кабинете, а я здесь, наверху, якобы легла в постель.

Завтра в Кардифф, поездом. Надеюсь, что тетушка Тэг меня встретит. Она не ответила на мое письмо. Если не встретит, доеду до долины автобусом. У меня есть ключ от дедушкиного дома. Обязательно надо поговорить с Глорфиндейлом, хотя добиться от фейри прямых ответов очень не просто. Но я должна попытаться.

Четверг, 27 декабря 1979 года

В поезде, в углу маленького купе, которое пока что в моем распоряжении. Земля покрыта инеем, как сахарной глазурью. Солнце то и дело выглядывает из-за туч, поезд мчится, и на поворотах мне видны вдали уэльские горы, все ближе и ближе. Люблю поезда. Сижу здесь и чувствую связь с прошлым разом, когда так сидела, и в лондонском поезде тоже. Словно подвешена посредине, и быстрое движение куда-то и откуда-то тоже промежуточное. В этом есть волшебство, не то, которое творишь, а то, которое просто есть и всему придает цвет и восторг.

Я не позволила дырявить мне голову, чтоб подвешивать сережки и отнимать волшебство. И свободна, хотя бы пока, хотя бы пока поезд несется мимо Черч-Стреттона и Карвен-Армс, оставив позади Шрусбери и еще далеко от Кардиффа. Об этом немножко написано в «Четырех квартетах», попробую найти, когда доберусь до книги.

Не знаю, бывает ли колдовство проще, чем заставить кого-то делать то, что он сам хочет, да еще с вещами, которые желают того же. Они

покупают ему одежду. Они покупают ему обувь. Покупают стаканы и виски. Дом и мебель принадлежат им. Он хочет пить виски, и кресло того же хочет, и стакан, так что нет ничего проще, чем заставить его так напиться, чтобы он не смог довезти меня до вокзала. Странно только, что я сама до этого не додумалась. Но не уверена, что сумела бы его остановить, не колдуя, даже если бы это было разумно. Я бы не стала, хоть они это и делают. Если он с самого начала их любил, если был им благодарен, они на все пойдут, чтобы так и оставалось. Наверное, они год за годом колдовали больше и больше, понемножку, не желая ему повредить, но и не отпуская, опутывая его паутиной чар, чтобы он остался, поступал, как им хочется, лишился воли. Чтобы разорвать такое, нужно очень сильное средство.

Бедный Даниэль. Он только с Сэмом свободен и еще с книгами. Книги трудно использовать для колдовства. Во-первых, массовые изделия, особенно новые, плохо подходят для индивидуальной магии, они скорее участвуют в магии целого. Магия масспродукции существует, но она размазана так, что не ухватиться. А с книгами тем более: книга как предмет — это не книга, не главное в ней, а магия работает с предметами

большей частью. (Нельзя мне было колдовать на карасс, я и наполовину не понимала, что делаю, и чем больше размышляю, тем яснее это вижу. Я не могу по-настоящему об этом жалеть, потому что люди, с которыми можно поговорить, дороже рубинов, дороже всего на свете, но я точно не стала бы этого делать, будь я умнее. Или не в таком отчаянии.)

На вокзал меня отвезла Антея. Я знаю, что Антея, потому что она сама сказала, хотя, конечно, вполне могла соврать. Для близнецов это просто, мне ли не знать. (Интересно, различает ли их Даниэль? Надо бы его спросить.) Две остались дома, думаю, чтобы за ним приглядывать.

— Даниэль сегодня немножко не в духе, — сказала одна с улыбочкой, выкладывая на стол мерзкие холодные тосты. — Так что на вокзал тебя отвезет Антея.

— Уши прокалывать не буду, — ответила я, снова прикрыв их ладонями.

— Хорошо, милая. Может быть, с возрастом это пройдет.

В машине Антея не говорила о серьгах. Я болтала про школу, про Арлингхерст, старост и Дома, и всеми силами делала вид, что сама собой превратилась в Приятную Племянницу, так что и

колдовать ни к чему. Было трудно, потому что я, конечно, раньше так себя не вела, так что, пожалуй, для правдоподобия надо проделывать это более постепенно, а не с ходу копировать Лоррейн Паджетер в полный рост. Машина у Антеи серебристая, среднего размера, не знаю, как называется, хотя, будь я настоящей Приятной Племянницей, я бы спросила, чтобы сравнить с другими в школе. Внутри отделка кожаная, намного новее, чем у Даниэля. С пассажирской стороны на козырьке от солнца зеркальце. Я ездила на этой машине и раньше, по магазинам, но сидела всегда сзади. Они рулят по очереди и по очереди садятся вперед. Правда, они очень странные. Стольким могли бы заниматься. Могли бы лечить вязы от голландской болезни. Могли бы путешествовать по свету.

В Шрусбери она остановилась не у вокзала, а у ювелирного магазинчика с объявлением в витрине: «Прокалываем уши».

— До поезда еще есть время, — сказала она. — Я захватила твои колечки.

— Буду кричать, — предупредила я. — И затащат меня туда только силой.

— Жаль, что ты такая глупенькая, — проговорила Антея взрослым «голосом, в котором больше

было грусти, чем гнева».

Я не знала, что сказать. Не знала, что и сколько ей известно о том, почему я не даюсь. Мне показалось и до сих пор так кажется, что лучше как можно больше оставить невысказанным. Начни я толковать о чарах, она бы узнала, что я знаю, да еще с полным основанием могла бы заявить Даниэлю, что я не в себе.

— Я категорически отказываюсь прокалывать уши, — как можно тверже объявила я. И вцепилась в сумочку, которую держала на коленях, для равновесия. — Я не хочу вредничать, не хочу устраивать сцену на улице или в магазине, но, если придется, устрою, тетя Антея.

При этих словах я взялась за ручку двери, приготовившись, если что, выпрыгнуть. Вторая моя сумка лежала в багажнике, с книгами и одеждой, но все по-настоящему необходимое я собрала в той, что на коленях. Некоторые книги жаль было бы потерять, но их в крайнем случае можно снова купить. Хайнлайн пишет, что нужно всегда быть готовым лишиться багажа, и я готова. Я понимала, что бежать в буквальном смысле не смогу, но подумала, что, если я выскочу из машины и заковыляю по улице, ей придется за мной гнаться, и она застесняется перед знакомыми. Кругом уже

ходили люди, даже в такой ранний час. А если бы дошло до драки, в этот раз она была бы одна. Пусть у меня хромая нога, зато есть палка.

Так мы посидели немного, а потом она поморщилась, включила зажигание и отъехала. На вокзале она купила мне обратный билет, поцеловала в щеку и пожелала хорошо провести время. Смотрела она… я не знаю. Думаю, она не привыкла, чтобы ей перечили.

Магия сама по себе не зло. Но, кажется, людям она ужасно вредит.

Пятница, 28 декабря 1979 года

К Кардиффу поезд подъезжал под дождем, и весь потрясающий иней в городе был смыт. Тетушка Тэг не встречала меня на вокзале. Я подумала, наверное, она слишком обиделась, что я не приехала помогать на Рождество, и не хочет меня видеть. Я вышла со станции, зашагала к автобусной остановке, к автобусу до долины, и тут спохватилась, что у меня по-прежнему всего 24 пенса, две монетки по десять и две по два в кошельке — большие, как тележные колеса, и такие же бесполезные. Я ломала голову, где взять еще денег. У меня на почте лежит несколько фунтов, но чековую книжку я с собой не брала. И людей, у которых я могла бы попросить в долг, не было на кардиффском вокзале среди дождливого дня. А моя дурацкая нога опять разболелась, как дура. К счастью, я не дошла до решения голосовать на дороге — я так делала, но только когда сбежала. На стоянке разворачивалась оранжевая машинка тетушки Тэг. Я захромала к ней, спеша перехватить, пока она не опустила в счетчик плату за стоянку. Она мне очень обрадовалась и

не корила. Она считала, что я приеду следующим поездом. Я подумала, что успела раньше, потому что тетя Антея оставила запас времени, чтобы проколоть мне уши.

Это второй раз — второй раз *с побега*, когда меня не встречают с поезда, и я понимаю, что сама не справлюсь. Надо положить этому конец. Нужно быть организованней и иметь при себе больше денег. Держать в сумочке деньги на крайний случай. Как только получу, отложу самое малое пять фунтов. И, возможно, стоит держать фунт в кошельке на случай, если остальное истрачу или потребуется не так много. И, может, стоит опять начинать копить на побег, просто на всякий случай. Хорошо было бы, чтобы жизнь устроилась и не пришлось бы бежать, но, если смотреть правде в глаза, до этого еще далеко.

Тетушка Тэг живет в маленькой современной квартире в чистеньком квартале. Его весь построили, по-моему, лет десять назад. В нем есть изогнутая торговая улочка с жуткой булочной и дома на шесть квартир, трехэтажные, с газонами между ними. Ее квартира в среднем. Тут не так… в смысле, не хотела бы я здесь жить. Все очень новенькое, чистенькое и модное, но без своего характера, и все комнаты прямоугольные,

и потолки очень низкие. Думаю, тетушка Тэг выбирала жилье себе по карману и в районе, безопасном для одинокой женщины. Или, может, ей хотелось иметь собственное жилище, совсем не похожее на родной дом: с современной обстановкой и без волшебства. Она всегда, логично и разумно, ассоциировала магию, фейри и все такое с моей матерью, которая четырьмя годами старше нее. Поэтому тетушка Тэг не желала иметь с ними дела — так же, как с Лиз. Она живет сама по себе, с красивой, но невероятно избалованной кошечкой Хурмой. Хурма прыгает с подоконника на козырек над входной дверью, а оттуда на землю. А вот обратно ей этим путем не вернуться, она поднимается по лестнице и мяукает под дверью.

Мне квартирка сразу нравится и не нравится. Я восхищаюсь, как в ней чисто и опрятно, какие пышные коричневые диванчики (теперь они для меня низковаты) и голубые столики. И я вижу, что калориферы хорошо работают. Когда она их купила, незадолго до бабушкиной смерти, все мы ужасно восхищались таким новшеством. Но на самом деле я больше люблю старые вещи, тесноту и камины и подозреваю, что тетушка Тэг тоже, хотя ни за что не признается.

«Моя» комната здесь маленькая, в ней кровать

и стеллаж с тетушкиными книгами по искусству. И на стене две потрясающие картины Хокусая — явно иллюстрации к сказкам. На одной два испуганных японца отбиваются от гигантского спрута; на другой те же двое со смехом прорубаются сквозь огромную паутину. Не знаю, кто они и как их зовут, но в них тонны индивидуальности, и я люблю лежать, разглядывая их и воображая другие их приключения. Мы с Мор рассказывали о них друг другу. Тетушка Тэг купила их в Бате вместе с кремово-коричневым марокканским покрывалом, которое повесила на стену в гостиной.

Я лежу и пишу, а Хурма мяучит под дверью, просит впустить. Если не открыть ей, так и будет орать. А если встать и дохромать до двери (каждый шаг — маленькая победа), она войдет, презрительно посмотрит, развернется и уйдет. Она черепаховой окраски, с белым подбородком и брюшком. Она видит фейри — конечно, в Абердэре, где они есть, а не здесь. Я наблюдала за тем, как она их видела и окидывала тем же пренебрежительным взглядом, что и меня, но все равно присматривала, чтобы мы ничего не натворили. Тетушка Тэг нарисовала, как она лежит на фоне марокканского покрывала — цвета чудесно

гармонируют, — и на ее картине она выглядит прекраснейшей, милейшей и кроткой кошечкой. А на самом деле она терпит ласку примерно полминуты, а потом вцепляется тебе в руку. У меня от Хурмы больше царапин, чем от всех котов вместе взятых, и у тетушки Тэг запястье часто исцарапано. Но все равно она ее обожает и сюсюкает с ней, как с младенцем. Вот и сейчас воркует: «Кто у нас красавица? Кто лучше всех на свете?» С «красавицей» я готова согласиться, учитывая окраску и аристократические повадки, но «лучшая», по-моему, требует еще и хороших манер.

Завтра мы пойдем навестить дедушку. Сейчас не то что в те каникулы, тетушка Тэг не занята в школе. Не так просто будет улучить время для разговора с фейри, но после Нового года она собирается на несколько дней уехать, тогда и найду их. Тетушка Тэг еще не старая, ей всего тридцать шесть. У нее есть любовник — тайный любовник. На самом деле это трагическая история, почти как в «Джейн Эйр». У него жена сумасшедшая, а развестись с ней он не может, потому что он политик, и в любом случае, он считает, что обязан с ней остаться, потому что, когда женился, она была молодой, хорошенькой и лучилась жизнью. На самом деле он — детская любовь тетушки Тэг,

и он даже поцеловал ее после праздника в честь ее совершеннолетия. А потом уехал учиться, познакомился с сумасшедшей женой, которая тогда еще не была сумасшедшей, и женился, и только потом понял, что всегда любил тетушку Тэг, но к тому времени стало ясно, что жена его не в своем уме. Не уверена, что рассказала все точно. Например, отец его жены помог ему пробиться в парламент. Я думаю, не женился ли он ради выгоды? И правда ли, что развод и новый брак погубят его карьеру? Гораздо опаснее, если выйдет наружу его связь с тетушкой Тэг. Однако она говорит, что счастлива и так, ей нравится жить вдвоем с Хурмой и проводить с ним время от времени по несколько дней.

Я вставала, чтобы помочь ей приготовить ужин. Вы не представляете, какая радость чистить грибы и тереть сыр, когда давно этого не делал. А потом есть то, что сама приготовила или помогала готовить, такая еда всегда намного вкуснее. Тетушка Тэг лучше всех на свете готовит цветную капусту с сыром.

И еще очень приятно на время расслабиться, и чтобы о тебе заботились.

Суббота, 29 декабря 1979 года

Году мало осталось. Хорошо. Гнусный был год. Может, 1980-й будет лучше. Новый год. Новое десятилетие. Для меня это десятилетие взросления и достижений. Хотела бы я знать, что принесут восьмидесятые. Шестидесятых я почти не помню. Помню, как вышла в сад и подумала, что наступает девятьсот семидесятый, и это звучало как летящие по ветру желтые флажки, и я сказала Мор, и она согласилась, и мы стали бегать по саду, раскинув руки, будто летим. Забавно, что звуки слов имеют свой цвет. Кроме Мор, этого никто никогда не понимал.

Дедушке понравился слон, а тетушка Тэг очень довольна халатом. Она не вскрывала подарок, пока мы не приехали в «Феду Хир», и мы устроили маленькое Рождество вокруг кровати. Мне они подарили большой красный свитер с воротником-поло, и мыло с веревочной петелькой, и жетоны на книги. Про прокалывание ушей я им не рассказывала, зачем зря расстраивать. Все равно по закону они не имеют на меня прав — а что они меня воспитали, это не в счет. Любая

мать, даже самая злая, и любой отец, даже самый незнакомый, для суда важнее, чем какие-то тетушки и дедушки.

Заметно, что дедушка ненавидит «Феду Хир» и хочет домой, но я не знаю, как мы справимся, раз он не может сам передвигаться. Тетушка Тэг говорит, что кто-нибудь мог бы приходить, чтобы его поднять и снова уложить в постель. Не знаю, сколько это будет стоить. И не знаю, как это устроить. А место ужасное. Считается, что его там лечат, но толку что-то не видно. И много таких, кто явно дожидается смерти. У них такой безнадежный вид. Поначалу и он имел такой же. Когда мы вошли, он словно утонул в постели, дремал, наверное, но выглядел маленьким и жалким, полуживым, совсем не моим дедушкой.

Я ему напомнила, как он учил нас играть в теннис и как мы ездили в Брекон-Бикон и там играли на неровной площадке, чтобы потом на ровной было легко. Я напомнила про то, как в вышине пели жаворонки, и про заросли кустов и смешного мохнатого тростника, который мы называли бамбуком. (На самом деле это не бамбук и даже не похоже, но у нас была игрушечная панда, и мы играли, будто она ест этот бамбук.) Дедушка всегда гордился, как мы быстро бегаем и

ловко принимаем мяч. Он, конечно, всегда хотел мальчика. Не то чтобы мы хотели быть мальчиками, просто мальчикам жить гораздо веселее. Мы обожали теннис.

И я подумала, что все было зря, все наши тренировки, потому что Мор умерла, а я не могу бегать и дедушка больше тоже не может. Только это было не зря, потому что мы помним. Нужно делать то, что стоит делать само по себе, а не только ради будущего. Я никогда не выиграю Уимблдон и не буду участвовать в Олимпийских играх («На Уимблдоне никогда не выступали двойняшки», — вечно повторял он), но я все равно бы от этого не отказалась. Я даже не буду играть в теннис для забавы, с друзьями, но это не значит, что зря играла, пока могла. Жаль, что я не делала больше такого, что могла. Лучше бы я носилась бегом каждый раз, когда подворачивался случай, бегала в библиотеку, бегала через кум, бегала вверх по лестницам. Ну, по лестницам мы и так часто бегали. Я припомнила, как тащилась по лестнице до тетушкиной квартирки. Кто может подниматься по лестнице бегом, должен взбегать. И пусть делает это первым, чтобы я хромала сзади и не думала, что его задерживаю.

Мы навестили тетушку Олвен, а потом дядю

Гуса и тетушку Флосси. Тетушка Флосси подарила мне книжный жетон, а дядя Гус дал фунтовую купюру. Я не простила дяде Гусу его слов, но деньги взяла и сказала спасибо. Я спрятала их в дальний кармашек кошелька, будет первая заначка на крайний случай. У тетушки Флосси очень удобное кресло с подлокотниками. Без них мне с креслами трудно. Не понимаю, зачем их делают такими низкими. Библиотечные стулья всегда замечательно высокие.

Воскресенье, 30 декабря 1979 года

Ноге чуть лучше, слава богу. В самом деле, так хорошо, что, когда я шла к автобусной остановке, одна «в каждой бочке затычка» осведомилась, зачем я хожу с палкой.

— Автомобильная катастрофа, — сказала я. Обычно это заставляет всех закрыть рот, но ее — нет.

— Напрасно ты с ней ходишь, постарайся обходиться так. Сразу видно, что она тебе не нужна.

Я прошла мимо, не слушая, но меня затрясло. Может, на вид и не нужна, когда иду по ровному, зато нужна, когда надо стоять на месте, и очень нужна на лестницах и рытвинах, и я никогда не знаю, каково мне будет в следующую минуту: как сегодня или как вчера, когда я еле могла опереться на эту ногу.

— Смотри, как быстро ты идешь, и совсем она тебе не нужна, — крикнула она вслед.

Я остановилась и обернулась. Чувствовала, как горят щеки. На остановке было полно народу.

— Никто не станет притворяться калекой! Никто не будет ходить с палкой, если она не нужна!

Как вам не стыдно так обо мне думать?! Если бы могла обойтись без нее, сломала бы ее о вашу спину и убежала с песнями. Вы не имеете права так со мной говорить, ни с кем так говорить нельзя. Я что, пропустила вашу коронацию? С чего вы взяли, что я стала бы ходить с ненужной палкой? Думаете, вымогаю жалость? Не нужна мне ваша жалость, вот уж чего не надо. Я занимаюсь своими делами, и вам бы следовало.

Ничего хорошего из этого не вышло, только все на меня уставились. Она покраснела, но не думаю, чтобы до нее в самом деле дошло. Дома, наверное, будет рассказывать, что видела девочку, притворяющуюся калекой. Терпеть не могу таких. Учтите, тех, кто изливает на тебя суррогатную жалость, я люблю не больше, и тех, кто выспрашивает, что со мной, и треплет по головке. Я личность. Мне есть о чем поговорить, кроме ноги. Замечу в пользу Освестри: с их английской сдержанностью я меньше на такое натыкаюсь. Там если меня кто спрашивает, что случилось и действительно ли мне нужна палка, это знакомые, учителя, девочки из школы, тетины приятели и тому подобное.

Я целую вечность не могла успокоиться. Я еще пыхтела и злилась, когда автобус свернул на

дорожку к мосту Понтипридд. Вот случись что, думала я, погибни мы все, получится, что эта жуткая тетка последняя, с кем я разговаривала.

Я пообедала у Мойры — под этим предлогом и поехала в Абердэр. Мойра сказала, что выговор у меня стал стильный — вот жуть-то. Она не сказала «английский», все-таки она моя подруга и добрая девочка, но я и так поняла. Должно быть, это школа в меня въелась. А мне так не хочется говорить, как остальные там! Не знаю, что и делать. Чем больше обращаю внимание, тем более чужим слышится собственный голос, а ведь раньше я не замечала, просто говорила. Есть курсы культуры речи. А антикультуры бывают? Не то чтобы мне хотелось говорить как Элиза, но и не желаю, едва открыв рот, показывать себя аристократочкой.

У Мойры четверть прошла неплохо. На удивление трудно было придумать, о чем с ней говорить. Не помню, о чем мы болтали раньше: ни о чем, наверное, — сплетни, школьные дела, все, чем вместе занимались. Без этого мало что осталось. Ли порвала с Эндрю, с ним встречается Насрин, и ее родители, похоже, против. Ли вечером второго января собирает компанию, так что я с ними со всеми там увижусь.

После обеда я вышла из дома Мойры на Кроггин-Бог и отправилась на ту сторону. Там одна приличная дорога: Хеол-и-Гверн, но я ее сразу покинула. Кроггин — вообще-то произносится Крогайн — большое болото. Это верховое болото, на склоне холма. По нему идут старые тропки, не такие старые, как Вязовая дорога, но давно проложенные. В это время года по ним плохо ходить, да и зима была сырая, но на самом деле не опасно, если знать дорогу и даже если не знать, но держаться вязов. Мы с Мор, правда, однажды заблудились в нем, когда были маленькие, и выбрались только по вязам. Впрочем, трясин там нет, просто грязно и мокро. Напрасно его так боятся. Еще был раз, когда я ходила туда после смерти Мор и нарочно старалась заблудиться, но фейри меня вывели. Говорят, что болотные огни, блуждающие огоньки, уводят с дороги в самую топь, но в тот раз они вывели меня как раз на дорогу у дома Мойры. Я вошла, мокрая насквозь, и мама Мойры отправила меня в душ и дала одежду Мойры, чтобы добраться до дому. Я боялась выволочки, но Лиз ссорилась тогда с дедушкой и обо мне даже не вспомнила.

Хорошая есть история о временах постройки этих домов. Их строили вдоль Хеол-и-Гверна и от

него стали отводить короткие улочки в болото, застраивая новыми домами, чтобы получился приличный жилой квартал. Беда в том, что болото не желало домов. Как было на самом деле, я знаю от дедушки, который помнит. В Страстной четверг поставили фундамент и ушли, а когда вернулись во вторник после Пасхального понедельника, тот совсем ушел в землю. Но рассказывают, будто выстроили дом целиком, а когда возвратились после выходных, из болота одни трубы торчали. Ха! После этого там бросили строить и новый квартал возвели в Пенивауме, чему я очень рада. Мне нравится болото как оно есть, с маленькими корявыми деревцами, и длинной травой, и с тростниками, и с внезапными, нежданными цветами, и с болотными уточками в омутах, и с чибисами, которые хлопают одним крылом, отводя вас от гнезда.

Но сегодня мне нужны были фейри, а в Кроггин фейри попадаются часто. Но я не нашла ни следа их, даже выходя из болота по реке, и в Итилиене ни одного не увидела. Я проверила Осгилиат и другие развалины, где в куме водятся фейри, сделала большой крюк, возвращаясь в город по драму. Там есть старые плавильни и развалившиеся хижины — по крайней мере, я думаю, что

это они были. Так трудно представить, что в них идет деловитая суета. Несколько фейри я все-таки приметила краем глаза, но они не задерживались и со мной не заговаривали. Тут я вспомнила, как не могла найти Глорфиндейла после Хеллоуина. Похоже, бывают и другие времена, когда нам их не отыскать, — времена, когда они не желают отыскиваться. Нас они всегда найдут. Я пробовала их созвать, хотя и понимала, что бесполезно. Они не пользуются именами, как мы. Я бы рада, чтобы имена у нас, как в Земноморье, имели призывную силу, но у нас не так, у нас имена не в счет, считаются только вещи. Я, по-моему, знаю, как можно призвать их чарами, но это колдовство было бы не для защиты от зла, так что я обдумывала эту мысль не дольше секунды.

Я попробовала посидеть на месте, несмотря на холод, и выждать, пока отступит боль в ноге — на случай, если это она их отпугивает. Хотя сегодня не очень болело. Не стоило на это рассчитывать, я просто не подумала. Долго сидеть было очень неуютно, и ветер нес капли дождя. Через городок проходить было тоскливо, все магазины позакрывались, а я их помню работающими. И «Рекс» закрылся, в Абердэре больше негде посмотреть кино. Всюду болтаются изорванные объявления:

«Продается». На улицах мусор, и даже рождественское дерево в окне библиотеки выглядит никому не нужным. Я успела на автобус в Кардифф, чтобы попасть к ужину с тетушкой Тэг.

Не знаю, что делать, если не найду их. Мне на самом деле надо поговорить.

Вторник, 1 января 1980 года

С Новым годом.

Приятно проснуться в дедушкином доме и самой себе хозяйкой.

Тетушка Тэг куда-то отправилась на Новый год с Ним — в общем, как всегда. Я бы тоже могла поехать, она меня приглашала, но мне не захотелось. Я им только мешать буду. Вчера утром мы съездили в Абердэр навестить дедушку, а потом она укатила, а меня мигом перехватила тетушка Флосси. Я собиралась искать фейри, а вместо этого изображала «трех французских курочек» на ее новогодней вечеринке. Веселье вышло малость натужное, и меня потянуло в постель задолго до полуночи, но случались у меня дни и похуже. У меня скопилось еще четыре с половиной фунта с подарков и еще шесть шоколадных медалек. А в полночь я выпила полстакана шампанского. Это было вкуснее, чем у Даниэля, а может, к нему надо привыкнуть.

Я собираюсь встать, приготовить себе завтрак и сделать еще одну попытку найти фейри. Может быть, на Новый год больше повезет.

Среда, 2 января 1980 года

Вчера утром я правда хотела найти фейри. Для разнообразия поднялась по Эйковому выпасу. На самом деле он Хэйков выпас, назван по некому мистеру Хэйку, но все его зовут Эйковым. Это общинный луг, то есть никому не принадлежит, как почти все земли до огораживания. Нелегко представить Абердэр крестьянским поселочком, в котором одна только церковь Св. Иоанна и одна дорога от Бикон до Кардиффа, а других улиц вовсе нет, а уголь и железо лежат себе спокойно под землей. Мне однажды для фестиваля бардов довелось учить современное стихотворение на валлийском, оно заканчивалось: «Тоталитариет гло» — деспотия угля. Я по дороге подобрала кусочек угля. В них часто попадаются окаменелости, древние листья и цветы. Уголь — это органика, органическая масса, спрессованная камнем, так и складывались горючие угольные жилы. Если его спрессовать сильнее, получаются алмазы. Я задумалась, горят ли алмазы и можно ли было бы ими топить, попадайся они так же часто, как уголь. Для фейри это одно и то же: измененные

камнем растения. Я задумалась, помнят ли фейри юрский период, гуляли ли они среди динозавров и какими тогда были. Наверняка из них тогда никто не имел человеческого облика. И они не могли говорить на валлийском. Я потерла уголь между пальцами и немножко запачкала их. Я знаю, что такое уголь, а что такое фейри, не знаю — по-настоящему не знаю.

На Эйковом выпасе есть место, которое мы называли Дингли-делл. Это имя из самых старых, старше имен из «Властелина колец», и записывать его мне неловко, совсем не хочется делиться с другими. Там когда-то добывали камень открытым способом, земля в три стороны резко обрывается, так что получается маленький амфитеатр. На обрывах карьера растут деревца и черничник. Кажется, в первый раз мы пришли сюда с бабушкой за черникой. Помнится, я больше съедала, чем попадало в корзинку, но мы тогда были совсем маленькие. И воображали себя очень храбрыми, когда в первый раз прошли всю дорогу одни.

Сейчас кустики были по-зимнему голыми, и рябины тоже. Бледное солнце светилось в далеком небе. Нахальная малиновка села совсем рядом и склонила головку. Малиновок рисуют

на рождественских открытках, а иногда и на рождественских пирогах, потому что они на зиму не улетают.

— Привет, — сказала я. — Рада видеть, что ты еще здесь.

Малиновка не ответила. Я и не ждала ответа. Но сразу почувствовала, что рядом есть еще кто-то. Я подняла глаза, ожидая, что замечу исчезающего фейри, и с надеждой встретить Глорфиндейла, а увидела Мор, стоящую на сухой листве у обрыва. Она была похожа… ну, естественно, на Мор, но что я сразу заметила, это как она непохожа на меня. В те каникулы я этого не увидела, а сейчас да. Я выросла, а она нет. У меня грудь. У меня прическа другая. Мне пятнадцать с половиной, а ей все еще и навсегда четырнадцать.

Я шагнула к ней, а потом вспомнила, как она за меня цеплялась и тащила к двери в холм, и остановилась.

— Ох, Мор, — произнесла я.

Она ничего не сказала. Не могла, как малиновка. Она была мертвая, а мертвые не говорят. Вообще-то я знаю, как заставить мертвого говорить. Им нужна кровь. Но это колдовство и вообще было бы ужасно. Не представляю, чтобы я такое сделала.

Я говорила с ней, хоть она и не могла мне ответить. Рассказала о волшебстве, и про Даниэля и его сестер, и как сбежала от Лиз, и про школу, и про книжный клуб, и обо всем. Странно то, что чем больше я рассказывала, тем дальше она уходила, хоть и не двигалась с места, и тем больше отличалась от меня. Нас никто не различал, но мы, конечно, всегда были разные. С тех пор как она умерла, я почти забыла или не забыла, но не столько представляла ее саму по себе, как нас вдвоем. Мне казалось, меня разорвали надвое, но на самом деле не так, это ее отобрали. А она мне не принадлежала и всегда была другой, со своей личностью, и я это знала, пока она была жива, но об этом все время забывалось, когда ее не стало рядом, чтобы отстоять свои права.

Будь она жива, мы бы выросли разными людьми. Я так думаю. Вряд ли мы бы, как тети, остались навсегда вместе. Я думаю, мы бы всегда дружили, но жили бы в разных местах и общались с разными людьми. Каждая была бы тетей для детей другой. Теперь уже поздно. Я вырасту, а она нет. Она застыла как есть, а я меняюсь и хочу меняться. Я хочу жить. Я думала, что должна жить за нас обеих, раз она не сможет жить за себя, но на самом деле жить за нее я не могу. Я по-настоящему

не знаю, как бы она поступила, чего бы захотела, как изменилась бы. Арлингхерст изменил меня, и книжный клуб изменил, а ее они могли бы изменить иначе. Нельзя жить за другого.

Я не удержалась от вопроса:

— Ты в следующем году сможешь уйти под холм?

Она пожала плечами. Ясно, тоже не знала. Что происходит под холмом? Куда уходят умершие? Где во всем этом Бог? Все описывают Небеса как семейный пикник.

— Фейри о тебе заботятся? — спросила я.

Она помедлила, но кивнула.

— Хорошо! — Мне полегчало. Жизнь в долине с фейри — далеко не худшее, что я могу себе представить. — Почему они не хотят со мной говорить?

Она взглянула озадаченно и пожала плечами.

— Ты можешь поговорить с ними про теть и их затею?

Она кивнула очень уверенно.

— А попросишь их поговорить со мной? Меня тревожит магия и действие чар.

— Делаешь — делай, — произнес голос у меня за спиной, и, развернувшись, я увидела фейри, незнакомого, и похож он был не на человека, а

скорее на старый пень. Что меня поразило, это что он заговорил по-английски и этими самыми словами. Пожалуй, достаточно загадочными.

— А как же этика? — спросила я. — Этично ли менять людей без спросу? Может, ты предвидишь последствия сделанного, но я-то нет.

— Делаешь — делай, — повторил он. А потом его не стало, а стал пень, а к нему была прислонена палочка того же цвета с ручкой, вырезанной в виде конской головы.

Я неловко наклонилась за ней. Она была мне по росту, и рукоять удобно легла в ладонь. Я оглянулась на Мор, но она тоже пропала. В лощине дул ветер, шуршал сухими листьями, но чьего-то присутствия в ней не ощущалось.

Я вернулась в дедушкин дом с двумя палками: от фейри и со своей старой. Решила оставить старую — она все равно была дедушкина, — а новую взять себе. Может, она растает с восходом или обратится в древесный лист или еще что, но я так не думаю. Она такая увесистая, что не верится. Всем скажу, что мне ее подарили на Рождество. Думается, так оно и было. Она мне нравится.

Делаешь — делай.

Не означает ли это, что все, что бы ты ни делал, волшебством или иначе, все равно имеет силу и

последствия и влияет на других? Потому что, может быть, так оно и есть, но мне все же кажется, что с магией по-другому.

Вечером вечеринка у Ли.

Четверг, 3 января 1980 года

Снова у тетушки Тэг. Похмелье. Жаль, что у кардиффской воды такой жуткий вкус. Я захватила из Абердэра бутылку воды из-под крана, но всю уже выпила.

Сегодня совсем ничего не делали, только вернулись в Кардифф, и ели шоколадный пирог, и ласкали Хурму (сколько она позволяет), и читали. Чудесно. Тетушка Тэг так же вымоталась, как я.

Вечеринка у Ли вышла та еще. Пили пунш из красного вина и виноградного сока и фруктовые коктейли из банок, а потом добавили водку. На вкус мерзость, и, по-моему, почти все пили ее, зажав нос. Не знаю, зачем я так мучилась. Я напилась, и, наверное, неплохо смягчить острые углы, но я от этого просто поглупела. Люди пьют для оправдания, чтобы назавтра оправдываться за то, что натворили. Ужасно.

Не хочу описывать, что там было. Все равно это не важно.

С другой стороны, я пишу полные и искренние воспоминания или виляю и выкручиваюсь?

Все с самого начала пошло не так. Насрин при-

шла в красном свитере, точь-в-точь как у меня, только ей он больше к лицу.

«Мы близняшки!» — радостно зачирикала она и тут сообразила, что сказала, и личико у нее вытянулось на целую милю.

Не прошло и года, всего девять месяцев, как я здесь жила. За это время мы все выросли, и, похоже, они выучили правила, которых я не учила. Может, потому что меня здесь не было, или просто я читала из-под парты книжку, пока люди обсуждали, как это делается. Ли накрасила глаза и губы — и даже Мойра накрасилась. Мойра предлагала и меня накрасить, но у нас разный цвет кожи. Обычно я выгляжу белым человеком, как Даниэль, пожалуй, но, если поставить меня рядом с настоящим белым, а Мойра по-настоящему бледная, видно, что оттенок кожи у меня желтоватый, а не розовый. Дедушка, когда кто-то из нас обгорал на солнце, говаривал, что мы до смешного бледные и нам надо выйти замуж за чернокожих, чтобы дать детям шанс, и был прав — в сравнении с ним и остальными нашими родственниками мы были очень бледными. Вряд ли вы бы заметили, если бы не знали, что мои предки цветом кожи были ближе к Насрин, чем к Мойре. Но косметика Мойры на мне смотрелась

нелепо, так что я все стерла.

Потом я целую вечность толковала с Ли про Эндрю, а потом с Насрин про Эндрю — целую вечность. Ли в основном с ним покончила и занялась другим мальчиком, постарше, по имени Гарет. У него мотоцикл. Посреди рассказа Насрин, как она ругается из-за Эндрю с родителями, мне уже захотелось, чтобы это скорее кончилось. По-моему, Эндрю не такая важная особа, чтобы поднимать из-за него столько шума. Но меня никто не спрашивал, так что я пару часов участвовала в этом шуме. Явившись — а родители Ли торжественно поклялись родителям Насрин, что его не будет, — он весь вечер очень застенчиво ее обнимал. Родители Ли до одиннадцати часов ушли в кардиффский театр с ее младшей сестрой.

Было много почти незнакомого народа. Один мальчик попробовал меня обнять, и я ему позволила. Почему бы и нет, подумалось мне после нескольких бокалов этого дурацкого лилового пунша с плавающими в нем половинками виноградин и кусочками груши и персика. Приятно было, что рядом кто-то теплый. Он из друзей Гарета, значит, лет шестнадцати или семнадцати. Зовут его Оуэн, и, насколько могу судить, он за всю жизнь не прочитал ни одной книжки и

ничем не интересовался, кроме мотоциклов, девочек и музыки. Ему нравится какой-то «Клэш», о котором я впервые слышала, и Элвис Костелло. Ли, должно быть, тоже нравится Элвис Костелло, потому что она крутила его записи на полную громкость. Я и правда многое упустила по части музыки, потому что в школе нам не разрешают. Он спросил, кто нравится мне, и я ответила, что Боб Дилан, чем его очень обескуражила. Видно было, что он о Дилане слышал, но ничего о нем не знает. Ну-ну. Он малость опешил, увидев мою палку, и после этого немножко оставил меня в покое — я вставала, чтобы выйти в туалет. Позже, когда Мойра меня заверила, что у него нет девушки, и стала спрашивать, разве он не красавчик… не стоит и пальца Вима, подумала я, а у Вима еще и мозги есть.

Словом, позже, когда Оуэн вернулся и снова стал меня лапать, я его не прогнала. Мне даже понравилось, но только в физическом смысле. Дело в том, что остальные хотя бы притворяются, что влюблены в мальчиков, с которыми гуляют. Вроде как репетируют взрослые отношения. Выбирают себе временную замену и разыгрывают роман. Я не хотела и не хочу играть в эту игру. От Оуэна у меня нисколько не перехватывало

дыхание, да и не особо он мне понравился. Но он был теплый, и мужественный, и крепкий, и интересовался мной, и мне с ним действительно стало любопытно и захотелось прикосновений. Так что, когда он предложил мне показать свой мот, я с ним пошла. Оказалось, всего-навсего мопед, на 50 кубов, но он им очень гордится и много о нем рассказывал. Не уверена, что эта шутка хотя бы осилит подъем.

Казалось бы, от ночного воздуха я должна была протрезветь, но только сильней опьянела. Когда он стал меня целовать, мне понравилось, и я ему отвечала, чем, кажется, немного обескуражила. (Может, я что-то делала не так? В книгах об этом не пишут, но я делала все точно как в кино.) Он обнял меня руками и стал гладить. Вот тут у меня немножко перехватило дыхание, и я действительно завелась.

Так вот, мы вернулись в дом, в комнатку, которая на самом деле кабинет отца Ли. В ней стоит диван, и мы на него сели и стали обжиматься. Было темно — в коридоре горел свет, а в комнате мы не включали.

Почему записи о сексе — более личные и трудные, чем обо все остальном? В этом дневнике есть места, за которые меня бы *сожгли на костре*, а

писать их я не стеснялась.

В общем, мы немножко пообжимались, а потом Оуэн сунул руку мне в трусики, и мне понравилось, я и подумала, что веду себя как эгоистка, что просто сижу и не отвечаю ему, так что я положила ладонь ему на бедро и продвинула к его пенису — да, я прекрасно знаю, что такое пенис, я купалась в ванне вместе с кузенами и играла с ними в доктора, когда мы были маленькие и не подчинялись этим дурацким правилам этикета. В общем, у Оуэна, как и следовало ожидать, был пенис, и он был напряжен, но стоило мне коснуться его через брюки, он убрал руки и чуть не отскочил от меня.

— Ах ты шлюха! — сказал он и загородился от меня руками, словно думал, что я его схвачу за это место. И вылетел за дверь. Я посидела минуту с горящими щеками. Я не понимала. И до сих пор не понимаю. Он меня хотел. Мне кажется, что хотел. Я думала, я веду себя как нормальный человек, но, очевидно, нет. Что-то я упустила, потому что так и не могу понять.

Ли, когда я вернулась, сказала мне, чтобы я осторожнее с Оуэном, потому что он дает волю рукам. Мне что, надо было его остановить? Или он ожидал сопротивления, а не сотрудничества?

Просто тошно. Все это тошнотворно, и я не хочу иметь с этим ничего общего.

По мне, лучше уж бесконечная череда баров, как в «Тритоне» Или хоть три настоящих бара. Там я бы поняла. А этого мне никогда не понять. Хорошо хоть, я с ним, наверное, больше не встречусь.

Пятница, 4 января 1980 года

С утра поехала в Кардифф, чтобы потратить в «Лирсе» свои жетоны на книги. Я в восторге от «Лирса». Магазин огромный, два этажа, и целая стена отдана НФ, с импортными американскими изданиями. Я заново купила себе «Обделенных», и «Красную смену», и «Пересечение Эйнштейна», и «Четыре квартета», и «Особый дар» Майкла Коуни, который написал «Здравствуй, лето, и прощай», и — чудо чудное, диво дивное, новую книгу из «Хроник Амбера» Роджера Желязны! Я при виде ее даже взвизгнула. «Знак единорога»! Она в жуткой желтой обложке, но славься вовеки, «Сфера», которая ее издала, и «Лирс», который закупил!

Я променяю всех парней в долине на один «Знак единорога».

Ближе к вечеру мы пробежались к Бикон, посмотреть, не замерзли ли водопады. Не замерзли, еще не так холодно, хотя в иные зимы они на несколько дней замерзают. У развилки не было фургона с мороженым, и тетушка Тэг, судя по ее реакции, этого ожидала. Я люблю горы. Мне

нравится горный горизонт, даже зимой. Когда мы спускались обратно — сперва к Мертиру, а потом через отрог к Абердэру, как ходила когда-то тетушка Тэг, когда была еще школьницей, я чувствовала себя как в гнездышке из большого лоскутного одеяла.

Я не расстаюсь с новой палкой. Заметил ее только дедушка, когда мы вечером на обратном пути зашли к нему. Он сказал, что она из орешника. Я сообщила, что купила на рыке за подарочные деньги. Он похвалил работу и посоветовал надеть на кончик резиновую насадку, ее тоже можно купить на рынке. Он сегодня выглядел гораздо бодрее. Никто не мог бы сделать больше тетушки Тэг, чтобы вытащить его оттуда.

Суббота, 5 января 1980 года

В поезде залпом прочла «Знак единорога», так что можно будет оставить ее у Даниэля, когда буду возвращаться в школу. Что мне по-настоящему нравится в этих книгах, это голос Корвина, такой очень личный, освещающий все, подшучивающий и вдруг становящийся столь серьезным. Еще мне нравятся Козыри, и Тени, и набеги на Тени. (Пожалуй, буду отныне всегда теперь называть жареную курицу по-кентуккийски жареной ящерицей.) Думается, он не все, что можно, извлек из Теней. Если можно сквозь них пройти и найти свои тени, с ними много всякого можно бы сделать.

Дочитала к Леоминстеру, а потом стала перечитывать «Четыре квартета» и пьянеть от слов. Я могла бы переписывать эту книгу страницу за страницей. Иногда трудно понять смысл, но в том-то отчасти и восторг, когда собираешь образы в единое целое. В ней такой же сюжет, как в «Молодом Лохинваре», только он не лежит на поверхности. Как я рада, что у меня теперь есть эта книга. Могу ее перечитывать раз за разом. Буду

перечитывать в поездах, всю жизнь, и каждый раз вспомню сегодняшний день, и у меня будет с ним связь. (Волшебство ли это? Да, своего рода волшебство, но большей частью просто чтение своей книги.)

Шропшир все такой же ужасающе плоский и безгорный. Под январской моросью у него жалкий вид. Небо столь низкое, что, если привстать на цыпочки, можно ткнуть в него пальцем. Кажется, тут можно одновременно страдать и клаустрофобией, и акрофобией.

Даниэль меня встретил без проблем. Приехал заранее: выйдя с вокзала, я застала его в «Бентли» с «Панчем» в руках. Он очень извинялся, что не отвез меня тогда на вокзал. Так трудно найти, что на это ответить. Могла бы сказать, что не важно, но ведь это важно. И что теперь изменят его извинения? «Не извиняйся, просто больше так не делай», — сказала я. Он поморщился.

Я привезла с собой пирог Двенадцатой ночи. Сама испекла, а тетушка Тэг покрыла глазурью. В нем не было прямой и преднамеренной магии, кроме мысли о трех Царях и посвященного им стихотворения Элиота, но сам факт, что мы готовили в ее мисках, ее ложками и своими руками, делает его волшебно реальным. Думаю, сестры

это заметили, потому что вынесли свой, а мой велели забрать в школу и дать по ломтику всем подругам. В школе он будет практически светиться волшебством. Я этого не сказала. Я ела их опилочный пирог, улыбалась и старалась любой ценой быть Приятной Племянницей. Делала вид, что жду не дождусь возвращения в школу и мне страшно интересно, что получили на Рождество другие девочки. Пока я сидела там, улыбаясь до боли в щеках, мне пришло в голову, что они вовсе не пытались меня околдовать. То есть сережки, наверное, были такой попыткой, но, чтобы затащить меня в магазин и тому подобное, они прибегали к авторитету взрослых и физической силе, а не принуждали чарами и не заставляли захотеть эти серьги, ничего такого. Интересно, много ли они умеют и где научились? Неужели тоже от фейри? Или от кого-то, кто учился у фейри? Теоретически я могла бы обучить всему, что умею, человека, который ни разу не видел фейри.

За чтением «Четырех квартетов» я иногда задумывалась о фейри юрского периода и подумала: может быть, они — разумное проявление взаимосвязи миров? Помнится, в Бирмингеме, во время своего побега, я раз увидела фейри на перекрест-

ке. Шел дождь, мокрая мостовая блестела, а он стоял как ни в чем не бывало. Когда я подошла и он заметил меня, то кивнул и исчез. А на том месте, где он стоял, сквозь трещину в асфальте проросла трава.

Воскресенье, 6 января 1980 года

Каждый раз забываю, какая школа шумная. У меня в ушах звенит.

Прошлой ночью в постели читала «Автостопом по галактике». Собиралась быстренько просмотреть, чтобы сказать Дейдре спасибо, но книжка оказалась веселой и остроумной, так что можно было поблагодарить ее от души, потому что я и за миллион лет сама бы ее не выбрала — выглядит полным хламом. Интересно, в книжном клубе кто-нибудь ее читал?

Что получили на Рождество другие девочки: заметки для доклада Приятной Племянницы. Самые богатые получили портативные «Сони». В школу захватить, конечно, не могли, потому что у нас музыка под запретом. Мойра, Ли и Насрин не могли мне поверить, на их взгляд, это худшее из лишений. Они живут под радио. «Сони» — это, видимо, легкий переносный кассетник с наушниками. Он крепится к поясу и позволяет слушать музыку на ходу. Признаю, очень ловко, да еще можно самой выбирать, что слушать. Музыку подарили многим, если и не «Сони», так пластин-

ки или записи. Лоррейн достался скейтборд, и братья научили ее кататься. Похоже, это не хуже лыж. Еще многим дарили одежду, духи, наборы косметики с зеркальцами в крышках — в школе и они под запретом, но кое-кто протащил контрабандой — и мыло на петельке, так что я уже не так радуюсь своему.

Дейдра восхитилась моей новой тросточкой. Спросила, не из Ирландии ли. Я ответила: нет, она валлийская — это так и есть, — а она сказала, что в ней есть что-то кельтское. Я вполне согласна. Она обрадовалась, что мне понравилась книга, а я радовалась, что действительно понравилась. Мыльным набором она осталась довольна, по крайней мере, так сказала.

Я отдала пирог на кухню и попросила нарезать ломтиками на весь нижний пятый. Пирог большой, я видела, что, если нарезать тонко, всем хватит. Мне все равно, если кто-то не будет есть. На самом деле, когда его раздали к ужину, почти все съели, хотя кое-кто при этом опасливо на меня поглядывал. Мои мысли о царях, принесших золото, и миро, и предостережение от Ирода не могли никому повредить, но не могла же я им об этом сказать? Шарон отдала свой ломтик Дейдре. Не знаю, что иудеи думают о Христе. Считают

просто странным ребенком, к которому случайно зашли цари с подарками и который по ошибке вообразил себя Мессией? Или думают, что он просто миф? Шарон спрашивать нельзя, но Сэма я могу спросить. Дейдра нашла в ломтике Шарон боб и чуть не лопнула от восторга. Королевский боб и поэтический конкурс, наверное, единственное, что ей в жизни случалось выигрывать. Не знаю, пекут ли в Ирландии пирог на Двенадцатую ночь.

Я чувствую, школа смыкается надо мной, как трясина.

Во вторник книжный клуб!

Понедельник, 7 января 1980 года

Я утром вышла посмотреть на школу со стороны и подышать, а вокруг было полно фейри. Я ожидала, что они исчезнут, как только заметят, что я их вижу, но они занимались своими делами, не обращая на меня внимания, разве что дорогу уступали. Бóльшая часть страшненькие и бородавчатые, но были и похожие на эльфиек. Я пробовала заговорить с ними по-валлийски и по-английски, но они меня игнорировали. Хотела бы я знать, что затевается?

Письмо из больницы с назначением на прием у доктора Абдула утром четверга. Я показала его сестре и мисс Эллис и собираюсь ехать, хотя не вижу в этом проку. Впрочем, с ногой в последние дни получше. Ортопедическая больница расположена в Гобовене, это надо автобусом до города и оттуда автобусом.

Мисс Кэрролл была со мной очень мила, расспрашивала о каникулах и получила ли я книги в подарок. Я спросила, получила ли она: ей подарили книги и жетоны в книжный магазин, совсем как мне. Она не такая уж старая. Наверное, она

пошла в библиотекари, потому что любит книги и чтение. Я бы тоже не отказалась стать настоящим библиотекарем, но в школьной библиотеке это ужас, особенно здесь.

Вторник, 8 января 1980 года

Сегодня вечером клуб!

В этой четверти на уроках английского читаем «Вдали от обезумевшей толпы». Я ее прочитала целиком во время, отведенное на чтение. Гарди пишет очень растянуто, хотя и не так, как Диккенс. Там есть страшная сцена, когда падшая женщина, Фанни Робин, тащится вдоль изгороди во время родов. По-моему, остальная книга блекнет рядом с этой сценой. Кошмарный счастливый конец: Батшеба выходит за Габриэля Оука и «Стоит мне поднять глаза, и вы тут, со мной, и стоит вам поднять глаза, и я тут». Вот уж кому некуда деться! Бабушке Гарди нравился, а мне нет. Я старалась его полюбить, но слишком он мрачный и в то же время банальный. Все события происходят как по заказу, и даже если это ужасы, все равно штампы. Терпеть такого не могу. Он мог бы многому научиться у Силверберга и Дилэни.

Еще мы будем читать «Бурю» и что-то из Китса. Я уже читала. С «Бурей» хорошо то, что мы собираемся ее смотреть в театре Клайд в Молде, всей школой. Наверняка станут хихикать и мешать,

но ведь в настоящем театре! Я никогда не видела «Бурю». Смотрела только «Ромео и Джульетту» в Шерманском театре с тетушкой Тэг и «Сон в летнюю ночь» со школой, в Новом театре. Не думаю, что театр в Молде на уровне кардиффского, но какая разница? Интересно, каким у них будет Калибан? Мне он всегда виделся похожим на первого увиденного здесь фейри, бородавчатого и паутинного. А как они сделают Ариэля?

По истории нудный девятнадцатый век, уф, все эти акты, Ирландия, профсоюзы… Мне бы историю чего-нибудь интересного! По французскому будем проходить сослагательное наклонение. Говорят, это сложно, но в латинском не сложно. По латыни мы начали первую книгу «Энеиды» Вергилия. Пока я в восторге.

«Ныне враждебный мне род плывет по волнам тирренским, морем в Италию мча Илион и сраженных пенатов»[9].

Хотя, по-моему, «по этрусским волнам» смотрелось бы лучше?

---

[9] Примечания: 9
Перевод с латинского С. А. Ошерова.

Среда, 9 января 1980 года

Вчера был книжный клуб. Я немножко опоздала, потому что автобус задержался, но они еще не начинали, а Джанин заняла мне место напротив бюста Платона.

Великолепная встреча — ее вел Марк, он средних лет, в больший очках с толстыми стеклами и с маленькой бородкой. Мы обсуждали трилогию «Основание». Лучше всего было, когда стали по-настоящему вникать в психоисторию, насколько это возможно. По-моему, невозможно из-за хаоса. Не думаю, что для этого нужна мутация, как у Мула, или, вернее, мне кажется, что обычным людям проследить ее было бы так же невозможно. (Может, получилось бы с помощью магии. Но не на том уровне, которого якобы достиг Хари Сэлдон. Об этом я не говорила.) Вим сравнил ее с «Резцом небесным» и с некоторыми книгами Дика о манипуляциях историей. Тут я задумалась, нельзя ли написать книгу, в которой бы тайное общество манипулировало историей в своих таинственных целях?

— Кто мог бы просуществовать так долго? —

возразил Грег.

— Католическая церковь? — предположила Джанин.

Пит фыркнул.

— Если так, они не очень-то справляются. Под их властью было полмира, а они упустили ее.

Джанин с Питом опять сошлись. Держатся за руки под столом. Не знаю, простила она ему поддержку Вима или приняла точку зрения Хью. Спросить не могла, даже когда мы болтали после обсуждения, потому что там был Вим.

— Разве что на самом деле имеется тайный внутренний круг, у которого иные цели, чем заявленные церковью, — добавила я.

— Тамплиеры? — предложил Кейт.

— Инопланетная технологическая цивилизация, — вставил Вим.

Мы далеко ушли от сюжета «Основания». Но это и хорошо, это отклик. Так здорово быть с людьми, которые читают то же, что и я, и чьи мысли направлены в ту же сторону. Какая мысль: таинственные инопланетяне, направляющие историю в своих целях — например, чтобы вывести человечество на Луну, где у них тайное убежище или еще что, как в «Сиренах Титана», — просто замечательно!

Под конец я всем рассказала про «Знак единорога», но дать почитать не могла, потому что книга пока у Даниэля. Попрошу прислать. Почти все обрадовались, а двое или трое еще не читали двух первых — какое им предстоит удовольствие! — а теперь о них узнали. Только Брайану Желязны не нравится. Грег сказал, что закажет его для библиотеки, но не раньше апреля, потому что деньги на закупку книг у них закончились до нового финансового года. Будь я богата, пожертвовала бы много денег библиотекам.

— А пока кто-нибудь может заказать их через межбиблиотечную рассылку, — сказал Грег и улыбнулся мне.

— А кстати, — спохватилась я, — что еще написал Желязны?

Оказалось, тонны книг, но почти ничего не публиковалось. Грег собирается выписать их для меня. Он — один из самых милых людей, кого я знаю. Я не сразу поняла, потому что он очень замкнутый, но внутри чудесный.

На следующей неделе Кордвейнер Смит. Потрясно!

Вим подошел ко мне, когда все стали расходиться.

— Ты говорила, что не читала «Творца сновиде-

ний»? — спросил он.

— Верно, — ответила я.

— Я могу дать почитать, чтобы тебе не ждать, пока пришлют. Если хочешь, можно встретиться здесь в субботу.

Так что я встречаюсь с Вимом в библиотеке в половину двенадцатого в субботу, и он отдаст мне книгу.

Человек, который дает мне почитать Желязны, наверняка не так черен, как его малюют.

Четверг, 10 января 1980 года

В больнице, постельный режим, на вытяжке, с ужасной болью, извините за жуткий почерк. Пусть бы это помогло!

Пятница, 11 января 1980 года

Я чувствую себя жертвой похитителей. Пришла вчера утром в больницу на назначенный прием. Доктор Абдул пять минут посмотрел мои рентгеновские снимки, две минуты помял ногу и заявил, что мне нужна неделя на вытяжке. Велел своему ассистенту меня записать, обнаружил, что как раз есть свободная койка, созвонился с Даниэлем и со школой, и не успела я оглянуться, как оказалась на дыбе. Чувствую себя и вправду как на дыбе. Делать ничего невозможно. Писать очень трудно. Я пишу слева направо, потому что наоборот очень трудно, хоть я и натренировалась. И когда пью, все время обливаюсь. Даже читать тяжело. Нога у меня держится на этой штуке, приподнята на белую металлическую перекладину и привязана, вытянута так, что каждую секунду адская боль, а вся я должна лежать пластом. Почти не могу шевельнуться. Я дочитала три книжки, которые были с собой, одну два раза («Экспедицию „Тяготение“» Клемента). Следовало взять еще, но я захватила всего три, потому что знаю, сколько в больницах приходится ждать.

Больно, больно и еще раз больно, и унижения с больничным судном. Приходится кнопкой вызывать санитарок, когда нужно попить или судно, а они иногда не идут целую вечность, зато, если я принимаю это в расчет и вызываю заранее, приходят сразу. Дополнительное оскорбление ко всем мукам — телевизор в конце палаты. От него никуда не деться, а самое невыносимое, что он постоянно настроен на ITV, то есть показывает рекламу. Интересно, в аду так же? Я бы определенно предпочла серное озеро, в нем хоть поплавать можно.

Ко всем в приемные часы с двух до трех и с шести до семи приходят посетители. Я второй день смотрю на эти толпы с цветами и фруктами. Смотрю принудительно, насколько можно что-то разглядеть под таким углом. Я никого не ждала, и никто и не пришел. Даниэль мог бы зайти. Не так уж это далеко, а он знает, что я здесь. Хотя я не жду, что они его отпустят.

Завтра я не смогу встретиться с Вимом, а он подумает, что я не пришла, потому что наслушалась о нем дурного.

Женщина в конце палаты кричит — короткие отрывистые вопли. Ее кровать отгораживают простынями, чтобы нам не было видно, что с

ней делают. Определенно, это намного хуже, чем описания ада.

Суббота, 12 января 1980 года

Все еще на дыбе.

Вчера вечером под конец приемного часа пришла мисс Кэрролл с кипой легких книжек в бумажных обложках. Они из школьной библиотеки, поэтому не то чтобы очень захватывающие, но сейчас для меня это манна небесная. Она не могла посидеть подольше. Ей никто не сказал, что я здесь, но, когда я не появилась, она пошла меня искать, чтобы узнать, что случилось. И приехала сразу, как узнала. Я чуть не расплакалась, когда она рассказала. Понятия не имела, как трудно высморкать нос в таком положении. Она обещала предупредить Грега, что со мной, а он скажет Виму и остальным. Сегодня вечером она привезет еще книжек.

Милый боже, если ты есть, и тебе не все равно, и ты можешь благословлять людей, пожалуйста, благослови Элисон Кэрролл самым лучшим своим благословением.

Она принесла мне три книги Пирса Энтони, первые книги двух разных серий. Думаю, она их взяла потому, что они первые по алфавиту, а

она выбирала второпях. Я их не читала, потому что, по правде сказать, выглядят они макулатурой. Я уже миновала стадию, когда читают всю библиотеку в алфавитном порядке, хотя и рада, что когда-то это проделала. Все равно, я и этим рада. Пока что прочитала «Соседнее скопление» и «Даму в цепи» и собираюсь взяться за «Заклинание для хамелеона» — это фэнтези. Я была права, чушь чушью, но они отвлекают и не требуют напрягать мозги, а когда половина мозга орет «Ой-ой-ой» и «Скорей отвяжите мне ногу», это плюс. Ночью снились «серийные» жуткие сны о переходе в чужое тело. И у каждого была больная нога: даже когда я попала в тело балерины, та танцевала с палочкой. Наверное, боль пробивается и в сон. Прошлой ночью я заснула за книгой, а меня разбудили, чтобы дать снотворное.

Воскресенье, 13 января 1980 года

Вчера мисс Кэрролл принесла книг и гроздь винограда, а сегодня днем приходил Грег, привел Джанин с Питом и еще принес книг. А едва мы разговорились о Пирсе Энтони, который нравится Питу, а Грег сравнивает его с Чосером (!), объявился Даниэль. Я его не сразу заметила, потому что перестала таращится на дверь и чужих посетителей, раз у меня для разнообразия были трое своих. Он бочком подобрался к кровати и выглядел смущенным. Я видела, что он не знает, целовать ли меня, и в конце концов решил не целовать. Он тоже принес книг, и большую открытку от сестер, и еще винограда — с мелкими красными ягодами. Не понимаю, почему все приволокли виноград. Он что, считается особо целебным? Джанин принесла батончик «Марса», которому я обрадовалась куда больше, хотя и перепачкалась, пока ела. Я представила Даниэля остальным, и ясно было, что никто не знает, о чем говорить. Грег даже сказал, что им, наверное, пора идти. И тут, к счастью, Даниэль сообщил, что привез мне «Знак единорога», и появился

повод поспорить, кто возьмет его первым, и все мы заговорили о книгах и проболтали до конца визита, когда сестра позвонила и всем пришлось уходить. Я не спросила Даниэля, сможет ли он дождаться следующего приемного часа вечером, но, как видно, он не смог, потому что я его больше не видела. Все же было очень мило с его стороны потратить на меня воскресный день.

Грег принес все, что я получила по рассылке, — он их проштамповал мне заочно и без моей карточки. Он пошутил, что это входит в стандартные услуги библиотеки, но, конечно, не входит. К сожалению, все они в твердых обложках, и читать их под таким углом очень трудно. Бумажную я удерживаю над головой одной рукой, а твердую не удержать. Я получила «Возвращение в ночь» Мэри Рено и до сих пор не прочитала. Но даже видеть пачку у себя на тумбочке уже кое-что.

Неделя будет в среду. Еще три дня мучений и ада.

Сестра каждые четыре часа подходит предложить мне обезболивающее. «Принимай, только если болит», — говорит она. Разве может не болеть, когда так подвешен на крюк? Я принимаю, но они только притупляют боль.

Сплю я довольно плохо, с жуткими сновидени-

ями и часто просыпаюсь от боли и шума в палате. Снотворное, которое они мне навязывают, усыпляет, но не мешает просыпаться.

Понедельник, 14 января 1980 года

Ночью или под утро мать снова пыталась меня атаковать. Проснувшись, я не могла шевельнуться и знала, что она в палате, нависает надо мной. В палате никогда не бывает темно, всегда виден свет от сестринского поста и маленьких лампочек у самого пола, и кто-нибудь всегда читает при своей лампочке. Было так светло, что я могла бы ее видеть, но не видела, только очень сильно ощущала присутствие. От боли я не соображала, что делать. Стала вспоминать, что помогло в прошлый раз, и, конечно, Литания против страха, и я стала ее повторять, и она опять помогла. Успокоившись и взяв себя в руки, я смогла шевельнуться, сколько позволяет дыба, и она сразу пропала.

Как она узнала, что я здесь и беззащитна? Почему отказали мои защитные чары? Они должны действовать, где бы я ни была.

Утром приходил доктор Абдул — впервые с прошлого четверга, когда отправил меня на вытяжку. Он помял мне ногу — так, что я заорала, черт побери! — и сказал, что все идет хорошо.

И перешел к следующей пациентке. Я вовсе не уверена, что так уж хорошо поправляюсь. Такое впечатление, что становится только хуже.

Наверное, несмотря на это ощущение, может и помочь. Он же врач. Чтобы только поступить учиться на врача, нужен отличный аттестат. (А в Пакистане сдают экзамены на аттестат? Возможно, он ведь раньше был британским; когда дедушкина бабушка переехала сюда, он входил в Британскую Индию. Но сдавали ли тогда экзамены? Насрин должна знать, сдавал ее отец или нет.) Так или иначе, доктору Абдулу в Пакистане требовалось получить эквивалент наших трех «отлично», чтобы поступить на врача. Он должен быть умным и прилежным, и знать, что делает. Не повесит он человека на вытяжку просто так.

Почему помогает Литания против страха? Мисс Кэрролл приходила в вечерний час посещений, принесла книги. Опять тайны Джозефины Тэй, мне в самый раз, и, слава богу, в бумажных обложках. Она говорит, что в библиотеке без меня скучно и что на молитве поминают мое имя.

Вторник, 15 января 1980 года

Все еще на вытяжке и совсем упала духом.

Пропускаю книжный клуб, а раз все они там, а мисс Кэрролл была вчера, посетителей не жду.

Дедушка и тетушка Тэг даже не знают, что я в больнице, не то прислали бы открытку. Тогда откуда узнала моя мать? Здесь нет волшебства. Ни фейри, ничего нет — я считала школу вычищенной и стерильной, но школа ничто в сравнении с этой адской палатой.

Читала Тэй. Особенно хороша «Мистификация». Только что там за яма в Дотане? Это из истории Иосифа?

Остался всего один день на дыбе. Начинаю задумываться, может ли садист получить три «отлично» в аттестате, но, будь доктор Абдул садистом, он бы чаще приходил позлорадствовать. Он явно равнодушен. Вовсе не смотрит мне в лицо, его только рентген интересует. Стараюсь видеть в этом хорошую сторону. Мне уже мало трех «отлично» в аттестате, чтобы перевесить недоверие.

Среда, 16 января 1980 года

Меня не выпустят, пока не осмотрит доктор Абдул, а он будет тут только завтра.

Днем приходил Вим. Принес «Творца снов» и «Остров мертвых». Вошел в кожаной куртке, очень неловко, стеснялся еще больше Даниэля. Я вдруг очень остро осознала, что на мне дурацкая больничная рубашка с пятнами от еды (очень трудно опрятно есть в горизонтальном положении) и что волосы у меня больше недели не мыты. Меня тронуло, что он ехал повидать меня в такую даль.

— Грег вчера сказал, где ты, — объяснил он. — Я решил привезти. Хотя, похоже, ты бы обошлась. — Он кивнул на кипу книг на тумбочке.

— Эти я почти все дочитала, — сказала я.

Он поднял брови.

— Здесь больше делать нечего, — пояснила я.

— На вид ужасно уныло, — согласился он. — Как кормят?

— Жуть.

Он рассмеялся.

— Моя мать здесь на кухне работает.

— Наверняка дома она намного лучше готовит, — сказала я.

— Вот и нет, — ответил он. — Она так себе готовит. Но уж если она сама говорит, что еда здесь кошмарная, значит, и правда плохо дело. Я потому и спросил.

— Не так уж отличается от школьной, — сказала я.

— Я думал, за те деньги, что берет Арлингхерст, там хорошо кормят, — удивился он.

— И я бы так подумала, но там тоже жуть. Котлеты с заварным кремом.

— Я тебе принес мороженое для астронавтов от НАСА, — сказал он, доставая из кармана пакетик.

Я подняла его, чтобы рассмотреть. На черном фоне была нарисована ракета и написано, что это мороженое астронавтов, точно такое, какое ели на «Аполлоне». Я благоговейно уставилась на Вима.

— Все остальные носят мне виноград. Как ты догадался?

Он вроде бы застеснялся, если такое возможно.

— Мне кузен привез из Флориды. Он купил несколько упаковок, но это последняя. Не так уж вкусно, но главное — идея. Я приберегал одну до подобающего случая.

Я престала вертеть пакетик и в упор взглянула на него.

— У тебя кузен в Америке?

От его улыбки у меня опять перехватило дыхание.

— Знаешь, Америка есть на самом деле, не только в научной фантастике. И Грег там бывал. На «Ворлдконе» в Фениксе. Познакомился с Харланом Эллисоном!

— Что такое «Ворлдкон»?

— Мировой конвент научной фантастики. Люди собираются на пять дней и обсуждают НФ. В прошлом году был в Брайтоне, я ездил. Блеск! Ты не представляешь.

Мне показалось, что представляю.

— Как книжный клуб в квадрате?

— В геометрической прогрессии! Там был Роберт Силверберг. Я с ним разговаривал! И Вонда Макинтайр!

Мне просто не верилось, что рядом со мной человек, говоривший с Робертом Силвербергом.

— А в этом году где будет?

— В Бостоне. Обычно проводится в Америке. Бог весть, когда снова случится в Британии. Но есть и британские конвенты. На Пасху будет в Глазго. Конечно, туда не соберутся все американские

авторы, но приезжают не только писатели. Еще и фанаты. Ты не представляешь, какие разговоры я вел в Брайтоне.

— А в Глазго ты собираешься?

— Уже коплю на поездку. В Брайтон я ездил на велосипеде и ночевал в палатке, но в Глазго нужны будут деньги хотя бы на комнату в гостинице, и ехать лучше бы на поезде.

Он воодушевился, ожил.

— Гостиница… поезд… а сколько стоит билет?

— Это называется «участие», — поправил он. — Я уже оплатил. Пять фунтов.

— Интересно, согласится ли Даниэль заплатить. И разрешит ли мне поехать? Может, уговорю и его присоединиться? Ему должно понравиться.

— Кто этот Даниэль? — спросил он, отодвигаясь от меня, хотя стул остался на месте. — Твой парень?

— Мой отец, — объяснила я. — Он читает НФ. В воскресенье он встретился с Грегом, Джанин и Питом, и мы целый час говорили о книгах. Наверняка ему захочется на конвент.

А вот отпустят ли его сестры, я была далеко не так уверена. Им совсем не понравится, если он вздумает заниматься чем-то отдельно от них. Может, они и меня не захотят отпустить, я ведь

должна быть Приятной Племянницей. Надо придумать, как их обойти.

— Везет тебе! — неожиданно протянул Вим.

— Везет? В чем? — заморгала я. Никогда не считала себя везучей, даже когда нога не была подвешена на растяжке.

— Богатый отец и читает НФ. Мой считает ее детским чтением. Не возражал, когда мне было двенадцать, но он вообще считает, что чтение для слабаков, а детские книжки читают только младенцы. Орет на меня каждый раз, как застанет за книгой. Мать читает, как она говорит, милые романы, Кэтрин Куксон и тому подобное, но только когда его нет дома. Она совсем не понимает. У нас дома вообще нет книг. Я бы все отдал за читающих родителей.

— Я с Даниэлем познакомилась только этим летом, — сказала я. — Родители в разводе, а воспитывали меня в основном бабушка с дедушкой. Денег у них совсем нет, зато они очень даже читающие и нас хвалили за чтение. А Даниэль не то чтобы богат. У него богатые сестры, и ему они дают деньги, но зато держат на тугом поводке. Арлингхерст они мне, по-моему, оплатили, чтобы от меня отделаться. Не знаю, дадут ли они ему денег на Глазго, они ведь не захотят, чтобы он

ехал. Меня еще могут отпустить.

— А мама у тебя где?

Вопрос был естественным, но он задал его с какой-то заученной небрежностью.

— В Южном Уэльсе. Она… — я запнулась: не хотела говорить ни что она ведьма, ни что сумасшедшая, хотя то и другое правда. Нет такого слова, чтобы подразумевало то и другое, а должно бы быть. — Она не в своем уме.

— Девочкам в школе ты говорила, что она ведьма, — заметил Вим, отбросив волосы со лба.

— Ты откуда знаешь?

— У меня подружка работает там в прачечной, она и рассказала.

У меня упало сердце. Значит, у него есть подружка. Он на два года старше меня, он не мог мной заинтересоваться, и я об этом знала, хоть он и пришел меня навестить и вроде бы обращал на меня внимание. Я сразу поняла, что его подружка — та самая девушка, которую я видела перед каникулами, устало складывавшая школьные блузки в стиральную машину. Было отчасти лестно, что он ее обо мне расспрашивал.

— Пусть ненавидят, лишь бы боялись, — процитировала я. — Так говорил Тиберий…

— Я читал «Я, Клавдий», — перебил он. — Ты им

сказала, что твоя мать ведьма, чтобы напугать?

— Они меня ужасно доставали, — объяснила я. — Они все между собой знакомы, а я никого не знала и говорю не как они, так что это показалось хорошим средством. И, в общем, подействовало, хотя мне немножко одиноко.

— Значит, она не ведьма? — Как ни странно, он выглядел разочарованным.

— Ну… на самом деле, ведьма. Безумная ведьма. Злая колдунья, как в сказках.

Мне не хотелось о ней говорить, не хотелось ему рассказывать, какая она. И все равно ее трудно описать.

Он склонился и заглянул мне в глаза. У него глаза синие, почти как небо.

— Ты умеешь читать мысли?

— Что? — опешила я.

— Знаешь, как в «Умирающем изнутри». — Он не отодвигался, пристально смотрел мне в глаза с расстояния всего несколько дюймов. Дух захватило так, что удивительно, как я не задохнулась, хоть и знала, что у него есть девушка.

— Нет. По-моему, не умею, — пискнула я.

— Просто подумал… — произнес он осторожно и неуверенно, словно уже пожалел, что спросил. И не отодвинулся. — Просто в первый раз, как

я тебя увидел, мне показалось, что ты видишь меня насквозь. А когда услышал, что мать у тебя колдунья, то подумал… знаешь, бывало у тебя, что начитаешься фантастики и уже ничто не кажется невозможным? Так что готов признавать самые безумные гипотезы, хотя… — Он сбился.

Увидев его впервые, я, помню, только и думала, какой он роскошный. Если ему почудилась таинственная связь, так он явно ошибся. Раздался звонок к уходу посетителей.

— Она колдунья, — быстро проговорила я, когда он уже поднялся, — и волшебство существует.

Он жадно склонился ко мне.

— Покажи!

— Оно не такое, как в книжках, — зашептала я, хотя в гомоне расходящихся посетителей меня вряд ли кто мог подслушать.

— Все равно покажи.

— Там нечего показывать. И к тому же я поклялась не колдовать, кроме как ради защиты. — Я сама услышала, какой слабой отговоркой это звучит. Его лицо замкнулось, он выпрямился. — Но, может быть, я все-таки сумею кое-что показать, — добавила я, отчаянно желая, чтобы он поверил. — Не знаю, сумеешь ли ты увидеть. Только дождись, пока меня отсюда выпустят.

— Ты меня не дурачишь? — подозрительно спросил он.

— Нет! Что ты!

— Ладно, — неуклюже буркнул он. — Спасибо.

— Тебе спасибо, что пришел, и за книги, — сказала я.

Я проводила его взглядом до двери, и потом до самого вечера ела мороженое астронавтов (очень странное на вкус), и записывала каждое слово разговора, пусть даже писать так трудно, чтобы не забыть.

Мне не придется колдовать. Если он придет в Браконьерскую рощу, я, может быть, сумею показать ему фейри. Он верит, точно верит, во всяком случае, во что-то. Но в лесу, если я увижу фейри, а он нет, выйдет очень неловко, потому что он примет меня за сумасшедшую или врунью, и не знаю, что хуже.

Ну и ладно.

Четверг, 17 января 1980 года

Даже сразу после не было так плохо.

Сделали еще один рентген. Доктор Абдул хотел поговорить с Даниэлем и рассердился, что его нет, будто я ношу его в кармане. Меня в конце концов отпустили, заставив сменить мою чудесную волшебную палочку на металлическую. Я кое-как дотащилась до остановки и потом с остановки на остановку. Хорошо, что там есть бортики, чтоб присесть. Никогда еще не было так плохо. По-моему, стало только хуже. Думаю, они навсегда ее испортили и хотели сказать об этом Даниэлю, а мне не сказали.

Я опять в библиотеке. Мисс Кэрролл говорит, что мне лучше бы лечь в постель. Она принесла мне стакан воды и леденец, хотя есть в библиотеке строго запрещается.

Больно, больно, БОЛЬНО.

Пятница, 18 января 1980 года

Лежу в лазарете. Лежать на подушке и без дыбы изумительно. Лежа не так больно. Никогда раньше не ценила школьной еды. Конечно, в больнице был один плюс — посетители. Здесь ко мне никто не приходит, кроме Дейдры и мисс Кэрролл. От Джанин и Грега у них будет истерика, а за Вима меня могут и исключить, хотя он и так не приходит.

Я догоняю пропущенные работы — ну, все, кроме математики. Все равно у меня мозги не математические, и не могу я разбираться в числах, когда так болит. По географии проходят оледенение. Я это уже учила, так что без проблем. На самом деле это скучновато: да, ледники, кумы, они же цирки, конечные морены, корытообразные долины… Дейдра впервые обо всем этом слышит и признается, что видит их в кошмарах. Я как хорошая девочка не стала пересказывать ей «Забытого врага» Кларка.

Завтра не смогу поехать в город, да и все равно ни с кем о встречах не договаривалась. Мисс Кэрролл вернет за меня библиотечные книги и

возьмет новые. Может, ко вторнику поправлюсь. Хотя бы до как было.

Хочу опять двигаться. Я как будто в ловушке. Ненавижу.

«Возвращение в ночь» — чистой воды фрейдизм. Хотя есть хорошие места.

Суббота, 19 января 1980 года

Даниэль приехал меня навестить, вот уж не ожидала. Просунул голову в дверь и спрашивает:

— Угадай, кого привел?

Я надеялась на Сэма, но правильно угадала, что сестер. Удивительно, что всего одну.

— Здравствуйте, тетя Антея, — сказала я.

Она так и подскочила. Я, конечно, просто угадала, но догадка основывалась на опыте. Обычно если всего одна из них, то Антея, старшая.

— Не устояла перед искушением повидать прежние места, — объяснила она.

— Удивительно, как остальные устояли, — сказала я, старательно изображая Приятную Племянницу.

— В машине не хватило бы места, милая.

А в машину Даниэля, как во все машины на свете, кроме, может быть, оранжевого «Фиата 55» тетушки Тэг, который мы прозвали Желтолицей Быстроногой Гэсси (Гэсси — это по буквам номера GCY), помещаются четверо, хотя и тесновато, особенно если все высокого роста. Вот тогда я сообразила, что они хотят меня увезти с собой.

— Пока не поправишься, — сказал Даниэль.

По-моему, больше было бы пользы, если бы Даниэль приехал в будний день побеседовать с доктором Абдулом, но, по-видимому, он говорил с ним по телефону — интересно, кто кому звонил? Во всяком случае, в школе решили, что, раз я не могу пока вернуться к учебе, обо мне лучше позаботятся дома. Ну, может, так бы оно и было, будь у меня дом. Я перепробовала все доводы, чтобы остаться в школе, даже подходящие для Приятной Племянницы, вроде того, что не хочу пропускать хоккейный матч со «Св. Фелицитатой», но все они разбились вдребезги.

Спуститься в машину мне помогли. Такая помощь на самом деле только помеха. Кто привык ходить с палкой, она вместе с рукой становится как нога. Если за нее подхватывают, или тянут вверх, или без спросу что-то делают с рукой и палкой, получается, как если обычного человека при ходьбе хватали бы за ногу. Хорошо бы люди это понимали. Многие девочки видели, как я уезжаю, и сестра, конечно, знает, так что кто-нибудь наверняка предупредит мисс Кэрролл, а она расскажет Грегу и остальным. Под «остальными» я подразумеваю Джанин и всех, в том числе Вима. Но, признаться, прежде всего Вима. Кажется, я в

него немножко втюрилась. И по глупости забыла в школе книги Желязны, которые оставляла на сладкое, так что даже не смогу их почитать.

Воскресенье, 20 января 1980 года

Дует чуть ли не ураган и, похоже, снесет Олдхолл. Ветер колотит в окна, пробирается в щели и свистит в дымоходах. Лежу и чувствую, как весь дом поет, будто корабль под парусами.

Книг у меня хватает, и Даниэль заходит спросить, не нужно ли еще. У меня есть подушки, и я не подвешена на дыбе. Я могу доковылять до ванной. У меня есть графин с водой — настоящий графин с хрустальной крышечкой, как полагается. Мне приносят еду — не хуже, чем в школе. (Если в Олдхолле есть волшебство, оно в том, что Олдхолл, вопреки всему, остается таким, как есть. Другого я не чувствую.) У меня есть радио, которое передает новости, Арчера, «Викторину для садоводов» и, к моей радости и удивлению, «Автостопом по галактике»! Потрясающий получился радиоспектакль. Наверное, я могла бы переключиться с четвертого канала, который дедушка до сих пор называет домашним, на первый, который когда-то называли «Легкими программами». Но не стоит, разве что позлить теток, потому что на четвертом попадаются жемчужины вроде «АпГ»,

а по первому одна поп-музыка. И все равно я в основном читаю.

Надолго ли я здесь застряла?

К ужину прихромала вниз — здесь его называют обедом, кроме особых случаев. Приготовили макароны с сыром, разваренные до несъедобности. А они ели, кивали, приговаривали что-то и улыбались. Я разыгрывала приятную племянницу. На самом деле мне не терпится поговорить с Даниэлем насчет Глазго на Пасху, но это надо, когда никто из них не подслушает.

Потом я попросила разрешения позвонить тетушке Тэг. При Даниэле им неудобно было отказывать, так что я позвонила. Она ужаснулась, услышав про больницу, о которой она даже не знала, и не поверила, что стало, кажется, еще хуже. Она во всем старается видеть светлую сторону и находит ложку меда в бочке дегтя, но сейчас от этого мало проку. Она обещала объяснить дедушке, почему от меня нет вестей, и передать ему привет. Надеюсь, он не разволнуется — хотя нет, она, наверное, скажет, что я от этого скорее поправлюсь и начну снова бегать. Хорошо бы так. Нога теперь, даже когда нет острой боли, все равно вроде как ноет. Уверена, что стало хуже.

Телефон стоит в коридоре на столике перед мяг-

кой скамеечкой. Я, пока говорила с тетушкой Тэг, присела на подушечку. Когда положила трубку, задумалась, кому бы еще позвонить, пока я здесь и никто не помешает. Беда в том, что я не знаю номеров. Звонить Грегу в библиотеку не было смысла, тем более в воскресенье вечером. Домашних телефонов я ничьих не знаю, даже Джанин. Рядом с телефоном лежала телефонная книжка, но домашняя, куда записывают телефоны знакомых, а не типографские «Желтые страницы». Я ее полистала и никого знакомого не нашла, пока не добралась до М, а там оказался Сэм, его адрес и номер телефона.

Его домохозяйка сразу ответила и вспомнила меня.

— Маленькая внучка, — сказала она.

Я не маленькая, и странно слышать, что Сэм — мой дедушка. Дедушка у меня всегда был, это место занято. Но Сэм мне все равно нравится.

Через минуту он подошел к телефону.

— Морвенна? Что-то случилось?

— Ничего такого не случилось, просто я выздоравливаю в Олдхолле, вспомнила тебя, и захотелось поговорить.

— От чего выздоравливаешь? — спросил он, и я ему все рассказала; и о том, что мне, по-моему,

стало хуже.

— Возможно, возможно, — согласился он, — хотя иногда болит, когда заживает, ты об этом не думала?

— Мне ничего не говорят, — пожаловалась я. — Доктор Абдул хотел обсудить с Даниэлем, а мне ничего не сказал. Умирать буду, и то промолчат.

— Даниэль бы сказал, — ответил Сэм, но без особой уверенности.

— Если бы ему позволили, — уточнила я.

Сэм помолчал.

— Пожалуй, я мог бы выбраться тебя навестить, — заговорил он. — Есть одна мысль. Дай мне Даниэля.

Тогда мне пришлось позвать Даниэля и все объяснить, а он отослал меня в постель и довольно долго говорил с Сэмом. Потом пришел наверх и сказал, что завтра Сэм приедет меня повидать — поездом, а он его встретит в Шрусбери.

Удивительно, что Сэм куда-то поедет, и еще удивительнее представлять его здесь, но завтра он приедет! По словам Даниэля, он сильно постарел и редко выбирается из дома, так что я могу считать это особым подарком — а я и считаю.

Понедельник, 21 января 1980 года

Сэм привез мне букетик подснежников из садика его домохозяйки.

— Только зацветают, — сказал он. Они выдержали долгое путешествие поездом и автомобилем — Даниэль встретил в Шрусбери — и сохранили свой особенный аромат. Мор любила подснежники. Это были ее любимые цветы. Мы посадили их на ее могиле, может быть, и те уже зацвели? Одна из теток принесла мне крошечную хрустальную вазочку в стиле графинчика, и я поставила букет у кровати.

Еще Сэм привез мне Платона — «Законы» и «Федра», которые мне хотелось почитать, потому что их читают в «Колесничем». Книги не новые, явно его собственные, но Сэму пришлось свернуть горы, чтобы их раскопать. Еще он принес синюю книжечку издательства «Пеликан», называется «Греки», автор Х. Д. Ф. Китто — сказал, что она введет меня в контекст. И в контекст Мэри Рено тоже введет. Надеюсь, она интересно написана. Я до сих пор не взялась за историю Черчилля, которой меня наградили.

Еще он привез баночку с камфарной мазью, ужасно пахучей.

— Не знаю, поможет ли, но все-таки захватил, — сказал он. Я немножко натерла ногу, и нисколько не помогло, только она теперь тоже пахнет, но я оценила заботу.

Однако на самом деле Сэм считает, что мне нужно иглоукалывание. В Сэме есть волшебство: не настоящая магия, но он очень прочный. Магии к нему не подступиться, не изменить. Любопытно было наблюдать за ним с тетками: он с ними безупречно вежлив, но держится так, будто они ничего не значат, а они не знают, что с этим делать. В нем нет трещин, в которые можно было бы проникнуть. Предложи иглоукалывание они, я бы стояла насмерть, чтобы не дать себя дырявить. Но тут воспротивились как раз они.

— Глупые китайские суеверия, неужели вы в них верите? — сказала одна.

— Морвенна страшно боится иголок, она даже не позволила проколоть себе уши, — подхватила другая.

— Да и чем это поможет? — заключила третья.

Но Сэма таким не проймешь.

— Думаю, надо попробовать. Вреда точно не будет. А Морвенна, я полагаю, разумная девочка.

Он нашел иглоукалывание в Шрусбери и записал адрес. Хотел сразу ехать туда, но сестры убедили Даниэля, чтобы позвонил и записался. Он записал меня на завтрашнее утро.

Весь день Сэм просидел у меня в комнате, разговаривал со мной. Он старый и прожил странную жизнь — только подумать, всю семью убили. Это как если бы Уэльс сию минуту ушел под воду и я одна осталась. Ну, еще кузен Арвел в Ноттингеме, но только мы двое из всех, с кем я росла. Вот так было у Сэма. Он вернулся после войны и никого не нашел, и в его доме жили чужие, а соседи притворились, что его не узнают. Он увидел на столе соседки хлебницу своей матери, но она даже хлебницу ему не отдала.

— Для тебя они ничего не значат, — сказал он.

— Значат.

— Они чужие. Даже я чужой. Но мои родные были бы тебе двоюродными. Идут разговоры — не первый год власти разных стран ведут переговоры о компенсациях. Но какая компенсация возместит мне семью? Как они вернут тебе кузенов, которых ты не знала, и тех, кто так и не родился, а сейчас был бы твоего возраста?

Тогда я прочувствовала. Я могла бы написать про это стихотворение. «Гитлер, верни мне ку-

зенов!»

Мне кажется, Сэму немножко грустно, что я не иудейка, что никто из его потомков не будет иудеем. Но он об этом молчит и нисколько меня не укоряет. Он сказал, что не остался в Польше, потому что ему казалось, кругом мертвые, вот-вот вывернут из-за поворота. Это мне понятно. Тут я чуть не заговорила с ним о волшебстве, о том, что сделала ради карасса, о скитающейся с фейри Мор. Заговорила бы, но не успела. Вошел Даниэль и сказал, что им пора на поезд, так что я попрощалась.

Сэм меня поцеловал, положил ладонь на голову и благословил по-еврейски. Он не спросил разрешения, но я и не возражала. Под конец он взглянул на меня, улыбнулся своей морщинистой улыбкой и сказал: «Все у тебе будет хорошо». Удивительно, как легко ему верится. Я как сейчас слышу: «Все у тебя будет хорошо». Как будто он знает.

Я нюхаю подснежники. Как я рада, что он приехал.

Вторник, 22 января 1980 года

Сэм был прав про иглоукалывание.

Оно в самом деле волшебное. Все целиком. Это называют «чи» и даже не скрывают магии. Делает это англичанин, чему я удивилась, потому что тетки пугали меня коварными китайцами. Он учился в Бери-Сент-Эдмундс, это рядом с Кембриджем, у людей, которые учились в Гонконге. У него диплом в рамочке, как у врачей. На потолке там схема точек на человеческом теле. Я успела хорошо рассмотреть, потому что мне почти все время пришлось лежать на столе с торчащими из меня длиннющими иголками и не двигаться.

Больно совсем не было. Их даже не чувствуешь, хотя они очень длинные и их по-настоящему в тебя втыкают. Зато, как только он воткнул последнюю, боль прекратилась, будто выключилась. Вот бы мне так научиться! Одну, в лодыжку, он сначала воткнул немножко неправильно, и эту я почувствовала — не настоящую боль, а как булавочный укол. Я ничего не сказала, но он мгновенно переставил ее на долю сантиметра в сторону, и я перестала чувствовать. Ясное дело,

это магия тела.

Я бы не пожалела тридцати фунтов, даже если бы боль прошла только на тот час, который я там провела. Но это еще не все. Не то чтобы я исцелилась чудом, но в его кабинет я ковыляла по лестнице, а вниз сходила не хуже, чем до дыбы. Он предложил шесть раз приходить к нему раз в неделю. Сказал, что сегодня он просто постарался снять боль, но, если я буду ходить регулярно, он, может быть, разберется, в чем причина, и сумеет чем-то помочь. Он восхитился моей палочкой — я пришла с волшебной, с ней я вроде бы сильнее, чем с металлической. И она не такая уродская.

— Отвези меня обратно в школу, — попросила я Даниэля, когда мы возвращались к машине. Светило бледное зимнее солнце, и от него светились золотисто-розовые дома Шрусбери. Если бы мы сразу выехали, я бы успела в книжный клуб, как обычно, после самоподготовки.

— Нет, завтра посмотрим, как ты будешь себя чувствовать, — сказал он. — Но не хочешь ли попробовать китайской кухни, раз китайская медицина, кажется, пошла тебе на пользу?

И мы пошли в ресторан «Красный лотос» и ели ребрышки, и креветочные тосты, и жареную курицу с рисом, и чоу-мейн, и говядину в устрич-

ном соусе. Все было восхитительно, я много лет ничего вкуснее не пробовала, а может, вообще никогда. Я так наелась, что чуть не лопнула. За едой я рассказала Даниэлю о конвенте в Глазго, «Альбаконе», про слова Вима о «Ворлдконе» в Брайтоне, и как он познакомился с Робертом Силвербергом и пять дней только о книгах и говорил. Даниэль сказал, что вряд ли сестры отпустят его из дома на Пасху, но мне ехать разрешил и обещал, что заплатит!

Мне, пожалуй, хотелось бы спасти Даниэля от сестер. Он ко мне добр — может быть, просто выполняя отцовский долг, но ведь мог бы о нем и забыть? Мне хотелось бы его спасти, но едва ли я сумею, а если попытаюсь, это может спровоцировать войну с ними, а пока я не вмешиваюсь, они оставят меня в покое. Попытавшись выручить Даниэля, я бы сама запуталась. Здесь я думаю в первую очередь о себе, так надо. Они не отпустят его в Глазго. Спасибо, что согласились на иглоукалывание и позволили поесть в китайском ресторане, да и на то вряд ли согласились бы, если бы не добрый старый Сэм.

Вместе со счетом нам принесли печеньица с предсказаниями. В моем было «Еще не все потеряно», — по-моему, очень веселенькое. Вроде

строки из «Энеиды»: «И это когда-нибудь будет приятно вспомнить». Первая мысль — какой ужас, а потом понимаешь, что это правда и не так уж плохо. Даниэлю попалось просто: «Вам нравится китайская кухня», и тут уж спорить не приходится. Если бы ему досталось: «Вы никудышный отец», это было бы жестоко.

В машине, когда я застегивала ремень безопасности, Даниэль серьезно посмотрел на меня.

— Кажется, ты еще чувствуешь благотворное действие акупунктуры?

— Да, — ответила я.

— Надо тебе походить к нему, как он сказал, шесть недель.

— Хорошо бы.

Я еще возилась с застежкой ремня. Даниэль выбросил окурок в окно.

— Я не смогу приезжать за тобой в школу и возить туда и обратно. Точно не каждую неделю. Разве что иногда.

Я сразу поняла, что они ему не позволят. Он включил передачу, вывел машину со стоянки, и все это время я молчала, потому что… что я могла сказать?

— Есть поезд, — заговорил он.

— Поезд? — Я точно не сумела скрыть скепси-

са. — Здесь нет станции. Может, автобус?

— Станция есть в Гобовене. Когда мои сестры учились в Арлингхерсте, они ездили от нее, а у школы их встречали. Тогда все ездили поездами.

— А ты уверен, что она и сейчас есть?

Однако в длинном списке «Со всеми остановками» Фландерса и Сванна не было отмечено закрытие станции.

— Это направление к Северному Уэльсу, на Вельшпул, Бармут и Долгелло, — подсказал он. Из этих трех я слышала только про Долгелло, там дедушка с бабушкой гостили у старого пастора, который туда переехал еще до моего рождения. Северный Уэльс — как другое государство. Из Южного Уэльса в него даже не попасть, приходится в объезд через Англию, во всяком случае, если хочешь ехать поездом или по хорошей дороге. Наверное, через горы какие-то дороги тоже идут. Я там никогда не бывала, хотя и хотела бы.

— Хорошо, — сказала я. — Значит, автобусом до города, оттуда автобусом до Гобовена, а дальше поездом.

— Иногда я смогу за тобой заезжать, — сказал он, закуривая новую сигарету. — В какой день лучше всего?

Я подумала. Точно не по вторникам, иначе мне

не успеть вернуться к книжному клубу.

— По четвергам, — сказала я. — Потому что в четверг после обеда у меня только религия и две математики.

— Судя по твоим отметкам, тебе бы математику как раз не пропускать, — заметил Даниэль, но я уловила в голосе улыбку.

— Честно, пропускаю или нет, все равно она мне в голову не лезет. Сколько математики я знаю, все с физики или химии. А урок математики для меня как на китайском. Ничего не понимаю. Может, у меня отсутствует нужный участок мозга. И даже если прошу повторить объяснение, понятнее не становится.

— Может, тебе нужны дополнительные занятия? — предложил Даниэль.

— Это выбрасывать деньги на ветер. Просто я неспособная. Все равно что учить лошадь пению.

— Знаешь ту басню? — спросил он, повернувшись ко мне и невзначай обдав дымом — фу!

— «Не убивай меня, дай мне год, и я научу твою лошадь петь? Многое может случиться за год: король умрет, или я умру, или лошадь запоет», — кратко подытожила я. Это из «Мошки в зенице Господней». Может, потому он и вспомнил.

— Это басня о прокрастинации, — объявил

Даниэль так, словно был экспертом мирового класса по прокрастинации.

— Это сказка о надежде, — возразила я. — Мы не знаем, что там случилось через год.

— Если бы лошадь запела, мы бы узнали.

— Может, с этого и пошла легенда о кентаврах? Или лошадь отправилась в Нарнию, прихватив с собой человека. Или она стала праматерью Инцитата, коня Калигулы, сделавшего лошадь сенатором? Или существовало целое племя поющих лошадей, и Инцитат от их имени требовал равенства, только все пошло не так.

Даниэль бросил на меня очень странный взгляд — лучше бы он оставил его для тех, кто способен оценить.

— Значит, по четвергам, — сказал он. — Из дома позвоню и договорюсь.

Будь это басня о прокрастинации, в ней бы наверняка была мораль: мол, тот человек умер в тот же год. Мне больше нравится, чтобы он остался жив.

И к концу года, выломав дверь конюшни, человек и его лошадь ускакали в закат, распевая дуэтом под стук копыт.

Среда, 23 января 1980 года

Сегодня землю присыпало снегом — только-только чтобы остудить ступни хоббитам, — а к завтраку растаяло.

«Творец сновидений» написан на основе «Создателя образов», а это вариант — или наоборот — «Телепата» Браннера. Не знаю, что раньше написано, но я Браннера читала первым. Странная мысль — работать со сновидениями. «Творец сновидений» — хорошая книга, но жутковатая. Кто бы подумал, что ее написал тот же автор, что «Хроники Амбера», такие забавные.

Со мной все стали намного дружелюбнее. Шарон, когда я приехала к английскому после завтрака, поздоровалась и поздравила с возвращением. Даниэль непременно хотел посмотреть, как я буду чувствовать себя с утра, и повез только к полудню. А у меня все по-прежнему. На холоде нога скрипит, как ржавый флюгер, но ей настолько лучше, чем было до иглоукалывания, что я даже не замечаю.

Я не простила Шарон за то, что она от меня отвернулась. Я вежлива и мила, но впредь буду

звать ее Шара, как все. А вот Дейдре, которая от меня не отступилась, принадлежит моя вечная преданность, и слово «Дыра» никогда не слетит с моих губ. Странное дело, хоть я и хромаю сильнее прежнего, все сегодня зовут меня Комми. Может, попав в больницу, я заслужила их уважение. Зато никто не пристает с излияниями, и слава богу.

Очень приятно снова увидеть мисс Кэрролл. Она не тревожит меня, когда я читаю или пишу, но всегда находит несколько добрых слов, когда я прохожу мимо ее стола. Я почти привыкла к библиотеке, где кругом дерево и чудесные книжные полки, а теперь заново увидела, какая она замечательная. Я бы хотела такую библиотеку в своем доме, когда у меня будет дом, когда я вырасту.

«Остров мертвых» очень странный. Мысль о создании миров и богов мне нравится, и сами боги, и описания, а вот насчет сюжета я не уверена.

Четверг, 24 января 1980 года

Сегодня едем в Молд, смотреть «Бурю» в театре Клайд. Всем, кроме меня, вроде бы совершенно ни к чему, поэтому и я разыгрываю равнодушие. Дейдра сказала, что терпеть не может Шекспира. Она видела «Зимнюю сказку» и «Ричарда II», когда они были в постоянном репертуаре, и оба ей страшно не понравились. Поэтому я решила, что труппа там, должно быть, никудышная, потому что «Ричард II» точно требует отменного исполнения. «Давайте сядем наземь и припомним предания о смерти королей».

Дружелюбие пока держится. Они что, раньше считали меня симулянткой? Или еще что-то случилось? Я держусь, как будто так и надо, но со всеми холодна, потому что, если что-то выдать, тебе же потом это и швырнут в лицо.

Читаю «Властелина колец». Вдруг захотелось. Я его знаю почти наизусть, но все равно ныряю с головой. Ни одна другая книга так не уводит тебя в дорогу. Я отложила ее, чтобы это написать, и в то же время мне кажется, что я вместе с Пипином дожидаюсь эха от брошенного в колодец

камушка.

Пятница, 25 января 1980 года

Первое, что мне не понравилось в постановке Разъездной Шекспировской труппы, это что они отдали роль Просперо женщине. Она очень хорошо играла, но в эту пьесу мать просто не вписывается. Там все держится на противостоянии мужского и женского: Просперо и Сикораксы, Калибана и Ариэль, Калибана и Миранды, Фердинанда и Миранды. Хотя, пожалуй, таким образом они ввели отношения мужчины и женщины в пару Просперо/Антонио. Мне кажется, здесь не складываются отношения Просперо с Мирандой. Я не вижу тут матери и дочери, по крайней мере, у меня исчезает симпатия к Просперо. Мне в нем видится мужчина-отшельник, который дал себе труд заниматься младенцем, но с женщиной этому неестественно сочувствовать. Не то чтобы женщины, на мой взгляд, были все помешаны на воспитании детей, и все же… любопытно: то, что в мужчине выглядит как «он сделал все, что мог», в женщине выглядит как пренебрежение своими обязанностями.

Хотя Просперо и в самом деле ими пренебре-

гает, как ни смотри. Хуже герцога для Милана и быть не могло, а он снова им станет. Конечно, я понимаю человека, который все время проводит в библиотеке за книгами, вместо того чтобы вникать в дела. Но абсолютно никаких признаков, что он, вернувшись, не примется за старое. На самом деле будет даже хуже, ему ведь придется перечитать все, что написали любимые авторы, пока он торчал на острове. Из Антонио, вероятно, получился бы намного лучший герцог. Конечно, он коварный негодяй, но он стал бы заботиться о всеобщем счастье ради собственной выгоды. Вероятно, народ ужаснулся возвращению Просперо, хоть тот и утопил книги.

Почти ничего этого не вошло в официальное сочинение-отзыв на спектакль. А что точно не войдет, это мое мнение о фейри, что они были блестяще сыграны и очень похожи на настоящих.

Ариэль не говорила, а пела свои реплики. На ней было что-то белое, вроде трико с покрывалами, взметавшимися при каждом движении. Голова у нее выбрита и тоже под вуалью. В конце, после освобождения, она сбрасывает все покрывала, и мы впервые видим ее лицо, с выражением, очень подобающим настоящему фейри. Хотела бы я знать, может, та актриса с кем-то из

них знакома? Пение — хороший способ передать, как странно они общаются, молодец, Шекспир, и молодцы Разъездная труппа. Шекспир наверняка знавал фейри, может быть, очень близко. Просто он, как и я, переводил их слова в то, что имелось в виду.

Калибан… ну, что Калибан. Когда читала, я представляла его фейри, скользким, бородавчатым и странным. Но, увидев его, я задумалась. Его мать, Сикоракса, была ведьма. Про отца нам неизвестно. Сикораксу мы не видим. Был ли его отцом Просперо? Тогда он сводный брат Миранды? Или он уже родился, когда они попали на остров, где, как он сказал, был радушно принят и превращен в раба. Он хотел изнасиловать Миранду («Я населил бы весь остров Калибанами»), но это не значит, что он человек и, кстати, что человеком была его мать. Он мог быть человеком или получеловеком. Его можно шпынять и колотить, а с фейри такое не проходит. Вчера было много колотушек и раболепства. Мне видится, что этот Калибан в исполнении (у меня осталась программка) Питера Льюиса живет между мирами. Он сам не знает, где его место.

Шекспир наверняка был знаком с фейри. Знаю, что так говорят о Толкине, и действительно ду-

маю, что Толкин тоже их знал. Наверное, многие их знают.

Что я люблю у Шекспира, это язык. Домой возвращалась совсем пьяная от слов, и Дейдре пришлось все мне повторять по два раза, потому что с первого раза до меня не доходило. Не знаю, что она подумала. Мы поговорили о том, какая семейная жизнь получится у Миранды с Фердинандом и как она после острова будет обживаться в Италии. Не разочаруется ли она в дивном новом мире? Дейдра считает, что не разочаруется, пока влюблена. Однако вообразите только встречу с целым миром, когда раньше знала всего троих, из которых двое не совсем люди, а третий — отшельник Просперо? Каково ей будет разбираться с модами, слугами и придворными? Дейдра считает, что со стороны Просперо было очень жестоко ее не учить. Хотя, может быть, обучить ее магии было бы еще более жестоко.

Просперо ломает свой жезл и топит книги, потому что волшебство с собой домой не унесешь. Вернись он волшебником, стал бы он подобен Саруману? Власть ли развращает? И всегда ли? Жаль, что я не знаю никого, кто был бы не злым, а прибегал к чарам. Ну, Глорфиндейл такой, но, по-моему, фейри не в счет. Они другие. Еще одна

противоположность Просперо — это Фауст.

Письмо от Даниэля, что иглоукалывание у меня в четверг, все уже оплачено, он написал в школу, чтобы меня отпустили, и в конверте десять фунтов на билеты и еду. От сдачи половину вложу в аварийный фонд на случай побега.

Суббота, 26 января 1980 года

Добралась до библиотеки, но Грега не застала. В эту субботу у него выходной. Я вернула скопившуюся кипу книг и взяла те, что меня дожидались. Жаль, что ни с кем не договорилась о встрече, но, конечно, не могла, раз во вторник меня не было. Я надеялась увидеть Грега и узнать у него тему встречи в этот вторник.

Я добрела до книжного, но и там никого не было. Ни одной книги не купила. Очень уныло моросил дождь. Я посидела в кафе, съела медовую булочку и почитала, отрываясь иногда, чтобы посмотреть на дождь. Погода, как говорится, в самый раз для утки, но и кряквы на пруду выглядели так же уныло. Хотя селезни уже переодеваются в весеннее оперение. Может, это весенний дождь. В Мертвых топях они бы и такому обрадовались, подумалось мне. Я купила пару булочек для себя и Дейдры — не стоит тратить деньги на Шарон, хоть она теперь со мной и разговаривает.

Магазин старой книги был открыт, я и там порылась. Не нашла ничего соблазнительного, кроме разворачивающейся (по-моему, полотня-

ной) карты Европы с большой Германией и без Чехословакии. Наверное, военных времен или незадолго до войны. Кто-то расчертил ее розовым фломастером, но в остальном в очень хорошем состоянии. Страны раскрашены пастельными цветами, а не такими жесткими, как теперь. Я не удержалась, тем более что стоила она всего пять пенсов. Не знаю, что я буду с ней делать. Но карты потрясные.

Я неспешно вернулась в город, заглянула в «Смитс» — обычно это только время терять, но сегодня наградой мне стал «Журнал научной фантастики Айзека Азимова»! Интересно, как он туда попал. Очень надеюсь, что они будут получать его постоянно. Я купила журнал и еще пакетик «Ролло», которым с удовольствием поделилась бы с Фродо и Сэмом, если бы можно было. Еще я купила открытки для дедушки: одну с морем и песчаным замком, она мне напомнила летние каникулы, и я хочу ему тоже напомнить.

Джилл я встретила на автобусной остановке.

— Сегодня без ухажера? — спросила она.

Я посмотрела ей прямо в глаза.

— Тебя это не касается, но Хью мне просто друг, а не ухажер. Он тоже ходит в книжный клуб.

— О, извини, — ответила она.

Я изумилась, что она мне поверила. Хорошо, что она не видела меня с Вимом, а то бы я не могла этого сказать так убежденно, хотя была бы так же честна.

Воскресенье, 27 января 1980 года

Секрет популярности в школе: попасть в больницу и выйти из нее. Или чтобы кто-нибудь назвал тебя храброй — я знаю, что Дейдра про это говорила. Может, они в самом деле раньше не верили, что у меня с ногой плохо? Или, может, они меня жалеют? Надеюсь, что нет. Терпеть этого не могу. Так или иначе, сегодня семь булочек, считая мою медовую. Две с глазурью, две Челси, одна ромовая баба и эклер. Все мне не съесть, так что одну булочку Челси я отдала Дейдре. Я ничего для этого не делала, не только не колдовала — вообще ничего. Очень странно. Я спросила мисс Кэрролл, и она сказала, что, может, это просто оттого, что я лежала в больнице и вернулась, не поднимая шума, и меня поминали на молитве, а теперь я здесь, вот обо мне и вспомнили, когда покупали булочки. Может быть. По мне, это очень удивительно.

Я написала бодрое письмо Сэму, рассказала, как чудесно он придумал с иглоукалыванием. За его книги я еще даже не бралась, поэтому о них не писала. Еще написала Даниэлю, в основном

о том, как смотрели «Бурю», и тетушке Тэг про иглоукалывание и спектакль. Я послала ей открытку для дедушки.

Добралась до битвы на Пеленнорских полях. Это величайшее из всего, что когда-нибудь было написано.

Понедельник, 28 января 1980 года

Aujourd'hui, rien.[10]

Это запись из дневника Людовика XVI, которую он сделал в день взятия Бастилии.

Помогала мисс Кэрролл штемпелевать и расставлять новые книги. На вид все ужасные — из тех, где пишут о подростковых проблемах: наркотики, жестокие родители, сверстники принуждают к сексу, или приходится жить в Ирландии. Ненавижу такие книги. Прежде всего, они безнадежно унылые, хотя и знаешь, что в конце все преодолеют трудности, Повзрослеют и Поймут, как устроен Мир. Так и видишь заглавные буквы. Я тоннами читала детские книги викторианских времен, потому что они валялись по всему дому: «Элси Динсмор», и «Маленькие женщины», и «Эрик, или Мало-помалу», и «Что делала Кэйти». Они разных авторов, но все с одинаковой моралью. И в этих книгах о подростковых проблемах мораль тоже одинаковая, хоть и не так прозрачно выражена, как в викторианских. Если уж придется читать книгу о преодолении несча-

---

[10] Примечания: 10
Сегодня ничего (*фр.*).

стий, я в любой день променяю Джуди Блум на «Поллианну», хотя для меня непостижимо, зачем кому-то их читать, когда в мире столько НФ. Даже если говорить о книгах, написанных для детей, о взрослении и этике поступков больше узнаёшь из «Заложников космоса» или «Гражданина галактики».

На самоподготовке писала отзыв на «Бурю» за себя и за Дейдру, она перепишет. Чтобы они вышли разными, ей писала больше о Миранде, а у себя больше о Просперо. Она взамен сделала за меня математику. Просто не справляюсь с этими системами уравнений, тем более что пропустила объяснение.

Дочитала ВК, как всегда больно делается, когда доходишь до конца и больше читать нечего.

Вторник, 29 января 1980 года

Сегодня книжный клуб, а я не знаю темы.

Среда, 30 января 1980 года

Тема была по Типтри! Как я рада, что заранее узнала, что она женщина, иначе ужасно поразилась бы, когда все стали говорить «она». Я не все читала Типтри, всего два сборника, и вижу, что это надо исправить. Хотя это не помешало обсуждению, потому что мы целую вечность толковали про «Девочку, которую подключили» — такой блестящий рассказ, и про «Любовь — это план, а план — это смерть», а эти оба я довольно хорошо знаю. Вела Гарриет, и это было приятно, только я вспомнила, что она же вела и по Ле Гуин, и задумалась, нет ли здесь чего? В смысле, почему обе встречи по женщинам-писательницам вела она, а мужчины ни разу?

Кейт не очень-то любит Типтри, считает ее антимужской, хоть и думал, что она мужчина. Он относит «Хьюстон, Хьюстон» к хоррору. Я так не думаю, хотя и понимаю, что мужчины могут чувствовать в нем угрозу.

Был день рождения Пита, поэтому потом мы все ненадолго пошли в паб. Брайан задал забавный вопрос, сказал, что подслушал на работе. «С

кем бы ты предпочел встретиться, с эльфом или плутонианцем?» Мне пришлось поразмыслить, потому что на самом деле это вопрос о прошлом и будущем, или о фэнтези и научной фантастике. С эльфами я много встречалась, хотя они не совсем эльфы. Не такие, как у Толкина. Я выбрала плутонианца, и все остальные, подумавши, тоже, кроме Вима, который сказал — с эльфом, и не отступался.

На следующей неделе Вим ведет по Желязны. Я вернула ему две книги, которые он мне одалживал, а он мне принес «Двери в песке» и «Дорожные знаки».

Он спросил, не смогу ли я с ним встретиться в субботу. Я сказала, что могу, и сказала, что, может, ему случится познакомиться с эльфом. Он смотрел, будто хотел поверить, но я не совсем уверена.

— Где? — спросил он.

— Поищем в Браконьерской роще, так что, может, встретимся в маленьком кафе напротив? — сказала я.

— Это лес Гарриет, — уточнил он. — Эй, Гарриет, ничего, если мы с Мори в субботу погуляем в твоем лесу?

Гарриет оторвалась от разговора с Гуссейном и

Джанин о мизогинии Типтри и подняла бровь.

— Конечно, гуляйте, Вильям, хотя, боюсь, в это время года там грязновато. Думаю, для фиалок еще рано.

Я не знала, что Вима зовут Вильям, хотя это понятно. Интересно, почему не Уилл и не Билли?

Между тем Джанин смотрела на меня как Джилл, когда увидела с Хью. Хотелось бы знать, зачем Вим так, при всех? Ведь мы могли встретиться тихонько, чтобы никто не узнал. И если мы встречаемся, чтобы он увидел фейри или волшебство, а он как раз об этом думает, то зачем остальным знать? Они не поверят, даже если он им расскажет. Люди просто принимают тебя за сумасшедшую или лгунью. И обо мне он может так подумать, если не увидит. Если они там вообще есть. А я, что бы он ни говорил, не собираюсь колдовать просто так. И все равно магию легко опровергнуть, если есть такое желание, а у него вполне может быть. Или он хотел, чтобы они знали, что я с ним куда-то пойду? Зачем? Если они его не одобряют, то и меня не одобрят? Джанин явно уже не одобрила.

Как все сложно. Мне хочется много друзей, а не всего одного.

На обратном пути в машине Грег предупредил

меня насчет Вима. Он говорил не так конкретно, как Джанин и Хью. Просто сказал, что прежняя девушка Вима винит его в своих неприятностях и чтобы я подумала, куда иду.

— Это не то, — объяснила я. — У него уже есть девушка. Он мной не интересуется. В смысле, у меня хромая нога, и выгляжу я смешно, и растолстела, потому что сижу без упражнений и все время ем, а Вим… ну, Виму стоит только поманить.

— У тебя чудесная улыбка, — сказал Грег, как все говорят. Это вроде автоматического, запрограммированного ответа, когда я говорю, что не симпатичная, а я это отлично понимаю.

— И все равно он намного старше.

— Полтора года — не шестьдесят, — возразил Грег. — А я не слепой. Я бы сказал, что он тобой интересуется, а ты — им. Видел, как вы смотрите друг на друга.

Не могла же я рассказать, что Вим так на меня смотрел, потому что думал, будто я могу читать мысли, как в «Умирающем изнутри» (с чего он взял?), и что в лес со мной он идет, чтобы увидеть фейри.

— Буду осторожна, — сказала я.

Какой ужас для Вима, что все его знакомые

знают и каждую новую знакомую вот так о нем предупреждают. Вот о чем говорил Хью. Хью вчера не было, я не знаю, где он. Целую вечность его не видела.

Четверг, 31 января 1980 года

Здорово было выйти после завтрака из школы к автобусу. Нога не особенно болела, и от этого я ощущала себя еще лучше, я опять в выигрыше. Два автобуса, поезд, и я в Шрусбери, проще простого. Поезд местный и дребезжал, как автобус. Почти все пассажиры ехали из Северного Уэльса, и выговор у них северный, и все после каждого вопроса добавляют «да/нет», точно как их передразнивают в Южном Уэльсе. «Принести по чашечке чая из буфета, да/нет?» «Это мы к Шрусбери подъезжаем, да/нет?» Вычеркните лишнее. Я не смеялась, но близко к тому. Трудно удержаться, когда кто-то говорит точь-в-точь как в анекдоте.

Иглоукалывание прошло хорошо. Пока я лежала на столе, боль совсем выключалась. Это чудо, это так приятно, когда совсем не болит и даже не мозжит потихоньку, а совсем нет боли. Я так жила много лет, но это с трудом вспоминается. Боль просачивается. Как в сон про балерину с палочкой.

Потом я зашла в кафе. Взяла печеной картошки,

салат с яйцом и сэндвич с тунцом, майонезом и двойной заправкой. Я сидела за маленьким отгороженным столиком и читала книгу («Особый дар» — блеск, но странновато), и было мне очень спокойно: безопасно, и никто меня не знает. Совсем не так, как когда я — это я, а скорее, «человек в толпе» или «какая-то школьница читает в кафе». Меня вывели со сцены, а когда вернусь, буду уже другой. Никто меня не заметит. Я — неприметная черта ландшафта. Самое спокойное чувство.

Потом я вернулась на станцию и по пути проходила «Овенс-Овенс», куда ездила с тетками за покупками. Это большой универмаг, торгует не только одеждой, и я вспомнила, что видела там отдел с бумагой и ручками. Я заглянула проверить, нет ли у них перьев для ручки. Когда пишешь ручкой задом наперед, это погибель для перьев — у левшей та же проблема, все время перья ломаются. А я много здесь пишу, и довольно часто задом наперед, так что перья кончаются. Вот я и зашла посмотреть, и они были, и я купила одно, и это было удачно, но еще удачнее, что за тем отделом я увидела книжный.

Да, я знала, что в некоторых универмагах бывают книжные отделы. В «Гароде» есть. Оттуда

мой ВК — три красивых томика с приложениями, тетушка Тэг привезла мне из Лондона. Но в кардиффских «Ховеллсе» и «Дэвиде Моргане» нет — может, потому что они не конкуренты «Лирсу», — и мне в голову не приходило искать его в «Овенс-Овенс». Но, восторг и радость, он там есть! И, что самое лучшее, к полному моему изумлению, там был новый Хайнлайн, «Число зверя» в бумажном переплете от NEL, январь 1980-го, вот какой новенький! Я сразу его купила, мне даже не пришлось залезать в отложенные деньги.

Я чуть не начала его в поезде, но, как хорошая девочка, не только закончила «Особый дар», но и начала «Двери в песке». Держать новенького толстого Хайнлайна и не прочитать ни слова из него — такое дивное чувство. Как награда. Скакать хочется от счастья, как подумаю, что он меня ждет.

Пятница, 1 февраля 1980 года

Влипли.

Строгое предупреждение от мисс Такерли по поводу жульничества на математике. У нас с Дейдрой одинаковые ошибки. Она оставила нас после урока и сказала, что на этот раз не будет на нас жаловаться и не станет спрашивать, кто у кого списывал, но, если снова поймает, нам грозит исключение. Я и не думала, что это так серьезно. На самоподготовке все друг у друга списывают. Дейдра много раз списывала у меня упражнения по латыни, и многие по французскому у Клодин. Видимо, штука в том, чтобы не попадаться. Я обещала мисс Такерли больше так не делать — Дейдра расплакалась и ничего не могла сказать. И мне было бы неловко, если бы исключили, а для нее это конец света.

Письмо от Даниэля с еще одной пятеркой. Когда буду отвечать, расскажу ему, что нашла «Число зверя». Начало хорошее.

Суббота, 2 февраля 1980 года

Я даже пожалела, что набрала в библиотеке такую груду книг, хотя сама же их хотела и заказывала. Грег их мне проштемпелевал.

— Вышел новый Хайнлайн, — сказала я ему.

— «Число зверя», — согласился он. — Он у меня в первых строках на апрельский заказ.

— Плохо, что у библиотек ограниченный бюджет, — заметила я.

Он фыркнул и взял книгу у следующей леди. Но я права. Могли бы деньги на создание такого множества бомб, что можно убить всех на свете русских, передать библиотекам. Библиотеки для Британии полезнее, чем независимый ядерный арсенал. Кто-то там неправильно определяет приоритеты. Я, конечно, не комми, как бы меня ни обзывали, но действительно считаю, что по поводу библиотечного бюджета стоило бы поучиться у Советского Союза.

Спускалась с холма я под водянистым солнцем. Думала, что приду раньше времени, но Вим был уже там, сидел за столиком у окна, ел сладкий тост и пил кофе. Какой он всегда спокойный и

уверенный, везде как дома, не понимаю, как ему это удается. На нем был синий свитер с широким воротом, чуть темнее глаз. Я сразу вспомнила, что, как всегда, в школьной форме. Он выглядел студентом, взрослым человеком, какой мне бы хотелось быть, а я, в дурацких спортивных тапочках и дурацкой шляпке, выглядела лет на двенадцать. Я, как всегда, заказала и оплатила чай с медовой булочкой. Признаться, думала, не заказать ли что-нибудь поизысканнее, но устояла перед искушением.

— Не ожидал, что ты придешь, — сказал он, когда я села рядом. У него были масляные губы от сладкого тоста. Мне захотелось их вытереть. Если уж перечислять, чего мне хотелось, я бы с удовольствием потрогала его свитер, чтобы проверить, такой ли он мягкий, как кажется. Не часто мне приходится подавлять такие порывы.

— Я же сказала, что приду, — ответила я.

— Я думал, Грег тебе про меня расскажет.

— Вот зачем ты это сделал! А я ломала голову.

Это сказалось, не успела я обдумать, стоит ли говорить.

— Ты уже знала? — спросил он. — Про Руфи и все прочее.

— Мне Джанин рассказала давным-давно, и

Хью говорил, более сочувственно.

Официантка подала мне чай с булочкой.

— Хью хороший парень, — сказал он, вытерев губы салфеткой. — Джанин меня ненавидит.

— Грег тоже мне говорил, в самых общих выражениях.

— Беда с такими городками. Все про всех знают или думают, что знают. Не терпится отряхнуть его прах с ног. Уеду и не оглянусь. — Он уставился в окно и, не глядя, помешивал кофе.

— Когда? — спросила я.

— Не раньше, чем сдам на аттестат. В следующем июне. Тогда получу грант и уеду в университет.

— Ты какие экзамены сдаешь? — спросила я. Мне хотелось булочки, но, с другой стороны, не хотелось говорить с полным ртом. Я откусила самую крошечку.

— Физику, химию и историю, — ответил он. — Ты не поверишь, как трудно было добиться. Просто смешно, готовиться всего по трем предметам и разделять гуманитарные науки с естественными.

— Я заставила перекроить для меня все расписание, чтобы учить химию и французский, — рассказала я. — Это на основной уровень. Я буду

сдавать на следующий год. Каждый раз, когда французский приходится на время, отведенное для ланча, учительница корит меня и извиняется перед остальными, что я всем доставила неудобства.

Вим кивнул.

— Должно быть, пришлось выдержать настоящее сражение.

— Биологию мне отстоять не удалось. И еще меня поддержал Даниэль, мой отец. И он, мне кажется, оплатил это.

— Моим родителям плевать.

— Вот бы нам систему образования как в «Дверях в песке», — сказала я. — Кстати, вот она.

Я вытащила книжку из-под библиотечных и отдала ему. Он подержал немножко, прежде чем сунуть в карман пальто. Обложка выглядела ярко пурпурной на фоне синего свитера.

— Ты знаешь, что вышел новый Хайнлайн? «Число зверя». Он позаимствовал эту систему образования, когда изучаешь самые разные предметы и записываешься на экзамен, когда достаточно подготовлен, и учиться можно целую вечность, но Желязны он нигде не упоминает.

— У них в Америке так, — рассмеялся Вим.

— Правда? — Я говорила с набитым ртом, но уже

не смущалась. Мне было стыдно за свою глупость, но от этой новости я пришла в восторг. — Правда, у них так? Вот бы учиться в их университете!

— Тебе это не по карману. Ну, *тебе*, может быть, и по карману, но мне никак. Там один семестр стоит тысячи — каждый семестр! Это для богатых. Так что есть и оборотная сторона. Самые отличившиеся могут получить стипендию, а остальные в долг. Кто даст мне в долг?

— Кто угодно, — сказала я, — а если всерьез, может быть, и здесь есть такие университеты, и бесплатные?

— Не думаю.

— Представь себе — изучать понемногу все, что хочется, — размечталась я.

Мы посидели немножко, воображая такое.

— Как это ты читаешь Хайнлайна? — спросил Вим. — Не думал, что он тебе может нравиться. Он такой фашист.

Я опешила.

— Хайнлайн фашист?! Ты о чем говоришь?

— У него книги такие авторитарные. Нет, с детскими все нормально, но вспомни «Звездный десант».

— А ты вспомни «Луна — суровая хозяйка», — заспорила я. — Это о революции против авторита-

ризма. А «Гражданин Галактики»? Он не фашист. Он отстаивает человеческое достоинство, и самостоятельность, и такие старомодные идеалы, как верность и долг, но он не фашист.

Вим поднял руки.

— Остановись! Не думал разворошить осиное гнездо. Просто мне казалось, что ты не из тех, кому он нравится, раз любишь Дилэни, Желязны и Ле Гуин.

— Я их всех люблю, — сказала я. Он меня разочаровал. — Не знала, что надо выбирать.

— Ты действительно странная, — заметил он, откладывая кофейную ложечку и внимательно вглядываясь в меня. — Хайнлайн тебя больше волнует, чем история с Руфи.

— Ну конечно, — ляпнула я и чуть сквозь землю не провалилась. — Ну, я про то, что, как бы там ни было с Руфи, никто не говорит, что ты ее нарочно обидел. Вы оба сглупили, и она даже больше, насколько я могу судить. В некотором смысле это важно, но, боже мой, Вим, конечно, во вселенском масштабе Роберт Хайнлайн намного важнее, как ни посмотри.

— Пожалуй, что так, — сказал он. И рассмеялся. Я видела, с каким любопытством поглядывает на нас женщина из-за прилавка. — Я немножко не

так об этом думал.

Я тоже рассмеялась. Женщина за прилавком меня ничуть не заботила.

— С расстояния от Альфа Центавра, с точки зрения потомков?

— Могли бы появиться и потомки, — трезво проговорил он. — Если бы Руфи забеременела.

— Ты и правда ее бросил, когда решил, что она беременна? — спросила я, отправляя в рот последний кусок булочки.

— Нет! Я ее бросил, потому что она всем рассказала прежде, чем сказать мне, так что я узнал со стороны. Она отправилась в «Бутс» и купила тест на беременность. И рассказала матери. И рассказала подругам. С тем же успехом могла купить мегафон и кричать с рыночной площади. А потом она вовсе и не была беременна. Я ее бросил из-за того, как ты сказала, что она была дурой. Дурой! Что за идиотка. — Он покачал головой. — А потом все стали меня чураться. Как заразного. Они, похоже, решили, что раз я с ней спал, то должен жениться и связать себя с ней навеки, хотя и ребенка-то не было.

— Почему ты об этом не расскажешь?

— Кому? Всему городу? Джанин? Это вряд ли. Да они и слушать не стали бы. Они воображают, что

поняли меня. А ничего не поняли.

Лицо у него застыло.

— Но у тебя сейчас есть девушка, — подбодрила я.

Он закатил глаза.

— Ширли? Вообще-то я и ее бросил. Она тоже идиотка, не такая, как Руфи, но близко к тому. Она работает в школьной прачечной, довольна жизнью и готова оставаться там, пока не выйдет замуж. Она стала делать заходы на женитьбу, вот я ее и бросил.

— Как ты их перебираешь, — произнесла я, не зная, что сказать.

— Не будь они такими идиотками, было бы иначе, — ответил он и осторожно поглядел на меня, и я подумала, не намекает ли он, что я ему интересна, но этого быть не могло, только не Виму, только не я, но у меня и без того дух захватывало.

— Пойдем, поищем эльфа, — предложила я.

Он нахмурился.

— Слушай, это ни к чему, — буркнул он. — Я понимаю, ты это сказала потому, что… ну, я задавал тебе очень странные вопросы, а тебе было так больно на той штуковине, и…

— Нет, они существуют, — возразила я. — Не

знаю, сумеешь ли ты их увидеть, потому что заранее не веришь, но мне кажется, готов поверить. И у тебя не проколоты уши, ничего такого, что могло бы помешать. Только обещай, что не будешь язвить и не возненавидишь меня, если не увидишь.

— Не знаю, что и думать, — протянул он, вставая. — Послушай, Мори, я тебе вроде как нравлюсь, верно?

— Верно, — осторожно ответила я, оставшись на месте. Он возвышался надо мной, но мне не хотелось возиться со вставанием.

— И ты мне вроде как нравишься, — сказал он.

На мгновенье я стала удивительно счастливой, а потом мне вспомнилось колдовство на карасс. Я сжульничала. Я его заставила. На самом деле я ему не нравлюсь, а если и нравлюсь, то нравлюсь потому, что чары его заставили. Это, конечно, не значит, что он не думал, что я ему нравлюсь, но от этого все стало так сложно.

— Идем, — сказала я, справилась со вставанием и надела пальто. Вим влез в мохнатый коричневый дафлкот[11] и пошел на улицу. Я последовала

[11] Примечания: 11

Однобортное пальто прямого силуэта с капюшоном и деревянными пуговицами в виде палочек на шнурках. Популярно среди английских моряков, а теперь входит в молодежный гардероб.

за ним.

Из книжного как раз выходила индуска с ребенком в коляске. Ее платок напомнил мне Насрин, и я подумала, как у нее дела. Мы пропустили индуску, а потом перешли через дорогу к пруду, где гонялись друг за другом утки.

— Не хочешь об этом говорить? — спросил Вим.

— Я не знаю, что сказать, — ответила я. Рассказывать ему о колдовском карассе я не хотела и не знала, как правильней поступить, если я его нечаянно околдовала. Во мне было немножко восторга и немножко ужаса, и земное притяжение казалось слабее обычного, как будто кто-то уменьшил содержание кислорода или еще что.

— Впервые вижу, чтобы тебе не хватало слов, — заметил он.

— Такое мало кто видел, — ответила я.

Он рассмеялся и прошел со мной в рощу.

— Волшебство, ты не выдумываешь?

— Зачем бы? — не поняла я. — Просто я на самом деле поклялась не колдовать, кроме как для защиты от зла, потому что трудно предвидеть последствия. И все равно волшебство трудно доказать и легко опровергнуть. Всегда можно сказать, что это и так произошло бы. А с… м-м,

эльфами… — я не хотела говорить «фейри», это бы прозвучало слишком по-детски, — их не все могут увидеть и не всегда. Надо заранее поверить, тогда уж увидишь.

— А ты не можешь дать мне амулет, чтобы я их видел? Или сказать мне их имена? Я, знаешь ли, не так глуп, как Томас Ковенант.

— С амулетом ты хорошо придумал, — согласилась я. Я дала ему камешек, который носила в кармане, и он задумчиво погладил его пальцами. — Он должен помочь.

Камешек на самом деле не помог бы ему увидеть фейри, все это было ради его защиты — вообще и конкретно от моей матери, но, если он подумал, что поможет, могло и помочь.

— Книг о Томасе Ковенанте я не читала. Видела, но на обложке их сравнивали с Толкином, вот мне и не захотелось читать.

— Автор не в ответе за то, что издатели пишут на обложке, — возразил Вим. — Томас Ковенант был прокаженным, который в фантастическом мире, за какой чуть ли не каждый из нас отдал бы правую руку, ныл и отказывался верить, что это по-настоящему.

— Если написано с точки зрения тоскующего прокаженного, который ни во что не верит, я

рада, что не стала читать!

Он засмеялся.

— Там отличные великаны. И мир фантастический, если только он не сошел с ума, как сам считает, а читатель не знает наверняка.

Мы уже ушли глубоко в рощу. Там было грязно, как и предупреждала Гарриет. На деревьях сидело несколько фейри.

— Не знаю, будет ли тебе видно, но попробуй крепко сжать камушек и посмотреть вон туда, — сказала я, кивнув в ту сторону.

Вим очень медленно повернул голову. Фейри пропал.

— На секунду мне показалось, будто что-то вижу, — очень тихо сказал он. — Я его спугнул?

— Здешние все очень пугливые. Они со мной не разговаривают. У нас в Южном Уэльсе я с некоторыми хорошо знакома.

— А где их лучше искать? Они живут на деревьях, как в Лориене?

Он стрелял глазами по сторонам, но не видел подглядывающих сверху фейри.

— Они любят места, где люди жили и ушли, — объяснила я. — Руины, заросшие зеленью. Здесь есть что-нибудь такое?

— Пойдем со мной, — позвал Вим, и я стала

спускаться за ним по склону, грязному и засыпанному листвой. Вышло солнце, но все равно было холодно и сыро, и ветер леденил.

Мы подошли к каменной стене высотой примерно до плеча, заросшей плющом, и зашагали вдоль нее до угла, как будто бы части дома, и там, где этот угол закрывал от ветра, сквозь прелые листья пробились подснежники. И еще была большая лужа, которую мы обошли. Стена здесь была вдвое ниже, и мы присели на нее бок о бок. Здесь тоже оказался фейри, тот, которого я видела на лужайке у Джанин, похожий на собаку с паутинными крыльями. Я пока молчала. И Вим ничего не говорил. Показались еще несколько фейри — это место и вправду им нравилось. Один был тонкий, красивый, женственный, другой — узловатый и приземистый.

— Держи камень и смотри на цветы и на их отражение в воде, — тихо сказала я Виму, хотя можно было говорить и в полный голос. — Теперь взгляни на меня.

Когда он повернулся ко мне, я обняла ладонями его лицо. Я старалась придать ему уверенности. Ему так хотелось поверить, увидеть. Кожа у него была теплая и только чуточку шершавая, где надо было бы побриться. От прикосновения у меня

перехватило дыхание, как никогда.

— Он хочет вас увидеть, — по-валлийски обратилась я к фейри. — Он вас не обидит.

Они не ответили, но и не исчезли.

— Теперь посмотри налево, — сказала я Виму, убрав руки.

Он медленно повернул голову и увидел ее, я поняла, что он видит. Он подскочил. Мгновенье она с любопытством разглядывала его. Мне подумалось, не зачарует ли она его, не уведет ли туда, куда уходят те, кто исчезает, как Там Лин. Он протянул к ней руки, и она пропала, они все пропали, как свет погас.

— Это был эльф? — спросил он.

— Да, — ответила я.

— Если бы ты не сказала, я бы решил, что увидел призрак, — потрясенно продолжал он. Мне хотелось еще раз к нему прикоснуться.

— Они не все похожи на людей, — сказала я, сильно преуменьшая действительность. — Почти все скорее гниловатые.

— Гномы? — предположил он.

— Ну, вроде того. Штука в том, что ты читаешь про одно, а видишь другое. Когда читаешь, все понятно: благой и неблагой двор, эльфы и гномы, но на самом деле не так. Я их всю жизнь вижу,

и они все одинаковые, какими бы ни были и как бы ни выглядели. Я на самом деле не знаю, что они такое. Они разговаривают… ну, мои знакомые разговаривают, но говорят странно и только на валлийском. Обычно. На Рождество я повстречала одного, говорившего по-английски. Он дал мне эту палку. — Я постучала ею по мокрой земле. — Они себя эльфами не называют и никак не называют. У них нет имен. И они почти не пользуются существительными. — Каким облегчением для меня было с кем-нибудь об этом поговорить. — Я их называю фейри, потому что всегда так называла, но на самом деле не знаю, кто они.

— Значит, не знаешь, кто они.

— Нет. Они другие. Мне кажется, люди рассказывают о них сказки, и в некоторых правда, а другие придуманы или переделаны из других историй, а в третьих все перепутано. Сами они ничего не рассказывают.

— Но, раз ты не знаешь, может, они и есть привидения?

— Мертвые не такие, — сказала я.

— Ты знаешь? Ты их видела? — Его глаза стали круглыми.

Тогда я рассказала ему про Хеллоуин, и про

дубовые листья, и как мертвые уходили под холм, а значит, мне пришлось рассказать ему о Мор. К тому времени я насквозь промерзла.

— Как же она погибла? — спросил он.

— Я окоченела, — сказала я. — Давай вернемся в город и, может, выпьем чего-нибудь горячего.

— А я сегодня не увижу больше эльфов или кто они там?

Я не могла понять, почему он их не видит.

— Внимательно посмотри около лужи, — сказала я.

Он медленно повернул голову и увидел, наверное, одного из корявых, как гномы, уродливых фейри, в которых нет ничего человеческого, кроме глаз. Он моргнул.

— Видел? — спросила я.

— По-моему, да. Я видел отражение. Если они здесь и видны тебе, почему я их не вижу? Я тебе верю, честно, верю. Того я увидел.

— Не знаю, — ответила я. — Я так многого о них не знаю. Я их не вижу, если они не хотят.

Фейри неприятно улыбнулся, как будто понял.

— Пойдем, — попросила я, — я совсем промерзла.

Вставать со стены было тяжело и пройти первые несколько шагов тоже. Для моей ноги лучше

сидеть на стенке, чем стоять, но все же не очень хорошо. Вим предлагал помочь, но тут ничем не поможешь, честно. Он взял меня под руку, под другую, левую руку.

— Может, хотя бы сумку твою забрать? — спросил он.

— Будь у тебя сумка, мог бы взять книги, — ответила я, — но без сумки я не могу.

— Хочешь сказать, у тебя сумка волшебная? — уточнил он.

Мы оба посмотрели на мою раздувшуюся от библиотечных книг сумку. Ничего менее волшебного на вид не найдешь, как ни старайся.

— Просто я с ней вроде как срослась, — неумело объяснила я.

Сумки у него не было, но он все-таки вынул часть книг и понес под мышкой.

— А теперь, — объявил он, когда мы вышли из рощи, — настоящего кофе, а не этой бурды от «Нескафе».

— Какой это настоящий кофе? — спросила я.

— У Марио варят настоящий кофе в кофеварке. Готовят из кофейных бобов. Пока они мелют и жарят, вдыхаешь запах.

— Кофе здорово пахнет. А вот на вкус не очень, — сказала я.

— Ты никогда не пробовала настоящего кофе, — уверенно и безошибочно возразил он. — Вот увидишь.

У Марио оказалось ярко освещенное неоном кафе, где всегда околачивались девочки из нашей школы со своими парнями. Они заняли все столики. Пришлось ждать, пока один освободится. Вим заказал два кофе из кофеварки. Музыкальный автомат играл «Армию Оливера», очень громко. Там было ужасно, но хотя бы тепло. Вим выложил библиотечные книжки на стол, и я убрала их в сумку.

— Как она погибла? — снова спросил он, когда мы уселись.

— Здесь не место.

— В лесу было не место и здесь не место? — спросил Вим. Он накрыл ладонью мою руку на столе. Я задохнулась. — Расскажи.

— Под машину попала. Но на самом деле из-за моей матери, — сказала я. — Моя мать пыталась что-то сотворить, какое-то великое колдовство, чтобы получить власть, думаю, над целым миром. Фейри узнали и сказали, чтобы мы ее остановили. Она пыталась нам помешать и среди прочего насылала на нас ненастоящие вещи, они на нас нападали. Нам надо было держаться. Я думала,

мы обе умрем, но, чтоб ее остановить, дело того стоило. Так сказали фейри, и мы к этому готовились, обе. Все это было колдовством, иллюзиями. И я подумала, что иллюзия, когда увидела огни, а это оказалась настоящая машина.

— Господи, какой ужас для человека за рулем, — вставил Вим.

— Я не знаю, что он видел и что думал, — объяснила я. — Мне было не до вопросов.

— Но вы ее остановили? Свою мать?

— Остановили. Но Мор погибла.

Меня прервала официантка, поставив на наш столик две красные чашки с черным кофе. Один пролился в блюдце, на пакетик с сахаром. Вим заплатил, не успела я и слова сказать.

— А что было потом? — спросил он.

Я, конечно, не могла рассказать по те жуткие дни после смерти Мор, про синяк на половину ее лица, про дни, когда она лежала в коме, и как моя мать отключила аппарат, и что, когда я после того стала называться ее именем, никто меня не уличил, хотя тетушка Тэг наверняка знала и дедушка тоже. Пусть мы и были идентичным близнецами, но все-таки разными людьми.

— У дедушки случился удар, — сказала я, потому что это, хоть и невыносимое, было наименее

невыносимым. — Я его нашла. Говорят, это от стрелы эльфов. Не знаю, она ли его устроила.

Я попробовала кофе. Он был кошмарный, еще хуже растворимого, если такое возможно. В то же время я понимала, как можно к нему пристраститься, если сильно постараться. Сомневаюсь, что стараться стоило. Что ни говори, кофе не полезный продукт.

— И что ты собираешься насчет нее делать? — спросил Вим.

— Не думаю, что надо что-то делать. Мы ее остановили. На Хеллоуин у нее был последний шанс.

— Но, если твоя сестра не ушла под холм, если она еще здесь, она могла бы опять использовать то же средство. Тебе надо ее как-то остановить. Убить ее.

— По-моему, это было бы неправильно, — сказала я. Девочки из нашей школы стали вставать, и я догадалась, что пора на автобус.

— Понимаю, она твоя мать…

— Это тут ни при чем. Я ее ненавижу, как никто другой. И все-таки думаю, что убить ее — скверный поступок. Такое у меня чувство. Я могла бы поговорить об этом с фейри, но, если бы так надо было, по-моему, они бы уже подсказали мне это сделать. Ты не так рассуждаешь, для тебя это как

будто сюжет рассказа…

— Просто это чертовски странно, — сказал он.

— Мне надо идти. Опоздаю на автобус. — Я встала, оставив кофе в чашке.

Он залпом допил свой.

— Когда я тебя увижу?

— Во вторник, как всегда. На Желязны, — улыбнулась я. Я уже предвкушала.

— Это само собой, а наедине?

— В следующую субботу. — Я натянула пальто. — Другого времени нет.

Мы пошли к дверям.

— Вас совсем не выпускают?

— Нет, как правило, нет.

— Как в тюрьме.

— Похоже. — Мы шагали к автобусной остановке. — Ну, до вторника, — сказала я, когда мы подошли. Автобус уже стоял, и девочки вливались в него. И тогда… нет, это должно быть отдельной строкой.

И тогда он меня поцеловал.

Вторник, 5 февраля 1980 года

До сих пор описывала все, что случилось в субботу.

Не знаю, нравится ли мне «Число зверя». В нем многое может нравиться, но многое и через край: и сюжет, и миры. Я не читала ни «Оз», ни «Ленсменов» и не очень понимаю, что они там делают.

Помимо этого, меня больше всего волнует, что все девочки, кто был в автобусе, безостановочно расспрашивают меня про «моего парня»: где познакомилась, какой он, чем занимается и так далее и так далее. Кое-кому из тех, кто был в кафе, известна его репутация, и они меня предупреждали: как же, у семнадцатилетнего парня был секс с подружкой, страшный скандал! Какая-то дикая смесь пуританства и сладострастия. Те девочки, у которых парни из местных, уверяют, что там ничего серьезного, а у некоторых, как они говорят, серьезный парень есть дома. Они называют серьезным то самое, что Джейн Остин называла «подходящей партией»: молодого человека того же класса, пригодного для замужества. С местными парнями они только дурака валяют,

и местные мальчики, в общем, это понимают. Это порочно, они порочные, все это порочно, и я не желаю думать о Виме даже рядом с таким.

Главная разница в том, что мы не из разных классов. Мы с Вимом оба принадлежим к тому классу, в котором нормально поступить в университет. Не знаю, чем занимается его отец, но то, что его мать работает на кухне школы, где я учусь, несущественно. Ну, может, не совсем несущественно, но не суть. И вообще, я не уверена, что Вим — мой парень, а если и так, это совсем не то, что они называют серьезным или несерьезным. Мне всего пятнадцать. Я даже не уверена, что хочу замуж. Я вовсе не «заждалась» и не ищу кого-нибудь «настоящего». То, чего мне хочется, намного сложнее. Мне нужен кто-то, с кем можно говорить о книгах, кто будет мне другом, и почему бы не заняться с ним сексом, если нам захочется (только с предохранением). Я не ищу романов. Для меня хороший пример — лорд Питер и Гарриет. Интересно, Вим читал Сэйерс?

Но и это тоже почти несущественно, потому что есть еще этика волшебства. Мне, наверное, придется ему рассказать, и тогда он меня возненавидит, тут всякий бы возненавидел.

Я попросила сестру записать меня к врачу. Она

не спросила зачем.

Среда, 6 февраля 1980 года

Вчера была встреча по Желязны. Вим считает Желязны величайшим стилистом всех времен. Для Брайана идеи важнее стиля, и идеи Желязны он считает заурядными, кроме только Тени. Забавно, как все разделились. Думаю, проведи мы голосование, что важнее, идеи или стиль, разделились бы иначе, чем по вопросу, хороши ли у Желязны идеи. Я считаю, да, и думаю, важно то и другое, что не значит, будто «Основание» ничего не стоит, потому что там нет стиля, как и у Кларка, кстати. У Желязны бывает сплошной стиль вовсе без содержания: я не могу забыть «Созданий света, созданий тьмы», которые чуть навсегда меня от него не оттолкнули. Но большей частью он удерживает равновесие.

Мы поговорили про Амбер и о том, что будет дальше, и обсудили его чуть иронический тон, каким он пишет еще и в «Острове мертвых и в «Этом бессмертном», и еще поспорили, научная это фантастика или фэнтези. Хью утверждает, что серия Амбера фэнтези и «Остров мертвых» тоже, хотя там и действуют пришельцы и прочее, но

о миростроительстве повествуется в терминах магии.

— Нельзя осуждать его за поэтичность! — сказал Вим.

— Фэнтези — это не приговор, — возразила Гарриет.

Словом, хорошая встреча. Потом Вим спросил Грега: «У вас есть последний „Ансибль“?»

Есть такой журнал, фэнзин с названием «Ансибль»! Это к сведению начет того, что творится в мире поклонников НФ, это забавно и так точно, что я влюбилась в автора, Дэйва Лэнгфорда, еще не видав его. «Ансибль» — это из «Обделенных», средство связи, действующие быстрее скорости света. Блеск! В журнале у Грега были все подробности про «Альбакон» в Глазго на Пасху, и я все переписала, и теперь мне только остается взять у Даниэля деньги, когда мы с ним увидимся, скорее всего, на четвертных каникулах, а это в конце следующей недели, и послать их.

Выходя из библиотеки, Вим взял меня за руку.

— Мы никак не можем увидеться до субботы? — спросил он. — Ты все время заперта в школе?

— Ну да, не считая поездки в Шрусбери по четвергам на иглоукалывание, — сказала я.

— А во сколько ты ездишь?

— На поезде в половину второго — но ты ведь на работе?

— Я работаю по утрам, а в колледж хожу по вечерам, — объяснил он. — Потому и смог приехать к тебе в больницу, помнишь? Я мог бы промотать вечер, никому дела нет.

«Промотать» — это как «прогулять», означает «пропустить уроки». Здесь так говорят. Когда впервые услышала, не догадалась, что это значит.

— Тебе будет дело, когда дойдет до экзаменов, — сказала я.

— И не вспомню, — заверил он. — Встречаемся на станции в Гобовене, идет?

Грег, как обычно, довез меня до школы.

— Значит, я был прав, — сказал он.

Я покраснела. Вряд ли он заметил в темноте.

— Вроде как, — призналась я.

— Ну, удачи тебе.

— Горячей плазмы! — отозвалась я.

Грег рассмеялся.

— Я всегда говорил, что Виму нужна девушка, которая будет цитировать ему Хайнлайна.

Всегда говорил? Или только думает, что всегда говорил, после моего колдовства на карасс? Грег существовал до моего колдовства. Я с ним

встречалась в библиотеке. Но он до того мне ни слова не сказал, не считая того, что отказался меня записать в первый день и потом принимал заявки на межбиблиотечную рассылку. Существовали ли книжный клуб и НФ-сообщество с самого начала или появились после того, как я наколдовала, чтобы создать мне карасс? Существовал ли «Ансибль»? Знаю, все думают, что да, что конвенты проходят с 1939 года и научная фантастика наверняка была и раньше. Но, когда в дело замешается магия, ни в чем нельзя быть уверенным.

Придется сказать Виму. Это единственно этичный выбор.

Четверг, 7 февраля 1980 года

На этой неделе, выходя из школы, я еще больше чувствовала себя вырвавшейся на свободу беглянкой, хотя и шел дождь, такая всепроникающая морось, которая лезет в каждую щелку. Будь у меня своя одежда, переоделась бы перед выходом, но у меня нет, поэтому не вышло. Арлингхерст желает, чтобы его девочек узнавали везде и всюду. Дай им волю, они бы и на каникулах заставили нас носить форму. Радует, что хоть пальто хорошее, основательное, и шляпа, пусть и жуткая, но от дождя защищает большей частью.

Вим ждал меня на станции в Гобовене. Там не вокзал, а вроде автобусной остановки у путей, кассовый автомат и пара подвесных корзин. Он сидел в будке, упершись ногами в стеклянную стенку, свернувшись как скрепка. Велосипед, пристегнутый цепочкой к перилам, мок снаружи. Рядом сидела толстуха с ребенком и лысоватый мужчина с портфелем, все в дождевиках. На Виме было то же самое полупальто. Рядом с ним остальные выглядели как черно-белые рисунки рядом с цветным. Он минуту меня не замечал, а

потом на меня обратил внимание лысоватый и засуетился, стал уступать место, и тут Вим увидел, улыбнулся и встал вместо него. Забавно, мы вроде как стеснялись друг друга. Это мы первый раз с субботы оказались вместе наедине, и то не совсем наедине, люди рядом были, но они не в счет. Я не знала, как держаться, а если он знал — а он должен бы знать, у него куда больше опыта, — то я не заметила.

Прибыл поезд, вышли люди, и мы сели. В нем всего два вагона и опять было полно северных валлийцев с забавными певучими голосами и «да/нетами». Мы успели занять два места рядом с приятной леди, которая пересела, чтобы нас пустить. Поговорить мы ни о чем не могли, потому что она сидела напротив вместе с встревоженным молодым человеком, который держал на коленях кота в переноске. Кот все орал, а хозяин его успокаивал. Наверное, ужасно везти кота к ветеринару поездом. Или он переезжал. При нем мало что было, кроме кота, но, может, и не обязательно. Или, может быть, хуже всего, если ему пришлось отдать кота и он вез его в новый дом. Но если бы так, он бы, наверное, тоже плакал, а он не плакал. Забавно, что Вим этого человека с котом вовсе не заметил. Когда я о нем заговорила, уже

на платформе в Шрусбери, он не понял, о чем я.

Не думаю, чтобы Вим очень часто ездил в Шрусбери, хоть это и рядом. Он ничего там не знает. Например, что в «Овенс-Овенс» есть книжный отдел. Мне пришлось сперва сходить на иглоукалывание, оставив его в кафе — с блестящей стойкой, сплошь хром и стекло, после того как он отверг то, с уютным столиком, где я в прошлый раз сидела, потому что там не было настоящего кофе. Я до субботы и не знала, что бывают другие сорта кофе, кроме гранулированного «Нескафе» (и «Максвелл-хаус», но они одинаковые), который надо заливать кипятком. Забавно, из-за чего поднимают столько шума.

Иглоукалывание опять прошло хорошо. Доктор сказал, что вытяжение было насилием (так и сказал), причем неразумным. Я бы выразилась гораздо сильнее, чем неразумно, но ведь это моя нога, а для него она просто очередная нога. Лежа на столе, я рассматривала схему и запоминала, где какие точки и на что они влияют. Знать это очень полезно. Даже если просто нажимать на них. Я чувствую, как от иголок по телу плавно расходится магия «чи», а там, где больное место, она проскакивает, как искра между электродами. Попробую обойтись без иголок, может, сумею

вытянуть боль. Проще всего перелить ее во что-нибудь вроде камня или куска металла, но тогда она передастся любому, кто их подберет. Акупунктура просто выливает ее в мир, насколько я могу судить. Хорошо бы этому научиться.

Потом я вернулась — спускалась по лестнице быстрее, чем поднималась! — к Виму. И села напротив него. Кофейная машина выпустила клуб пара, пахнувшего кофе.

— Пойдем куда-нибудь, — сказал он. — Меня тошнит от этого заведения.

На улице он повеселел. Взял меня за руку, что оказалось приятно, хотя еще приятнее было бы, если бы он оставил мне свободную руку. Мы зашли в книжный отдел и ничего не выбрали, но приятно было искать и показывать друг другу находки. Он намного разборчивее меня, и ему нравится кое-что из того, чего я не люблю, например Дик. Он презирает Нивена (!) и не любит Пайпера (как можно не влюбиться в Генри Бима Пайпера?). Он не читал Зенну Хендерсон, а у них ее, конечно, не оказалось. Возьму у Даниэля и дам ему почитать.

Потом я настояла, что угощу его ланчем, хотя время было уже к вечеру. Я умирала с голоду. Мы нашли заведение, где подавали рыбу с жареной

картошкой и были сидячие места, сели и съели рыбу с белым хлебом и маслом, и я взяла совершенно жуткий чай, такой настоявшийся, что он был темно-рыжий, а Вим взял «Вимто», которого, он сказал, не пил с восьми лет. И улыбнулся. Еще он водил пальцами по тыльной стороне моей ладони, что было приятнее, чем держаться за руки на ходу, и гораздо удобнее. У меня от этого по всему телу мурашки.

Народу было немного, и, доев, мы взяли еще «Вимто» и лимонада — чай оказался слишком жуткий, я даже не притворялась, что пью. Мы сидели в тепле и сухости, а от пальто на спинках стульев поднимался легкий парок. Мы заговорили о Толкине. Он его сравнивал с Дональдсоном и еще с каким-то «Мечом Шаннары», которого я не читала, но по описанию ерунда ерундовская. И так понемногу мы договорились до эльфов.

— Может быть, это призраки, — сказал он.

— Мертвые не говорят. Мор не могла заговорить, когда я ее увидела.

Я сумела выговорить ее имя как ни в чем не бывало, даже без дрожи.

— Может, только недавно умершие. Я об этом думал. Умершие недавно не могут говорить и похожи на себя. И можно вернуть им дар речи

при помощи крови, как у Вергилия, так ты говорила? А потом они вытягивают жизнь из живого, из животных и растений и становятся больше похожи на них и меньше на людей, и эта жизнь позволяет им говорить.

— На самом деле они говорят совсем не как люди, даже не как мертвые, — заметила я. — В твоих словах есть смысл, и они вполне вписываются в сюжет, но я чувствую, что это не так.

— Это бы объясняло их любовь к руинам, — сказал он. — Я потом вернулся туда в субботу. И вроде бы видел их краем глаза, когда касался твоего камушка. — При этих словах он потянулся к карману. Мне приятно было думать, что он носит с собой вещь, которая так долго была моей. На самом деле камень только и может защитить его от моей матери, но видит бог, и это неплохо.

— Ты должен был их увидеть, — сказала я. — Они повсюду кругом.

— Они призраки, — повторил он. — Ты просто принимаешь их за фейри.

— Не знаю, что они такое, и не думаю, что это важно, — ответила я.

— Разве тебе не хочется узнать? — блестя глазами, спросил он. Вот он, дух научной фантастики.

— Хочется, — сказала я, но на самом деле так не

думала. Они какие есть, и все тут.

— Ну, как ты считаешь, с чем они связаны?

— С местами, — совершенно уверенно ответила я. — Они редко перебираются с место на место. Глор… мой друг творил для меня волшебство в Южном Уэльсе, но не показывался здесь и не говорил со мной.

— Ну вот, очень похоже на призраков, обитающих там, где появились.

Я покачала головой.

— Научишь меня колдовать? — спросил он потом.

Я так и подскочила.

— По-моему, не лучшая мысль.

— Почему?

— Потому что это опасно. Если не знаешь, что делаешь, и это я не про тебя, это про всех, про каждого, кто мало знает; так трудно не втягивать лишнего, и никогда не знаешь, что заденешь.

Тут был идеальный случай рассказать ему про колдовство на карасс, и я это понимала, но, когда дошло до дела, мне не захотелось.

— Как с Джорджем Орром в «Резце небесном», только меняешь все чарами, а не снами.

— Ты когда-нибудь такое делала? — спросил он.

И пришлось ему сказать.

— Тебе это не понравится. Но я совсем отчаялась от одиночества. Я колдовала для защиты от матери, потому что она все время насылала на меня жуткие сны. И заодно наколдовала себе карасс.

Он ответил непонимающим взглядом.

— Что такое карасс?

— Ты не читал Воннегута? Ой, ну, по-моему, он тебе понравится. Начни с «Колыбели для кошки». Но, в общем, карасс — это группа подлинно связанных между собой людей. Противоположность гранфаллону, где связь фальшивая, как когда мы все собраны в школе. Я колдовала, чтобы найти друзей.

Он прямо отшатнулся, чуть стул не опрокинул.

— И, по-твоему, *сработало*?

— На следующий день Грег пригласил меня в книжный клуб.

Я замолчала, предоставив ему самому делать выводы.

— Но мы уже который месяц встречались… Ты нас просто нашла.

— Надеюсь, что так, — сказала я. — Но прежде я ничего о нем не знала. Даже не догадывалась, и про фэндом тоже.

Я смотрела на него. Такие встречаются реже

единорогов: красивый парень, рубашка в красную клетку, читает, и думает, и говорит о книгах. Насколько сильно магия вмешалась в его жизнь, чтобы сделать его таким? Существовал ли он раньше? И каким был? Теперь не узнаешь, никак не узнать. Теперь он есть, и я есть, вот и все.

— Но я же там был, — сказал он. — Я ходил в клуб. Я знаю, что он был. И был на «Сиконе» в Брайтоне прошлым летом.

– *Эр' перрихис*, — сказала я, наугад выбрав произношение.

Я привыкла, что меня боятся, но на самом деле мне это неприятно. Думаю, даже Тиберию это не нравилось. Однако спустя одно ужасное мгновенье его лицо смягчилось.

— Должно быть, волшебство просто помогло тебе нас найти. Не могла ты все переделать, — сказал он и допил свою бутылочку «Вимто».

— Я хотела тебе сказать, потому что это вопрос этики: почему я тебе понравилась и не поэтому ли, — продолжала я, чтобы уж все разъяснить.

Он рассмеялся, чуточку неуверенно.

— Надо будет это обдумать.

Мы вернулись по мокрым улицам к станции, за руки не держались. Но в поезде, который на обратном пути был намного свободнее, сели рядом

и соприкасались боками, и он, помедлив, обнял меня одной рукой.

— Многое надо усвоить, — сказал он. — Мне всегда хотелось, чтобы в мире было волшебство.

— Я бы предпочла космические корабли, — ответила я. — А если волшебство, чтобы не такое запутанное; волшебство с простыми законами, как в книжках.

— Поговорим о чем-нибудь попроще, — предложил он. — Скажем, зачем ты так коротко стрижешься? Мне нравится, но довольно необычно.

— Это не попроще, — возразила я. — У меня раньше были длинные косы. Бабушка их заплетала, а когда она умерла, мы заплетали друг другу. Когда Мор умерла, я не сумела заплетать сама и в припадке, я бы сказала, бешеного горя отхватила их ножницами. Получилось ужасно неровно, и моя подружка Мойра попыталась выровнять, срезая понемногу с каждой стороны, пока практически ничего не осталось. С тех пор я и ношу короткие. Они только сейчас стали ровно лежать, а раньше торчали дыбом.

— Бедная ты бедная, — сказал он и обнял меня покрепче.

— А у тебя почему длинные волосы? То есть для мужчины.

— Мне просто так нравится, — сказал он, смущенно тронув прядку. Волосы цвета меда или, скажем, медовой булочки.

В Гобовене он отцепил свой велик.

— Увидимся в субботу.

— В маленьком кафе у книжного? — предложила я.

— У Марио, чтобы мне не остаться без приличного кофе, — возразил он.

Мне кажется, Виму важно показываться со мной на людях. Наверное, это из-за той истории с Руфи и его отверженности.

Мы еще поцеловались, прежде чем мне сесть в автобус. Я прочувствовала поцелуй до самых пальцев ног. В этом тоже есть волшебство, такое же, как в «чи».

Пятница, 8 февраля 1980 года

Aujourd'hui, rien.

Сегодня за ланчем загадывали загадки, и я спросила, с кем лучше познакомиться, с эльфом или с плутонианцем. Дейдра не знала, кто такие плутонианцы.

— Инопланетяне с планеты Плутон, — объяснила я. — Как марсиане, только еще инопланетнее.

— Тогда с эльфом, — ответила она. — А ты, Морвенна, кем хочешь быть?

Для Дейдры типично перепутать «познакомиться» и «быть», но ее вопрос получился интереснее. С кем встретиться — это про взгляд на мир, на прошлое и будущее, фантастику и фэнтези. А кем хочешь быть… я все вспоминаю «Тут я проснулся и оказался здесь, на холодном склоне холма», где удалось и то и другое.

К врачу меня записали на понедельник.

Суббота, 9 февраля 1980 года

Вим всегда приходит заранее, кроме случая, когда он проколол шину и впервые опоздал в клуб. Он уже ждал у Марио, когда я появилась, и даже заказал мне кофе.

Он перебрал книги, которые я взяла в библиотеке, — на одни цокал языком, на другие кивал. Дойдя до «Персидского мальчика» Мэри Рено, поинтересовался, что я нахожу в исторических романах, а когда узнал, что я его уже читала, — что нахожу в перечитывании. В кафе было несколько знакомых девочек с местными мальчиками, в том числе Карен, которая все посматривала на нас и усмехалась.

— Может, пойдем куда-нибудь еще? — спросила я, когда Вим допил кофе.

— Куда? — спросил он. — Здесь некуда пойти. Разве что опять на охоту за привидениями?

— Я не прочь, если хочешь, — ответила я.

И тут к столику подошла Карен.

— Выйди со мной в туалет, Комми, — сказала она.

Вим, услышав такое обращение, вздернул

бровь, а я только обрадовалась, что она не обозвала меня при нем Хромушей или Ковыляшкой.

— В другой раз, — ответила я.

— Нет, выйдем, — настаивала Карен, многозначительно кривляясь. Взяла меня под руку и больно ущипнула. — Идем.

Проще было пойти, чем устраивать сцену. Карен мне не то чтобы подруга, но она дружит с Шарон и Дейдрой. Я вздохнула и вышла с ней. Туалет был выкрашен красной краской, и на стене в ряд висели зеркала, освещенные длинными лампами. Карен поправила перед ними макияж — хотя по субботам краситься так же строго воспрещено, как в другие дни, она была в косметике, как в глазури.

— Крейг, это мой парень, говорит, что вчера вечером видел твоего дружка на дискотеке с другой девушкой; с Ширли, которая работает у нас в прачечной.

— Спасибо, — сказала я. — Не могла же я пойти с ним на дискотеку, верно?

— Тебе все равно? — не поверила она.

Мне, конечно, было не все равно, но признаваться в этом ей я не собиралась. Только улыбнулась, толкнула дверь и вернулась к столику.

Вим дождался меня — а я было засомневалась.

Я села и взяла его за руку, потому что знала, что Карен смотрит.

— Пойдем, — сказала я.

— Что она тебе сказала?

— Ты лучше меня знаешь, что в этом городке все про всех все знают, — сказала я, встав и натягивая пальто.

Он помрачнел, но заметно было, как что-то прикидывает.

— Мори, я…

— Пойдем, — повторила я. Не хотела обсуждать этого там, при слишком благодарной аудитории.

— Как же мне быть, если я могу с тобой видеться только в книжном клубе, в субботу после обеда и на пару часов по четвергами по дороге в Шрусбери? — воинственно начал он, когда мы свернули по улице мимо «Смитса» и «BHS». — Ты никогда не сможешь провести со мной вечер.

— Это я понимаю, — ответила я. — Мне не выбраться из школы. Наверное, ничего у нас не выйдет.

— И ты могла бы меня бросить, потому что я потанцевал с Ширли? — вопросительно взглянул он.

— Скорее, потому что не хочу унижаться, чем из-за твоих танцев. В смысле, сам понимаешь,

даже выберись я из школы, танцевать не смогла бы.

— Это другое, — торопливо ответил он. — Я не большой любитель танцев, просто надо же чем-то заниматься.

— И не большой любитель Ширли, она тоже просто от нечего делать, — съязвила я.

— Или я мог бы тебя бросить, потому что мы почти не видимся и это так неудобно, — странным, задумчивым тоном протянул он.

Мы подошли к перекрестку у Трентона, где надо было поворачивать, если мы собирались в книжный и в Браконьерскую рощу. Я остановилась, и он тоже.

— Как тебя следует понимать? — устало спросила я. Мальчики очень странные.

— Ты согласна, что мы могли бы сейчас разойтись, прямо на этом углу и никогда больше не сказать друг другу доброго слова? — требовательно спросил он. Ветер относил назад его волосы, и никогда еще он не выглядел так роскошно.

— Да! — сказала я. Я это очень даже хорошо представляла: в книжном клубе говорить о книгах и не смотреть больше друг на друга.

— Вот и хорошо. Если мы могли бы сейчас разойтись, значит, что бы ни натворило твое

колдовство, оно не обрекло нас друг на друга, — сказал он.

— Что? — И тут до меня дошло. — О!

Он ухмылялся.

— Значит, мы вместе не потому, что нас вынудили чары, и все в порядке.

Я и не представляла, что можно прийти к подобному выводу таким кружным путем.

— Так что, с Ширли и дискотекой это был *научный эксперимент*?

У него хватило совести чуточку смутиться.

— В каком-то смысле. Я терпеть не могу, когда меня принуждают. Ненавижу идею о Верной Любви, Поисках Того Самого и, знаешь, узы, женитьба волей колдовства…

— Вим, я призналась, что ты мне вроде как нравишься, — напомнила я. — Когда *ты* меня спросил. Я не говорила и не собираюсь говорить о судьбе, верной любви, женитьбе и прочей ерунде. Я не этого ищу, мне не это нужно. Мне нужны друзья, а не верная, так ее и так, любовь. О браке я даже не думаю, во всяком случае, в ближайшие много-много лет.

— Это ты, — сказал он и зашагал дальше, так что мне пришлось идти за ним вниз по холму. — Это не магия. Ты мне нравишься, правда, нравишься.

Но я подумал, что, если мы могли бы разойтись, а ты согласна, что могли бы, тогда не придется этого делать и все будет хорошо.

— Так ты не хочешь расходиться?

— Нет, если ты не хочешь, — сказал он.

Что мне известно о волшебстве, а ему не известно, это какое оно коварное и как просто заставить людей делать то, чего им и так хочется. Доказательством было бы, если бы мы и вправду разошлись, а не просто согласились, что теоретически могли бы. Но… я не хотела.

— Я не хочу, — сказала я.

— Что ты ей сказала?

— Кому? — не поняла я.

— Маленькой мисс Гитлер в кафе.

Я фыркнула.

— Ее зовут Карен. Сказала: конечно, я не могла пойти на дискотеку, и просто улыбнулась. Не хотела ей потакать.

Мы подошли к книжному, и он снова остановился.

— Так улыбайся и дальше. Я больше не увижусь с Ширли.

— Мне все равно, увидишься ли ты с Ширли, лишь бы я об этом знала, — сказала я. — Так мне кажется…

В теории, по Хайнлайну, я была в этом совершенно уверена. На практике не совсем.

— Она кретинка, — сказал он, и меня это очень успокоило. Приятно, когда ты нужна ради чего-то настоящего.

Мы вошли в Браконьерскую рощу и направились к стенам руины. Подснежники отцвели. Остались пробившиеся листья, а новых цветов не появилось. Там все кишело фейри, в основном узловатыми, древоподобными. На нас они не обращали внимания. Вим вроде как видел их — сказал, что видит краем глаза. Мы немножко посидели на стене, разглядывая их. Потом стали вставать, он случайно схватился за мою палку и охнул:

— Теперь в самом деле вижу!

Он снова сел рядом со мной, держа палку на коленях.

— Люди! — воскликнул он совсем не к месту.

Вечность спустя, после того как мы долго наблюдали за фейри, я сказала, что пора идти, и потянулась за своей палкой. Без нее он снова видел их только наполовину.

— Хотел бы я понять, что они такое, — заговорил он на обратном пути в город. — Можно мне эту палку? В смысле, у тебя другая есть?

— Есть, но она металлическая, страшная, а эта придает мне силы. Мне ее фейри дал.

— Может, затем и дал, чтобы я смог их увидеть? — намекнул он. — Столько разных цветов и форм… — Он говорил как пьяный. Там были обычные фейри, и ничего особенно интересного они не делали.

— Может быть. Но сейчас она мне все равно нужна.

Он взял меня за руку.

— Я сожалею насчет танцев, — сказал он. — Я не про Ширли, с ней я это нарочно, а я про танцы вообще. Я об этом не подумал, не подумал, что тебе будет обидно, что ты танцевать не можешь.

— Это ничего, — сказала я, но покривила душой. Нога у меня возвращается к тому, что было до вытяжения. Бывают хорошие дни, бывают плохие. Мне сказали, так будет и дальше. Может, иглоукалывание поможет, и, может, я сама ему выучусь и смогу себе помогать, но на танцы мне пока не ходить.

Было почти пора к автобусу, и мы пошли через город к остановке.

— Так во вторник вечером, в четверг после обеда и в следующую субботу? Если большего не дано, согласен на это, — сказал он.

— На следующей неделе четверть кончается, — напомнила я. — Всю неделю каникулы. Так что суббота выпадает.

— Ты уезжаешь?

— Переночую в Олдхолле у Даниэля, а потом поеду на несколько дней в Абердэр, навещу тетушку Тэг и дедушку.

— И убьешь свою мать? — спросил он. — Знаю, не убьешь, а я мог бы убить. Никаких древних запретов на этот счет не существует.

— По древним запретам, насколько я знаю, мне нельзя было бы даже разделить хлеб с тем, кто убил мою мать, что бы я о ней ни думала, — сказала я, хотя основывалась в основном на Мэри Рено, а не на настоящих древних запретах. Забавно все-таки, что в наше время о них в школе не рассказывают. — Да это и не нужно.

— Я мог бы поехать с тобой.

— Не дури, где бы ты ночевал? — спросила я. — К тому же у тебя работа. Увидимся, когда я вернусь.

— Я буду скучать, — сказал он и поцеловал меня очень нежно и долго.

Ну, во всяком случае, я не заскучала.

Воскресенье, 10 февраля 1980 года

С утра были заморозки. Я проснулась, выглянула в окно, а там все в белом хрустком инее. Он растаял к тому времени, как мы пошли в церковь.

Проповедь была о благодарности, что нельзя пренебрегать доставшимися нам дарами, а находить два особых дара, за которые и благодарить. Так что на молитве я мысленно благодарила бога за Вима и межбиблиотечную рассылку.

Я написала тетушке Тэг, что буду у нее в следующее воскресенье. Вчера не купила открытки для дедушки и на прошлой неделе тоже, потому что оба раза меня отвлек Вим. Привезу одну с собой.

Теперь меня беспокоит, что Виму, может быть, нужна магия, а не я сама.

Понедельник, 11 февраля 1980 года

«Персидский мальчик» — такое чудо. Наверное, это ее лучшая книга. Не сама книга, а мысли о ее книгах вообще подтолкнули меня наскоро просмотреть «Федра» и начать «Законы», в которых я и увязла.

По-моему, мисс Кэрролл одобряет, что я читаю не только НФ. Она завязала разговор о Древней Греции и упомянула, что я могу выбрать для основных экзаменов греческий, одновременно готовясь к экзаменам на аттестат. Не знаю, буду ли сдавать на аттестат здесь или нет, но, если здесь, это хорошая мысль. Вряд ли мне позволят, как Виму, смешать гуманитарные и естественные. К тому же я сама хочу сдавать английский, историю и латынь — самое обычное, распространенное сочетание. Я бы с удовольствием готовилась еще и по физике или химии, но, как мне напомнила мисс Кэрролл, без математики это сложно. Может, я бы и наскребла проходной балл по математике, но на большее не надеюсь.

У врача я спросила, конфиденциальный ли это

визит, и он сказал, что конечно. Тогда я попросила прописать мне Таблетки. Он спросил, веду ли я половую жизнь, а я сказала, что нет, но подумываю. Он посмотрел дату рождения, немножко поцокал языком, но рецепт выписал. Он сказал, что они начинают действовать только через месяц приема, что начинать надо на второй день после месячных и что пропустить одну таблетку не страшно, но не больше, а принимать их надо в одно и то же время. Я получила их по рецепту в «Бутс» на обратном пути. И еще купила пакетик презервативов (будь готова) и плитку молочного шоколада «Кэдбери», не столько потому, что хотелось, сколько как прикрытие для других покупок, но все равно его съела.

Таблетки и презервативы я храню в своей сумке, это единственное надежное место.

Вторник, 12 февраля 1980 года

Дейдра сегодня чуть не попалась на списывании у меня Вергилия. Там два глагола, «progredior» и «proficiscor», оба все время в пассивном залоге, и оба начинаются с «про», а означают один «продвигаться», а другой «отправляться», и я их всегда путаю, и в том задании, которое Дейдра списала на самоподготовке, тоже перепутала. Мисс Мартин, от которой ничего не укроется, когда Дейдра вслух читала тот отрывок, кинула на нас обеих суровый взгляд и сказала, что ошибки в пассивном залоге бывают заразительны, а потом вызвала Дейдру переводить следующий отрывок, который та не готовила. Она не так уж напутала, так что я решила, что мы выкрутились. Потом мисс Мартин заставила меня толковать следующий кусок, тоже с листа. После урока, когда со звонком все бросились по коридору на физику, она меня остановила и спросила: «Морвенна, вы с Дейдрой немножко кооперировались с этим отрывком Вергилия?»

— Она там чуточку завязла, — сказала я, решив, что это и правда, и звучит куда лучше, чем при-

знание, что она все у меня списала.

— Она никогда не научится, если не научится учиться сама, — заявила мисс Мартин. Это звучит как афоризм, и, может быть, с латинского, в котором это было бы в трех словах, а не в шести или семи.

Письмо от Даниэля, что он заберет меня в пятницу и что я могу поехать в Абердэр в воскресенье, и еще пишет, что до того меня ждет сюрприз. Что бы это значило? Может, он отдельно послал книги?

Вечером книжный клуб, разговор о «Паване».

Среда, 13 февраля 1980 года

Встречу вел Гуссейн, и говорили не только о «Паване», но и о блестящих «Бесчисленных временах» Браннера, и о «Человеке в высоком замке» Дика (я не читала), и о «Дарю вам праздник» Уорда Мура, и вообще о возможности альтернативной истории. Еще упомянули «Вверх по линии» и «Патруль времени», и «Мечту Уэссекса» Кристофера Приста (обязательно заказать!), про нее Вим сказал, что блеск. Возник вопрос, настоящая ли это НФ, — ясно, что да, — и есть ли разница между книгами о параллельном времени вроде «Лорда Кальвана из другого когда» и такими, как «Павана», где в нашей вселенной все идет по-другому.

Мы то и дело возвращались к «Паване», к тому, какое временное пространство она охватывает, и Грег сказал, что именно широкая перспектива и делает ее НФ. Брайн упомянул серию с лордом Дарси (обожаю Рэнделла Гаррета!) и спросил, относить ли и их к НФ, но это было нечестно, потому что они, конечно, фэнтези, если не считать того, что совсем не похожи на фэнтези и точь-в-точь как НФ. Гарриет сказала, что, по ее

впечатлению, они скорее схожи с рассказами и мифами Дансени, такие же эксцентричные. Я возразила (наверное, слишком многословно и горячо), потому что, по-моему, их сходство с НФ не в эксцентричности, наоборот, они подают магию как своего рода науку, особенно в романе «Слишком много волшебников».

Джанин, кажется, со мной не разговаривает и с Питом тоже. Разберутся, говорит Вим. Надеюсь.

Хью выглядел немного сконфуженным. Грег считает — он это сказал в машине, — что Хью автоматически счел, что мы с ним пара, потому что ровесники. В жизни не слышала ничего глупее и так и сказала, потому что, хотя Хью мне нравится, я и двух секунд о нем не думала. Грег только посмеялся и ответил, что такие вещи улаживаются сами собой, и читала ли я Маккефри? Не понимаю, при чем тут это, но остальную часть пути до школы мы говорили о Запечатлении драконов.

Завтра Вим снова ждет меня в Гобовене. Ему кажется, что мы мало видимся, а для меня — через край. Мне нужны паузы, чтобы поразмыслить — и все записать! Не думаю, чтобы он этим занимался.

Мне с опозданием вспомнилось, что завтра Валентинов день. Вряд ли он его отмечает — а

вдруг? Ума не приложу. Мисс Кэрролл считает, что может отмечать и что мне стоит что-нибудь приготовить на этот случай. Она предложила книжку — ну еще бы! — и мысль была бы классная, будь у меня время зайти в книжный. Я могла бы сделать ему открытку. Только вот кому нужны открытки моего изготовления? Я могла бы написать стихи, красиво переписать одно из стихотворений, которые про него сочинила. Но вдруг ему не понравится? Никогда не говорила с ним о поэзии и понятия не имею, любит ли он стихи. Если бы он не презирал Хайнлайна, могла бы подарить ему «Число зверя», но он его не выносит, так что нельзя. Больше у меня ничего нового нет, и все, что у меня здесь есть, у него, наверное, есть тоже.

Если выйти из школы немножко пораньше, пожалуй, успею по дороге на станцию зайти в книжный.

Четверг, 14 февраля 1980 года

Ну и неловко же вышло!

«Сюрпризом» Даниэля было подвезти меня в Шрусбери. Не знаю, зачем это понадобилось сегодня, когда завтра конец четверти, но от него разумных поступков ждать не стоит. Он сидел в машине перед школой с таким самодовольным видом, будто кот, добравшийся до сливок. Я при виде его замерла как вкопанная, просто остолбенела от ужаса.

Вим ждал меня на станции в Гобовене. Никак было с ним не связаться, не предупредить. Если с ним не встретиться, мы бы увиделись только после каникул. Он бы решил, что я его бросила, да еще на Валентинов день.

Был второй вариант: рассказать Даниэлю про Вима. Я это обдумала, пока шла к машине. Беда в том, что я до сих пор ничего ему не рассказывала, все мои письма Даниэлю были исключительно о книгах. И не могла же я попросить Даниэля уехать и оставить меня в покое, хотя так по мне стало бы лучше всего.

— Сумел вырваться, — сказал Даниэль. — Мо-

жем сегодня сходить в китайский ресторан.

— Это бы чудесно, только… — начала я и запнулась.

— Только что? — спросил он, заводя мотор и выезжая по дорожке между двумя мертвыми вязами, которые опять выглядели ужасно рядом с другими деревьями, уже подумывавшими обзавестись листвой. — Я думал, ты обрадуешься.

Это прозвучало очень жалобно.

— Я должна была встретиться с другом на станции в Гобовене, — объяснила я. — Как ты думаешь, нельзя ли заехать, подобрать его и взять с собой?

У него лицо на секунду стало совсем пустым, но потом он улыбнулся:

— Конечно, — и развернулся в обратную сторону, благо, дорога была пустая.

После этого я уже никак не могла просить его заехать сперва в книжный.

— Этот друг — твой парень или просто парень твой друг? — спросил он.

— Вроде как парень. Ну, на самом деле да, парень. — У меня от смущения чуть язык узлом не завязался.

— Так ты бы рассказала о нем, — бодро, хотя и малость ошарашенно продолжал Даниэль.

Я толком не знала, что рассказывать.

— Зовут его Вим. Мы познакомились в книжном клубе. Ему семнадцать. Он любит Дилэни и Желязны. Готовится на аттестат по физике, истории и химии в колледже и работает на полставки. Я подумывала сама на будущий год поступить так же, если придется.

— Почему бы тебе пришлось? — удивился Даниэль.

— Мне в июне шестнадцать, — сказала я. — Ты уже не обязан будешь меня поддерживать. Я могла бы прожить сама.

— Поддерживать тебя я буду столько, сколько надо для полного образования, — сказал Даниэль, хоть и не читал ни «Двери в песке», ни «Числа зверя».

— Ты знаешь, что вышел новый Хайнлайн? — вспомнила я.

— Ты мне писала в воскресенье, — ответил он. — Не терпится прочитать, даже если эта книга у него не лучшая.

Мы уже подъехали к станции Гобовен. Там было пусто. Хоть раз я пришла куда-то раньше Вима, потому что он меня ждал с автобуса, идущего по катетам треугольника, а я приехала на машине по гипотенузе.

— Он скоро будет, он всегда приходит заранее, — сказала я. Даниэль аккуратно припарковал машину на площадке.

— Вы давно встречаетесь? — спросил он.

Я подсчитала.

— Почти две недели.

К его чести, Даниэль ничего не выдал насчет того, что надо было ему рассказать или что я слишком молода, ничего такого.

— Еще одна новая роль, — сказал он и улыбнулся. — Я тревожусь до смешного.

— А мне каково, по-твоему? — спросила я.

Он рассмеялся, и тут как раз на станцию прикатил Вим, гнал так, что волосы развевались.

— Это он? — спросил Даниэль.

— Да, — ответила я с гордостью, на которую не имела права. И вышла из машины, на которую Вим даже не посмотрел. Он не очень наблюдательный.

Даниэль тоже вышел.

— Велосипед можно положить в багажник, — сказал он.

— Подожди здесь, я ему объясню, — попросила я.

Я подошла к Виму. Даниэль закурил, прислонившись к капоту, и смотрел на нас. Вим увидел

меня, «Бентли», а потом Даниэля, я наблюдала, как до него доходит.

— Вим, отец внезапно приехал отвезти меня на иглоукалывание. Я тоже совершенно не ожидала. Ты не хочешь съездить с нами в Шрусбери машиной?

Он очень удивился:

— Машиной? С твоим папой?

— Он не против. Если ты хочешь. Но мы будем не одни, и нельзя будет поговорить о волшебстве и прочем, потому что он об этом ничего не знает.

— А что еще ты можешь предложить? — подхватил он, цитируя Зафода. И поцеловал меня, не без робости, но все равно это было храбро, учитывая, что рядом стоял Даниэль. А потом, вытащив из кармана пальто пакетик, чуть ли не с вызовом протянул мне. — С Днем Валентина!

Я сразу его вскрыла. Три книги! «Прикосновение странного» Теодора Старджона, с красивой обложкой — женское лицо и луна, «Опрокинутый мир» Кристофера Приста и какой-то роман совсем незнакомого автора К. Черри — «Врата Иврел». Я обомлела:

— Ох, Вим, как здорово. У меня ни одной из них нет. А я не успела еще ничего тебе купить, но вот, написала для тебя… — Я достала из кармана свое

стихотворение. Я его написала на красивой голубой бумаге, которую дала мисс Кэрролл, лучшим своим почерком. (То, что начинается: «Влачиться по сухим камням души-пустыни…»)

Он стал читать, а я ждала и следила, как он читает, очень неуютно ощущая стоящего за спиной Даниэля. Вим покраснел и спрятал листок в карман. Не знаю, понравилось ему или нет.

Потом я его представила Даниэлю, и они пожали друг другу руки, как двое судей. Когда они вместе принялись запихивать велосипед в багажник, стало чуть проще. Потом мы все забрались в машину и поехали в Шрусбери. Пока ехали, я сообразила, что им вдвоем придется час провести вместе, пока ждут меня с иглоукалывания. Бывают ли более неловкие положения? Даниэль сам виноват, что меня не предупредил, но бедный Вим ничем такого не заслужил.

В машине мы говорили о Желязны — тема глубокая и неиссякаемая, а потом перешли на «Имперскую звезду», о том, что, казалось бы, там просто приключения, а совсем не просто. При этом я чувствовала, что Даниэль и Вим начинают друг другу нравиться, хотя, конечно, Вим сидел сзади и им не видно было друг друга. В Шрусбери мы приехали раньше времени и заглянули

в книжный, где Вим с Даниэлем заспорили о Хайнлайне, примерно так же, как мы с Вимом спорили, только гораздо длиннее. Я была на стороне Даниэля, и они оба это понимали, но я постаралась прикусить язык и молчать, просто разглядывала полки. Пока он отвлекся, я купила Виму «Знак Единорога» и «Колыбель для кошки» и подарила ему, когда мы вышли из магазина.

Потом пришлось оставить их вдвоем. Они обещали встретить меня у клиники. Никогда я так не переживала, идя на иглоукалывание, даже впервые, когда боялась иголок. Лежа на столе, я пыталась успокоиться, мысленно перевести дыхание, не смотрела на диаграмму, не думала о магии, ничего такого. Помогло, кажется, меньше, чем в другие разы, или, может, я лучше себя чувствовала до того и не заметила разницы, как бывало.

Оба ждали меня, прислонясь к стене. Рядом с Вимом Даниэль выглядел старым и потертым. Когда я подошла, они обсуждали поездку на «Сикон» и чего Вим ждет от «Альбакона» в Глазго.

— Хотел бы я съездить, — сказал Даниэль.

— А почему нет? — удивился Вим.

Даниэль только беспомощно пожал плечами.

Мы зашли в китайский ресторан и ели в общем

то же, что в прошлый раз. Мы с Вимом мучились с палочками, а говорили в основном о Силверберге, съезжая на темы, которые обсуждались во вторник по «Паване». Даниэль из этого читал все, кроме «Мечты Уэссекса». Заметно было, что они с Вимом произвели друг на друга впечатление, что хорошо и очень странно. Когда Даниэль отошел в уборную, Вим взял меня за руку.

— Мне нравится твой папа.

— Хорошо, — ответила я.

— Как тебе повезло, — снова сказал он.

— Пожалуй, могло и гораздо меньше повезти, — кивнула я. Многие сказали бы, что Даниэль не из лучших отцов, но бывают люди намного хуже. Потом я вспомнила, когда Вим сказал это в прошлый раз и о чем мы тогда говорили. — О, одно бесценно — он обещал поддерживать меня, пока я не получу полное образование. Хотя он не читал…

Вим расхохотался, а тут как раз вернулся Даниэль, и пришлось ему объяснять. К счастью, ему это тоже показалось забавным.

Виму досталось печенье с предсказанием «Ты получил подарок», а Даниэлю: «Судьба благоволит смелым», а в моем оказалось: «Самое время быть счастливым».

Потом Даниэль отвез нас обратно. Он спросил Вима, где его высадить, и Вим сказал, что где угодно, лишь бы можно было доехать на велосипеде, так что его высадили у развязки. Я, пока они выгружали велик, тоже вышла и отважно попросила у Вима номер телефона.

— Чтобы позвонить тебе на неделе, пока меня не будет, — сказала я. — И сегодня он бы пригодился.

— Не помог бы, я приехал прямо с работы, — возразил он, но телефон дал, и Даниэль его тоже записал. Потом Даниэль вручил Виму свою визитку. (У него визитки!) Мы с Вимом обнялись и поцеловались прямо напоказ, а потом Даниэль вернул меня в школу к самоподготовке.

Пятница, 15 февраля 1980 года

Шарон, как всегда, забрали первой. Спросите меня, я скажу, что у евреев много преимуществ. Но и целая гора всяких штук, которые надо соблюдать. Не забыть бы спросить Сэма, что бывает, если нарушишь правила.

Хотя сегодня и Даниэль оказался из первых среди обычных родителей.

— Твой молодой человек мне понравился, — сказал он, когда я села в машину.

— И ты ему понравился, — ответила я, пристегиваясь.

— Я подумал, не пригласить ли его завтра на чай в Олдхолл. Если он доедет до Шрусбери поездом, мы сможем его там встретить. Вы могли бы вдвоем погулять или еще что, а потом все бы выпили чаю.

Он говорил так робко, с такой надеждой, что я просто не могла отказать. К тому же я знала, что Вим будет рад. Ему хочется увидеть Олдхолл, хочется увидеть теток, потому что он знает, что в них есть магия. Он их не испугается, потому что ничего не боится. А мне хотелось увидеть

Вима, конечно, хотелось, пусть и не в идеальных обстоятельствах.

— Класс! — сказала я. — Но ты сестер спросил?

— Это Антея предложила, — сказал он.

— Я подумала, может, они не одобрят, что я встречаюсь с деревенским парнем.

— Ну… — Даниэль поколебался. — Они действительно сказали, что в их время так было не принято, но я уверен, они изменят мнение, когда познакомятся с Вимом и убедятся, какой он умный и как хорошо говорит.

«Хорошо говорит» — это для среднего класса как пароль. Это я уяснила в Арлингхерсте. Кто-то где-то сказал, что классовая система Британии выжжена клеймом на языке. У Вима шропширский выговор, но речь грамотная, как у образованного человека. Без снобизма и претенциозности, не то что у девочек в нашей школе, но я думаю, он обрадуется, что говорит достаточно хорошо для Даниэля.

Я пообедала со всеми, и пришлось отвечать на множество вопросов о школе, о Виме и еще о школе. Я была самой Приятной Племянницей, насколько в моих силах. Все прошло гладко. О прокалывании ушей не вспоминали.

После обеда я позвонила Виму. Ответил кто-то,

наверное его мать, но она сразу позвала Вима. Я обрадовалась, что он дома. Вполне мог пойти на дискотеку с Ширли.

— Ты что завтра делаешь? — спросила я.

— А что?

— Даниэль спрашивает, не приедешь ли ты на чай. Мог бы доехать поездом до Шрусбери, а мы бы тебя встретили.

— Я думал, ты уезжаешь в Южный Уэльс, — проговорил он как будто издалека.

— Только в воскресенье, — сказала я. — Но если ты не хочешь, то не надо. Ты ведь по субботам не работаешь?

— Работаю, но только с утра.

— Ну, тебе решать. — Я не хотела настаивать.

— А тебя я увижу? — спросил он. — В смысле, только ты и я.

Он чудо!

— Даниэль сказал, мы можем пойти погулять или еще куда. И меня почти все время оставляют в покое.

— А как мне одеться? На чаепитие в усадьбе…

Как мило, что он об этом беспокоится.

— Что всегда носишь, то и хорошо, — успокоила я. — Вечерних нарядов не предусмотрено.

— А сестры там будут?

— Наверняка.

— Какое испытание! — Его голос источал иронию.

— Ну, увидимся завтра. Ты на часовом поезде?

— До завтра.

Когда он повесил трубку, мне стало холодно и одиноко, и я немножко побродила по комнатам. Даниэль пил у себя в кабинете, а его сестры смотрели телевизор в гостиной. Увидеться завтра — чуть ли не хуже, чем через неделю. Я приготовилась терпеливо ждать.

Суббота, 16 февраля 1980 года

Сияло солнце, а Вим вышел на станцию в рубашке с галстуком, с которым он выглядел моложе, почти школьником. Конечно, я этого не сказала. Даниэль, как хороший хозяин, показал нам замок Эктон Баренелл. От замка остались руины, поросшие молодой травой и плющом.

— Здесь никого, кроме нас, нет, — заметил Вим, когда мы вышли из машины.

— Ну, февраль — не сезон для зевак, — сказал Даниэль.

Вим поднял брови.

— Для туристов, — пояснил Даниэль. — Летом у нас их много. Ну вот, отсюда вы можете дойти пешком. Тут немногим больше мили. А если не будет настроения идти пешком, позвоните из автомата, хорошо, Морвенна?

У самых ворот замка краснела телефонная будка.

— Хорошо, — буркнула я. Он имел в виду: если у меня нога отвалится. Нечего мне кукситься, когда люди проявляют заботу, честное слово. Это грубо.

Наружная стена обвалилась, ров зарос колючками, и разобрать, где что, можно было, только если вы повидали настоящий замок, как Пемброк или Кайрфилли, где все подписано. Разумеется, всюду были фейри, потому я и предложила сюда поехать.

Я замечала, что люди, осматривающие замки, делятся на два разряда. Одни говорят: «Здесь бы мы кипятили масло, а здесь бы поставили лучников», а другие: «Вот тут поставим козетку, а сюда повесим картины». Вим оказался вполне достойным представителем первого лагеря. Он ездил со школой в Конуэй и Бомарис, так что в замках разбирался. Мы успешно отбили осаду (и немножко пообнимались в уголках, где не было ветра), а уже потом он спросил про фейри.

— Полным-полно, — ответила я, усевшись на подоконник, чтобы он мог взять мою палку и сам увидеть. Я смотрела наружу сквозь крестовидную бойницу, но вид в этой чудесной раме был испорчен проводами над шропшискими полями и красной телефонной будкой внизу.

Вим сел рядом, положив мою палку поперек коленей, и некоторое время их разглядывал. На нас, сидящих рядом, почти не обращали внимания. Когда мы были маленькими, фейри с нами

играли — в прятки большей частью и во всякие пятнашки. Те, в замке, вроде бы играли в такое друг с другом — забегали в помещения, укрывались друг от друга, вылетали в дверные проемы и скрывались в проломах. Я, конечно, и без палки их видела, так что мы с Вимом сидели и вслух обсуждали, чем они занимаются. Потом одна из них, высокая, невероятно высокая женщина-фейри с длинными волосами, в которых мелькали лебединые перья, пронеслась мимо обрушенной стены, заметила нас и задержалась. Я ей кивнула. Она нахмурилась, подошла и встала перед нами.

— Здравствуй, — сказала я и добавила на валлийском: — Добрый день.

— Иди, — обратилась она ко мне на английском. — Нужна. Там… — она показала рукой.

— В Долинах? — спросила я. Я привыкла угадывать существительные в словах фейри. — В Абердэре? В ущелье угля и железа?

Я чувствовала на себе взгляд Вима.

— Принадлежишь, — сказала она, указав на меня.

— Местам, откуда я родом? — спросила я. — Завтра еду.

— Иди, — сказала она. — Соединись. — Потом она посмотрела на Вима, улыбнулась и провела

ладонью по его щеке. — Красиво.

Ну, тут она была права. Она вылетела за двери, и строй бородавчатых серых гномов, показавшись из дыры в стене, устремился за ней, не глянув в нашу сторону.

Вим, обомлев, смотрел ей вслед.

— Ух ты! — вымолвил он немного погодя.

— Понимаешь теперь, почему я говорила, что трудно вести беседу? — спросила я.

— Да, невозможно, — согласился он. — Такие обрывки, неизвестно, не додумываешь ли ты половину. — Он говорил рассеянно и все смотрел вслед женщине. — Она и вправду красивая.

— Она хотела сказать, что красивый ты, — поправила я.

Он засмеялся.

— Шутишь? Нет, ты серьезно? Господи! — Он искал ее взглядом, но она пропала.

— Ты красивый, — сказала я.

— У меня прыщи, — возразил он. — И порезы после каждого бритья. Я ношу дурацкий галстук. Она…

— Ты читал «Фириэль»? Из «Приключений Тома Бомбадила»? Помнишь конец? Ты это почувствовал?

— Толкин знал, о чем говорит, — кивнул Вим.

— Думаю, он их видел, — согласилась я. — Думаю, он видел их и вымечтал из них эльфов, каких ему хотелось. Думаю, они — то, что от них осталось.

— Может, он их видел, когда был ребенком, и запомнил, — сказал Вим. — Хотел бы я знать, что они такое на самом деле. Ты права, это не призраки или не только призраки. И определенно не пришельцы. Они не материальны. Когда она меня коснулась…

— Они бывают и более материальными.

Мне вспомнилось тепло, исходившее от Глорфиндейла на Хеллоуин.

— Что она хотела сказать? Иди, нужна, принадлежишь, соединись…

Я посмотрела с уважением — как точно он все запомнил.

— Думаю, она говорила, что я должна ехать в Долины, потому что зачем-то нужна там. Может, ты был прав про мою мать, а может, зачем-то еще. Я все равно утром еду.

— Я то верил, то не верил. В то, что ты рассказала про свою мать, и про волшебство и все такое. И тут вдруг она! — Он обернулся и очень крепко обнял меня. — Если ты отправляешься спасать мир, я хотел бы с тобой.

— Я буду звонить каждый день, — пообещала я.

— Я тебе понадоблюсь.

Я не спросила, какой с него может быть прок, потому что это было бы жестоко.

— Раньше я справлялась сама.

— Раньше тебя покалечили и чуть не убили, — напомнил он. — Твоя сестра погибла.

— Теперь она ничего такого не сумеет, — сказала я. — Думаю, она и тогда не хотела нас убивать. А это… тут ничего необыкновенного. Вернее, необычно, что она заговорила на английском, да еще здесь, где они обычно меня не замечают. Может, потому, что мы ближе.

— Ничего необыкновенного! — Вим смотрел так, будто услышал небывалую чепуху. — А ближе к чему?

— К Уэльсу?

— Если дело в расстоянии, то мы дальше. От Освестри до границы Уэльса всего пара миль.

— Пусть так. Но они чего-то от меня хотят, и я это сделаю или не сделаю, и у меня получится или нет, и я останусь жива или нет, — сказала я.

— Я еду с тобой.

— Я не в страну эльфов на поиски приключений собираюсь, — сказала я. — Я еду в Южный Уэльс,

где в промежутках между посещениями чудаковатых родственников буду по указке фейри проделывать какую-нибудь бессмыслицу вроде бросания цветов в пруд или гребешка в болота, а дальше уж от этого разойдутся круги.

— Гребешок в болото? — удивился он. — Это зачем?

— От этого кто-то уедет или умрет, — виновато отводя взгляд, призналась я, пожалев, что об этом заговорила.

— И ты всегда будешь заниматься такими делами? — спросил он.

— Не знаю, — сказала я. — Раньше занималась. Но теперь меня реже используют. И мне кажется… думаю, у детей это лучше получается, потому что в них меньше оттенков серого.

— Я мог бы помочь, — предложил он.

— Я посмотрю. Если решу, что нужна твоя помощь, дам тебе знать, и ты примчишься.

На этом он успокоился, слава богам.

Мы полями дошли до Олдхолла. Там есть тропинка, которую Даниэль мне показал на карте, и найти ее легко, кроме одного места, где сняли указатель. Кругом скучные луга и поля.

Тетки с Вимом были очень милы, в тошнотворной покровительственной манере. Спросили, чем

занимается его отец. Я удивилась, узнав, что он фермер. Крестьянских сыновей я представляла совсем иначе. Мать его на полставки работает на больничной кухне. У него две младших сестры, восьми и шести лет, Кэтрин и Дейзи. Я ничего этого не знала, а он успел все выяснить о моем странноватом семействе. Так и думала, что слишком много болтаю.

Кормили ужасно: тяжелый фруктовый пирог, сухие рогалики, водянистый чай и, поскольку это было Торжественное Чаепитие, сухие ломтики ветчины. Хлеб был хорош, Даниэль привез его из Шрусбери.

Околдовать Вима они не пытались, я бы наверняка заметила. Они одобрили его и мое знакомство с ним. Это было нормально, этого от меня и хотели. У приятной племянницы должен быть молодой человек, пусть и не совсем такой, как Вим, но и Вим сойдет. Они готовы терпеть меня, пока я обещаю вырасти, уйти и не раскачивать их мир. Они, в конечном счете, не злые, просто странные на очень английский манер.

Я поехала с Даниэлем провожать Вима на станцию.

— Не забудь, звони каждый день, и, если я понадоблюсь, я сразу приеду. Мне до тебя три с

половиной часа, — сказал он. Это так мило, правда. Я с ним увижусь через неделю.

Воскресенье, 17 февраля 1980 года

В поезде.

«Опрокинутый мир» — странная книга. Даже не уверена, что это научная фантастика. Конец совсем непонятный. Сначала мне показалось, что очень даже нравится, но теперь я совсем не так уверена.

Тетушка Тэг должна встретить меня на вокзале в Кардиффе. Но если не встретит, я и так доберусь. У меня шесть фунтов семьдесят два пенса. В каком-то смысле деньги — это свобода, но не сами деньги, а выбор, который они дают. Наверное, Хайнлайн это и имел в виду.

Эта линия все время идет вдоль границы. Надо когда-нибудь съездить в Северный Уэльс или хоть через ту границу с Уэльсом, которая, по словам Вима, всего в паре миль от Освестри. Она обозначена на моей карте, так что я теперь знаю. Жаль, что на географии нас не учат читать карты вместо дурацкого оледенения. Хотя, пожалуй, оледенение помогает мне читать ландшафт, по крайней мере видеть, где прошел ледник. В неко-

торых странах ледник проходил так часто, что стесал горы почти под корень и осталось только плоское ложе с торчащими останцами там, где были выходы вулканических пород. Круто было бы посмотреть, но я рада, что здесь не так. Я люблю горы как они есть.

За Абергавенни (и за границей Уэльса) вдоль насыпи вдруг высыпали примулы. Не забыть бы рассказать дедушке. В Кардиффе, наверное, уже нарциссы, задолго до Дня святого Дэвида.

Это я дописываю у тетушки Тэг, прежде чем лечь спать.

В час посещений мы пришли навестить дедушку. К моему ужасу, одновременно пришла тетушка Флосси, которая еще ничего, но с ней была тетушка Гвенни, которую я люблю чуть ли не меньше всех на свете. Мало что может быть хуже палаты, полной дряхлых и умирающих стариков, так еще добавилась она. Тетушка Гвенни незнакома с чувством такта и не знает, что такое доброта. Она грубая, назойливая и гордится тем, что говорит что думает. Ей восемьдесят два, но она такая не потому, что старая. Бабушка рассказывала, Гвенни была такой же и в шесть лет.

— Ну, что это ты бросила Лиз? — приветствовала меня тетушка Гвенни.

— Она сумасшедшая, и жить с ней невозможно, — отрезала я. Перед ней нельзя прогибаться, а то затопчет. — Как это мои родственники додумались, что для меня это подходящее место?

— Хм-ф! А как тебе нравится жизнь с твоим негодным отцом?

— Я мало с ним вижусь. Я ведь живу в школе, — ответила я, признаться, немножко трусливо.

Мы, естественно, скрывали от дедушки участие в этом деле Даниэля, а теперь, конечно, все вышло наружу. Тетушка Тэг постаралась свернуть на более безопасную тему, заговорив о планах забрать дедушку из «Феду Хир» на летние каникулы, когда она сможет помогать, если не справится сиделка. Тетушка Гвенни тут же заявила, что тетушка Тэг должна уйти из школы, продать квартирку, перебраться обратно в Абердэр и постоянно присматривать за дедушкой. Вот уж не думаю! Если на то пошло, представьте, что будет, когда он умрет. Просто не верится, что кто-то, даже такой самовлюбленный, как тетушка Гвенни, требует от кого-то так жертвовать собой. Она как скажет что-нибудь, ты так и стоишь, не веря, что такое и вправду слетело у нее с языка. Одно утешение: дедушка ей сказал: «Не будь такой дурой!»

Однако тетушка Гвенни рассказала довольно

забавную историю о том, как лишилась водительских прав — это я хочу записать. Ей, не забывайте, восемьдесят два. Она ехала из Манчестера, где живут ее кошмарные дочери, к себе в Сванси. От поворота в Долину, куда ведет четырехполосное шоссе, но все-таки не автострада, скорость ограничена шестьюдесятью милями в час. Она гнала на девяносто. Ее остановил полицейский — молодой щелкун, по ее словам.

— Вы знаете, с какой скоростью ехали, мадам? — спросил он.

— Девяносто, — ответила она точно, но нераскаянно.

— Вы знаете, что на этой дороге предел шестьдесят?

— Молодой человек, — заявила тетушка Тег, — я давала на этой дороге девяносто, когда вы еще на свет не родились.

— Значит, давно пора лишить вас прав, — быстрее молнии парировал он. И отобрал, так что ей приходится ездить поездом.

Она, в отличие от меня, ненавидит поезда.

— Не выношу поездов. Ненавижу вокзал в Кру. Не выношу этих пересадок! На кардиффский поезд приходится тащиться до платформы 12, вверх-вниз по лестницам. Никогда в жизни! Нет,

Люк, ты сегодня в последний раз меня видишь. Пока я жива, ни за что не поеду больше в Южный Уэльс, а тогда пусть по переходам в Кру таскают мой гроб!

Я расхохоталась, и, должна заметить в ее пользу, она совсем не обиделась.

Я позвонила Виму и сказала, что пока ничего нового. Завтра попробую найти Глорфиндейла. Тетушке Тэг я рассказала про Вима, и она хотела разузнать все: не чем занимается его отец и какие экзамены он сдает, а какой он. Я ответила, что он классный и вроде как я ему нравлюсь. Она хочет с ним познакомиться. Я сказала, что он думал о том, чтобы приехать, и она сразу засуетилась насчет где его уложить. Ее смешные диванчики коротковаты для гостей.

Понедельник, 18 февраля 1980 года

Я пошла вверх по куму. Тетушке Тэг я не соврала, хотя и всей правды не сказала. Объяснила, что хочу подняться по куму и погулять одна. Я свернула наверх мимо библиотеки. Там никого нет, не знаю почему. Река течет вдоль драма, и вид — красивее не бывает, особенно сейчас, когда буки стали одеваться листвой. Ни один цвет не сравнится с этой самой первой зеленью. В небе были большие облака — летели над долиной, словно спешили на свидание в Брекон. Солнце в просветах зажигало все зеленым пламенем.

Когда я добралась до Итилиена, там были Глорфиндейл, и Мор, и фейри, подаривший мне палку, и множество других, в основном хорошо знакомых. Я больше не буду и пробовать передавать их невозможный разговор. Глорфиндейл сказал, что мне нужно открыть врата, чтобы Мор могла жить с ними и стать одной из них, и еще тогда они смогут использовать свое волшебство.

— Так вы духи? — спросила я. Я знала, что Вим хочет знать ответ, да и я, если на то пошло, хо-

тела.

— Некоторые, — сказал он.

Некоторые?

— А что же остальные?

— Есть, — сказал он.

Ну, вот, я так и знала. Остальные есть. Они существуют. Они здесь, они владеют волшебством и живут своей жизнью, не похожей на нашу. Но откуда они взялись? Может, те, кто разговаривает, когда-то были людьми?

Врата, которые он просил меня открыть, открывались, конечно, кровью. И было там что-то еще, чего я не поняла. Я спросила про свою мать, и он сказал, что она не может нам повредить — или что никогда не сможет нам повредить после того, как я это сделаю. Определенно, это значит, что я это делаю для защиты. Место это, слава богу, не в лабиринте, потому что туда идти и идти. Это прямо внизу, на старом паллетном. До него я могу доехать автобусом. Магия крови всегда риск, но Глорфиндейл знает, что делает. Он всегда знает. Странно, что, все зная, он все равно нуждается во мне, потому что сам не может двигать предметы.

Странно было вот так видеть Мор среди фейри, как будто она сама уже наполовину фейри. У меня возникло очень странное чувство. Она казалась

такой далекой. Не то чтобы покрылась листвой или что-то в этом роде, но я бы не удивилась.

Вечером я позвонила Виму и все, как могла, ему пересказала.

— В чем риск? — спросил он.

— Ну что застрянешь в волшебстве или что оно затронет больше, чем должно.

— Что значит: застрянешь? Ты о смерти? — Он как будто задохнулся на том конце провода.

— Наверное, да.

— Наверное! Слушай, я еду!

— Не надо, — сказала я. — Все будет хорошо. Он знает, что делает.

— Я далеко не так уверен, как ты.

По телефону очень трудно договориться, так не хватает выражения лица, жестов, всего. Не уверена, что сумела его по-настоящему успокоить.

С умиранием, ну, на самом деле со смертью, штука в том, что есть разница между теми, кто знает, что в любое время может по-настоящему умереть, и теми, кто не знает. Я знаю, а Вим нет. В этом все дело. Я никому не пожелаю того ужасного мгновенья, когда я поняла, что мчащиеся на нас фары — настоящие. Но кто этого не понимает, те думают, будто есть опасные вещи, которые могут вас убить, а остальное безопасно. А выходит

иначе. Мы уже миновали опасность, про которую знали, что она грозит смертью, и просто переходили дорогу. Не думаю даже, что она желала нам смерти. Мы были ей полезнее живыми.

Это нужно сделать на закате, а он, согласно «Дейли Мейл», в половину шестого.

Вторник, 19 февраля 1980 года

После обеда я на автобусе поехала в верховье долины. Тетушке Тэг надо было в школу на собрание, а потом мы с ней собирались встретиться в «Феду Хир» в семь часов, когда пускают посетителей. Я сошла с автобуса в Аберкумбое, у развалин паллетного. Было еще рано. Я пожалела, что не нашла себе какого-нибудь занятия до времени, вроде как повстречаться с Мойрой, Ли и Насрин. Подумала, не позвонить ли им, но потом вспомнила вечеринку у Ли, где мы виделись последний раз, и что они мне больше не подруги, просто знакомые. Они захотели бы все узнать про Вима и обсуждали бы его на свой манер, обесценив мои настоящие чувства.

На ржавой железной ограде у поворота к паллетному висел плакат: «Проект возвращения земли. Местный совет Мид-Гламоргана». У меня сердце воспрянуло, потому что вспомнился поход лордов Гондора. Мы называли это место Мордором, и Мордор пал. Адское пламя потухло. На некоторых деревьях виднелось немножко зелени. Фейри вокруг не было. Нога у меня по-

баливала — не сильно, но достаточно, чтобы их разогнать.

Печи остыли, а все окна оказались повыбиты. Жалкое зрелище — руина пятилетней давности, еще не такая развалившаяся, чтобы стать твердыней фейри. Вывеска про собак покосилась. Собаки, если здесь были собаки, ушли вместе с работниками. Темный пруд до сих пор выглядел зловеще, хотя по берегам выросла трава. Я прошла на дальний конец фабрики, откуда, подняв глаза, можно было видеть холмы, и села в одной из ниш. Я хотела отдохнуть, чтоб боль в ноге уменьшилась до привычного нытья, которое фейри выдерживают. Я читала «Прикосновение странного» — блестящая книга и красиво написана, хотя и странноватая. Это рассказы. Я рада, что хоть один подарок от Вима оказался удачным.

Дочитав, я, вместо того чтобы взяться за «Врата Иврил», стала проверять, смогу ли разогнать боль в ноге, как на иглоукалывании. Это не настоящее волшебство, хотя и волшебство. Эта магия не затрагивает мир и ничего в нем не меняет. Она вся внутри тела. Сидя там, я подумала, что магия есть во всем. Фейри больше существуют в магии, чем в мире, а люди больше в мире, чем в магии. Может быть, фейри — кроме тех, которые

заблудившиеся умершие люди, — это концентрированная, олицетворенная магия? А Бог? Бог есть во всем, проникает всюду, он порядок вещей, их движение. Вот почему чары так часто оборачиваются ко злу — потому что они идут против этого порядка. Я почти различала узор, порядок в смене солнца и туч над холмами, а боль удерживала чуть в стороне, где она не могла мне повредить.

Глорфиндейл появился первым, а за ним все остальные. Никогда не видела такого парада фейри, даже в прошлом году, когда нам пришлось остановить Лиз. Взглянув на Глорфиндейла с точки зрения нового понимания магии и прочего, я решила, что не буду больше так его называть, втискивать в вычитанный в книге порядок. Имя — не он сам, хотя имена и удобные ярлыки. Фейри были повсюду, окружили меня, теснили. Никто мне не велел что-то особенное принести, и я ничего не взяла, но была наготове.

Солнце уже уходило за холмы. Глорфиндейл без разговоров повел нас обратно к пруду. Я могла бы и догадаться, что это будет там. Я остановилась на берегу. Мор подошла ко мне. Она выглядела такой молодой и в то же время такой далекой. Мне трудно было смотреть на нее. Выражение лица у нее стало, какое обычно у фейри. Она выглядела

собой, но уже далеко ушла от той, кем была, в волшебство. Она уже казалась больше фейри, чем человеком. Я достала свой перочинный ножик, собиралась надрезать себе большой палец для колдовства, но Глорфиндейл — не могу думать о нем иначе — покачал головой.

— Соединись, — сказал он. — Исцели.

— Что?

— Разломаны. — Он показал на Мор и на меня. — Будь вместе.

Вперед вышел фейри, подаривший мне палку.

— Делай, будь вместе, — сказал Глорфиндейл. — Останься.

— Нет! — сказала я. — Мне не этого надо. И вам тоже. На полпути, — так ты сказал на Хеллоуин. Так я и тогда могла бы, если бы захотела.

— Останься. Исцели. Соединись, — повторял Глорфиндейл.

Фейри-старик коснулся моей палки, и она стала ножом, острым деревянным ножом. Он показал, будто втыкает его мне в сердце.

— Нет! — вскрикнула я и выронила его.

— Жить, — сказал Глорфиндейл. — Среди. Вместе.

— Нет! — Я стала отступать от ножа, медленно, потому что он, конечно, был моей палкой, а без

нее я быстро двигаться не могла. Мор подобрала ее и протянула мне.

— За смертью, — сказал старик. — Жить среди, становиться, сливаться. Вместе. Исцеленными. Сильными, достигшими, любящими, навсегда спасенными, навсегда сильными, вместе.

— Нет, — уже спокойнее повторила я. — Послушайте, я не этого хочу. Той зимой — может быть, сразу, как это случилось, но теперь нет. Мор знает. Глорфиндейл знает. Я ушла дальше. Многое произошло. Я изменилась. Может, вы видите во мне отломанную половинку пары и моя смерть кажется вам средством связать разорванные концы и укрепить связь с реальным миром, но для меня все по-другому. Не теперь. У меня есть дела.

— Делаешь так делай, — сказал он, и на этот раз я не услышала в его словах поддержки. — Помогай. Соединяйся. Действуй.

Мор держала нож острием ко мне. Кругом были фейри; осязаемые, материальные фейри теснили меня к ножу. Я знала, что и нож материальный. Я на него не одну неделю опиралась. Я установила с ним магическую связь, а он со мной.

— Нет. Не хочу, — настаивала я. — Немного крови и волшебства, чтобы помочь Мор, помочь вам, если вам это поможет, — да, на это я согласна, но

не на смерть.

Что подумает Вим? Хуже того, что подумает тетушка Тэг, которая понятия не имеет о фейри, которая решит, что я просто ушла в горы, не сказав ни слова, и покончила с собой? А как же Даниэль?

— Не могу, — сказала я.

Я хотела отступить, но они сомкнулись вокруг меня, теснили к ножу.

— Нет, — твердо повторила я.

Они обступили со всех сторон, и нож был близок, как никогда, и нож хотел моей крови, моей жизни, искушал меня стать фейри. Стань я фейри, я бы всегда различала ткань волшебства. Не будет больше боли, не будет слез. Я пойму магию. Я буду с Мор, я буду Мор, мы будем одной личностью, соединимся. Но мы никогда на самом деле не были одним человеком, и это все решило. Я попятилась на шаг и заговорила как могла спокойно:

— Нет. Я не хочу быть фейри. Не хочу соединяться. Я хочу жить и быть собой. Хочу вырасти в мир.

Спокойствие помогало, как помогает Литания против страха, потому что магия иногда использует страх. А отвергнув их предложение всем сердцем, я стала еще сильнее, потому что магия

использовала еще и ту часть меня, которая хотела стать фейри — всегда этого хотела.

Передо мной была Мор, был нож, а позади пруд. И вокруг стояли фейри. Я протянула руку к ножу. Что бы в нем ни заключалось еще, он был деревянным, а дерево любит гореть, гореть — закон для дерева, в нем скрывается огонь — огонь солнца. Солнце садилось, но дерево вспыхнуло пламенем, и я была пламенем, я была пламенем, заключенным на миг в собственном облике, а потом я стала огромным пламенем. Эта земля знавала пламя. Здесь горели адские огни, здесь перерабатывали в паллеты уголь из копей, лишая его дыма и яда. Уголь хотел гореть, он даже лучше дерева знал огонь. Фейри разбежались от меня, все, кроме Мор, которая держала горящий нож и через него была связана со мной. Мы стали двумя зеркальными образами пламени.

У меня не было дубового листа, и рядом не оказалось двери в смерть, но я была огнем, и она была огнем, и я знала порядок, и я любила ее. Она не была мной, но была в моем сердце и всегда будет.

— Держись крепче, Мор, — сказала я, и она, хотя и была пламенем, улыбнулась настоящей, своей улыбкой, улыбкой, которой улыбалась рожде-

ственским утром, когда бабушка была жива и чулок с подарками ждал, когда же в него заглянут. Я открыла пространство между пламенем и местом смерти в порядке вещей и забросила ее туда вместе с ножом, а потом закрыла и осела наземь, притушила огонь, возвращаясь в свое обличье. Я все еще горела, все еще пылала, но знала, как перестать, как вернуться в плоть, которой была. Проще было бы забыть, утонуть в преображении. Я потянулась к плоти, и с плотью пришла боль. Я даже не обожглась, но нога отказывалась принять мой вес.

Фейри пятились, но все еще окружали меня. Глорфиндейл смотрел горестно, а старик сердито.

— До свидания, — сказала я и сделала несколько шагов вверх по склону. Пока я говорила, солнце зашло, и все погрузилось в тусклые сумерки. Фейри таяли. Я медленно повернулась.

Конечно, она была там, на сумеречной дороге. Наверное, тетушка Гвенни сказала ей, что я приехала, а выследить меня она могла по движению фейри.

Она совсем не переменилась. Выглядела ведьмой. Длинные сальные черные волосы, смуглая кожа, крючковатый нос и бородавка на щеке.

Она как никто подошла бы на роль ведьмы, хотя сестры, конечно, тоже ведьмы, а они вполне светловолосые и благопристойные. Оделась она как обычно: то есть так, будто выхватывала из гардероба каждую третью вещь. Чтобы подбирать самые заряженные волшебством — по идее. В результате каждый предмет одежды невероятно противоречил другим, совсем не подходил к сезону — в данном случае на ней был мешковатый, вязанный из кусочков свитер и длинная тонкая черная юбка.

— Мама, — выговорила я не громче шепота. Я перепугалась, гораздо сильнее, чем боялась фейри и ножа. Я всегда ее боялась.

— Ты всегда была похожа на меня, — невозмутимо сказала она.

— Нет, — возразила я, но голос у меня сорвался, и получилось шепотом.

— Вместе мы на многое способны. Я многому тебя обучу.

Я вспомнила, как мы однажды мучили ее, когда она была совсем не в себе, в наши десять или одиннадцать лет. Она столкнула меня с крыльца, потому что посылала за сигаретами, а я вернулась с пустыми руками — мне не продали. Я разбилась в кровь, и Мор меня поднимала, и

тут мы увидели, как из кладбищенских ворот, медленно хлопая крыльями, вылетает большая черная птица — скорее всего, ворона, но мы тогда всех их называли во́ронами. На валлийском это все равно одно слово. «Как-то в полночь, в час угрюмый…» — начала Мор, и я подхватила, и она, Лиз, моя мать, сбежала в дом, а потом в свою комнату, потому что мы все громче и громче декламировали «Ворона» По.

Я видела узор мира. Я отослала Мор туда, куда должны уходить люди после смерти. Я была пламенем. Моя мать же, жалкая лоскутная ведьма, так часто впутывала колдовство в собственную жизнь, что не осталось ничего цельного, кроме мотка ненависти, от бессилия пожирающей самое себя. Нам уже доводилось сдерживать ее власть с помощью фейри.

— Мне нечего тебе сказать, — громко проговорила я и шагнула вперед. Я сделала второй шаг, от которого нога основательно заболела, но я не думала о боли и о ней не думала. Я знала, что она творит какое-то колдовство, нацеленное на меня, но мои обереги, те, что я сделала в школе, держались, и чары ушли в землю, как уходила боль на иглоукалывании.

Я сделала еще шаг и обошла ее. Она дотянулась

до меня руками и схватила. Пальцы у нее были как когти.

Я обернулась и взглянула на нее. Глаза у нее были страшными, как всегда. Я глубоко вздохнула, сказала: «Оставь меня в покое», — и оттолкнула ее плечом.

Она потянулась меня ударить, и тут я осознала, что она тянется вверх. Я переросла ее. Я оттолкнула ее, использовав инерцию ее замаха и вращение мира. Она упала. Я сделала еще шаг от нее вверх по холму. Бежать я не могла, я кое-как хромала, но хромала только вверх.

— Как ты смеешь! — выкрикнула она с земли. В голосе было подлинное удивление. Потом она снова собрала чары, как в тот раз, когда погибла Мор, она насылала иллюзорных монстров, вихрившихся вокруг меня на ходу. Без питавшего их страха они были унылыми и пустыми.

Я услышала, как что-то порвалось, обернулась и ахнула от ужаса. Она достала свое однотомное издание «Властелина колец», первое, что я прочитала, и вырвала страницу. Она швырнула ее в меня, и листок растянулся пылающим копьем от нее ко мне. Было уже довольно темно, и он забросал все странными, лишними тенями. Я уклонилась от удара. Она вырвала еще страницу.

Я едва стерпела. Знала, что книги — это всего лишь слова, и у меня было два своих издания, но мне хотелось кинуться обратно и отобрать у нее книгу. Копья были не страшнее побоев, они бы не причинили большого вреда, даже попав в меня. Как могла она обратить против меня книгу? Но я понимала, что это проще простого.

И я могла так же. Я стянула иллюзорных монстров и подтолкнула их к ней. Они переменились, стали драконами, огромными инопланетными черепахами, людьми в космических скафандрах, мальчиками и девочками в доспехах со сверкающими мечами, они встали между нами, защищая меня, устремляясь к ней сквозь сумрак. Я сделала еще шаг на холм, от нее.

Она, конечно, умела игнорировать иллюзии не хуже меня.

Копья все летели мне вслед. Они уже не пылали, и различить их стало труднее. Похоже, она вырывала листы горстями и швыряла наугад. Я остановилась и потянулась к узору мира. Они были бумажными. Бумага — это древесина, легко превращается в копье, но чем бы древесина хотела стать на самом деле? Одно пролетело так близко, что обдало меня ветром, и я поняла и рассмеялась. Об этом давным-давно говорила Мор.

Это оказалось даже не трудно. Копье, бывшее прежде страницей, стало деревом. И остальные, те, что она прежде бросила, что торчали в земле. Они постояли, уйдя корнями в землю, вздымая ветви: дуб, осина и терн, бук, береза и ель, огромные зрелые деревья в летней зелени. И стали спускаться с холма. Бирнамский лес пошел на Дунсинан. «Хуорны помогут», — проговорила я, и на глазах у меня выступили слезы.

Если вы любите книги, книги отвечают вам любовью.

Они не были иллюзией. Они были деревьями. Бумага сделана из деревьев и хочет стать ими. Я видела Лиз между стволами. Она бесилась, орала мне что-то. Листки обращались в деревья, едва она их вырывала, и даже раньше. Книга в ее руках стала густым сплетением плюща и колючек, разрасталась вширь. Весь пустырь вокруг бывшего паллетного стал лесом, скрыл в своем сердце руины завода. Среди деревьев мелькали фейри. Конечно, они пришли. К темному пруду слетела сова.

— Иногда сбывается не так скоро, как ожидаешь, — сказала я.

И пошла дальше, вверх, прочь от завода. Она все бесилась внизу, среди деревьев. А я уходила,

быстро, насколько могла, хотя получалось не так уж скоро. Ей теперь было до меня не дотянуться. Я сделала еще два шага и ступила на дорогу.

Здесь можно было держаться за балку ограждения. Это помогло немногим хуже палки. Мне всего-то и надо было добраться до автобусной остановки. Моя старая палка осталась в дедушкином доме. А потом я сообразила, что я, как глупая Фанни Робин в глупой истории Гарди, тащусь вдоль изгороди, и тогда я расхихикалась.

Там, где кончалось ограждение, у остановки, где я все еще немножко хихикала, стояли они. Я немало удивилась, увидев Вима, поразилась, узрев Даниэля, и глазам своим не поверила при виде Сэма. Они все трое возникли откуда ни возьмись, как Троица, хотя, конечно, все было просто. Вим решил приехать и позвонил Даниэлю, а тот позвонил Сэму. Они не видели, как я пылаю и превращаю страницы в деревья, — во всяком случае, Даниэль не видел. Вим, мне кажется, мог что-то разглядеть краем глаза. Что видел Сэм, я не знаю. Он только улыбался.

Я в них ничуть не нуждалась, но как чудесно было их увидеть.

Среда, 20 февраля 1980 года

Мы съездили забрать мою палку, а потом все отправились в «Феду Хир» повидать дедушку. Он не собирается так сразу прощать Даниэля, но тут уж ничего не поделаешь. Тетушка Тэг накормила всех ужином, а я помогала, а потом мы решили все заночевать у дедушки, потому что в квартире было никак не поместиться. Было как во сне, где все не на своем месте. Дедушке понравился Вим. Он всегда хотел сына. А Виму по-настоящему понравился Сэм. Как странно, что все они собрались вместе.

И я с ними, живая, осталась в мире. Я и дальше собираюсь жить в мире, ну, пока не умру. На Пасху поеду в Глазго, посмотрю, что такое научно-фантастический фэндом. На будущий год в июне сдам основные экзамены и постараюсь подготовиться на аттестат. И поступлю в университет. Я буду жить, и читать, и дружить, у меня будет карасс — люди, с которыми можно поговорить. Я буду расти, и меняться, и оставаться собой. Куда бы меня ни занесло, я буду своей в библиотеках. Может быть, я доберусь и до инопланетных биб-

лиотек. Я буду видеться с фейри, и разговаривать с ними, и колдовать буду, если придется для защиты от зла, — я не собираюсь ничего забывать. Но я не стану прибегать к волшебству ради обмана или чтобы моя жизнь стала не настоящей, и не стану разрушать узор. Случится такое, чего я и вообразить не могу. Я буду меняться и вырастать в будущее, невообразимо отличающееся от прошлого. Я буду живой. Я буду собой. Я буду читать свою книгу. Я никогда не утоплю книги и не сломаю жезл. Я буду учиться, пока жива. В конце концов я доберусь до смерти, и умру, и пройду через смерть в новую жизнь, или на небеса, или к тем невообразимым событиям, которые ждут людей после смерти. Я умру, и сгнию, и верну свои клетки жизни, ее узору, на какой бы планете я к тому времени ни оказалась.

Такова жизнь, и так я намерена ее прожить.

«Врата Иврил» оказались просто блеск.